

ЯНВАРЬ
1924г.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ОРГАН ЦК РКСМ.

№1 ЯНВАРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2024

НАМ 100 ЛЕТ!

*С Новым
Тогом!*

2024

Неизвестное об известном

Юрий Осипов	Последний романтик	7
Алла Зубкова	Господин сочинитель	80

Это интересно

Светлана Марлинская	История гимнов России	15
Николай Долгополов	Если приказано уходить	47
Юрий Прокопчук	Ленин в скалах	98

Рассказ

Дмитрий Игнатов	Камерный клуб коллекционеров	22
-----------------	------------------------------------	----

Минувшее

Александр Ралот	Секретарь посольства	42
-----------------	----------------------------	----

Замечательные современники

Дарья Парчинская	Марк Бартон: «Любовь — это такая движущая сила, без которой ничего не может существовать»	52
------------------	---	----

История одной картины

Ирина Опимах	Василий Перов. «Странник»	62
--------------	---------------------------------	----

Чтобы помнили

Евгения Гордиенко	Жил я впервые на этой земле... ..	70
-------------------	-----------------------------------	----

Эссе

Екатерина Маркова	Спасительная ладошка	76
-------------------	----------------------------	----

Посмеемся вместе

Андрей Женин	Встреча с Богом	92
--------------	-----------------------	----

Поэзия

Олег Финько	Стихи	102
-------------	-------------	-----

Итоги конкурса

Надежда Басманова	Миленькая ты моя	108
-------------------	------------------------	-----

Афоризмы

Иван Переверзин	Афоризмы	112
-----------------	----------------	-----

Точка просвещения

Александра Кеберлейн	Первая «Смена»	119
----------------------	----------------------	-----

Ретро-детектив

Наталья Рыжкова	Сумерки богинь	124
-----------------	----------------------	-----

Кроссворд. Эрудит

.....	188
-------	-----

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Коллаж Людмилы Калининой

Вторая обложка

Фото Даниила Пирожкова

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью**
**«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 14.12.2023

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

« Первые сочинения Михаил Глинка написал перед выпуском из пансиона. Это было несколько романсов, один из которых «Не пой, красавица, при мне!» был написан на стихи А.С. Пушкина. Они познакомились еще во время учебы и стали настоящими друзьями, которых объединяли общие интересы. Дружба эта продолжалась до самой смерти поэта, и Глинку часто называют «Пушкиным в музыке», потому что он внес огромный вклад в становление русской оперной школы, равно как Пушкин в развитие русской литературы.

Светлана **Марлинская** «Основоположник русской оперы»

« Зимой 1850 года московские газеты пестрели заголовками: «Купчиха-франуженка тридцати пяти лет от роду зверски убита в Москве возле известного кладбища». Версию убийства с целью ограбления полиция отмела сразу: золотые серьги с бриллиантами в ушах жертвы остались нетронутыми, как и дорогие кольца на изуродованных руках...

Спустя несколько лет после этого убийства была написана трилогия: «Свадьба Кречинского», «Дело» и «Смерть Тарелкина». Автор ее, Александр Сухово-Кобылин, и стал главным обвиняемым в процессе по факту смерти убиенной. Стараниями матери он был освобожден из-под ареста, все судебные протоколы и свидетельства таинственным образом исчезли, так что давнишнее темное дело так и осталось нераскрытым...

Александр **Ралот** «Нераскрытое преступление»

« Сегодня многие ценители балета хорошо помнят имена Дягилева, Нижинского, Анны Павловой, и лишь на четвертом месте — а то и более дальнем — стоит имя Михаила Фокина — танцовщика и балетмейстера. Между тем, он привнес в русский балет не меньше, а, возможно, и больше своих великих современников...

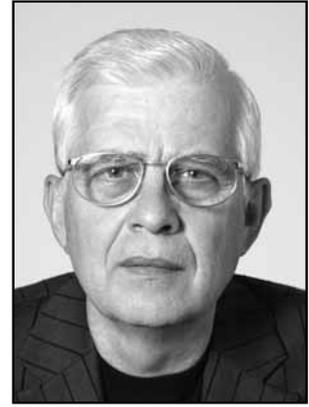
Несмотря на то, что большую часть своей творческой жизни он провел за границей, Россию Фокин любил всей душой. Его сын вспоминал: «Перед смертью, придя в сознание и узнав о событиях под Сталинградом, отец спросил: «Ну, как там наши?» И, услышав ответ: «Держатся», прошептал: «Молодцы!» Это были его последние слова...»

Евгения **Гордиенко** «Реформатор от балета»

« Кажется, ее судьба была предрешена еще до рождения — ведь она дочь талантливого артиста и режиссера Ивана Верховых и всегда была окружена творчеством. Варвара Верховых — восходящая звездочка на небосклоне Олимпа театра и кино — уже хорошо известна зрителям по ролям в фильмах и сериалах. Она удивляет палитрой сыгранных ролей — это может быть несчастная жертва в триллере, а может и дочка А.В. Суворова в исторической драме. Сама Варя говорит о себе: «Мне хочется быть не просто актрисой, певицей, а человеком, который умеет любить, созерцать и стремиться к прекрасному».

Беседовала с актрисой Дарья **Парчинская**

« Окончание ретро-детектива Натальи **Рыжковой** «Сумерки богинь»

Уважаемые Читатели!

100 лет назад, 8 января 1924 года, на заседании Бюро ЦК комсомола была утверждена редакционная коллегия журнала «Смена» «в составе тт. Зонина (редактор), Федорова и Борисова», и в январе вышел первый номер журнала. Чуть позже, 14 февраля 1924 года, в том же ЦК было принято решение: *«Журнал с его приложениями должен стать основным пособием во всей союзной работе. В «Смене» соединить материалы приключенческие, красной романтики с материалами в области быта и жизни молодежи, приспособив к уровню подростков».*

Уже через несколько лет журнал стал предоставлять свои страницы самым известным в недалеком будущем прозаикам и поэтам, причем для многих из них это были первые публикации на страницах всесоюзного издания.

В двадцатые годы в «Смене» печатались первые рассказы Михаила Шолохова и Александра Грина, стихи Владимира Маяковского, в тридцатых годах опубликовали свои первые произведения Константин Паустовский, Лев Кассиль, Валентин Катаев. Были напечатаны отрывок из нового романа Алексея Толстого «Петр I» и его сказка «Приключения Буратино», один из последних рассказов Николая Островского «Восстание», отрывки из романа Юрия Тынянова «Пушкин», очерк Михаила Зощенко, новые рассказы Максима Горького и Константина Паустовского, очерки и рассказы Андрея Платонова.

Во время Великой Отечественной войны «Смена» была военным журналом ЦК ВЛКСМ. В послевоенные годы на ее страницах появился отрывок из романа «Молодая Гвардия» Александра Фадеева, первая публикация Виктора Астафьева, с началом так называемой оттепели дебютировали Юрий Бондарев, Владимир Солоухин, Юрий Нагибин, Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский. В 1959 году был опубликован первый роман братьев Аркадия и Георгия Вайнеров — «Двое среди людей». В 1965 году вышли роман Вадима Кожевникова «Щит и меч» и первый рассказ Кира Булычева. В 80-х годах Валентин Пикуль выступил с рассказом «Железные четки». В 90-х были опубликованы новые рассказы Виктора Астафьева и Юрия Нагибина, произведения Александра Зиновьева, Льва Аннинского, Игоря Золотусского,

Владимира Максимова, Юлиана Семенова, братьев Стругацких, и «Сын человеческий» Александра Меня.

Авторами «Смены» в разные годы были: Белла Ахмадулина, Ираклий Абашидзе, Чингиз Айтматов, Шолом Алейхем, Лев Анненский, Исаак Бабель, Василий Белов, Владимир Богомолов, Василь Быков, Алексей Варламов, Константин Ваншенкин, Андрей Вознесенский, Сергей Высоцкий, Расул Гамзатов, Андрей Дементьев, Николай Дмитриев, Николай Добронравов, Евгений Долматовский, Михаил Дудин, Тимур Зульфикаров, Анатолий Иванов, Фазиль Искандер, Александр Казанцев, Вениамин Каверин, Вячеслав Кондратьев, Анатолий Курчаткин, Владимир Костров, Юрий Кузнецов, Альберт Лиханов, Михаил Львов, Екатерина Маркова, Михаил Матусовский, Эдуардас Межелайтис, Валерий Митрохин, Борис Олейник, Борис Пильняк, Борис Можаяев, Юрий Нагибин, Евгений Носов, Лев Ошанин, Иван Переверзин, Юрий Поляков, Анатолий Приставкин, Петр Проскурин, Александр Проханов, Анатолий Пшеничный, Валентин Распутин, Эдвард Радзинский, Станислав Рыбас, Михаил Светлов, Константин Симонов, Сергей Смирнов, Валентин Сорокин, Виктория Токарева, Александр Твардовский, Владимир Тендряков, Владимир Трапезников, Юрий Трифонов, Николай Тряпкин, Дмитрий Фурманов, Владимир Цыбин, Валерий Хайрюзов, Феликс Чуев, Олег Шестинский, Виктор Шкловский, Василий Шукшин, Илья Эренбург... Этот список можно продолжать и продолжать вплоть до сегодняшнего дня, о чем можно убедиться на нашем сайте, где выложены все номера журнала, начиная с 1924 года.

В 1990 году тираж «Смены» составил 3,5 млн экземпляров, а поскольку журнал выходил раз в две недели, то в месяц нужно было печатать 7 млн экземпляров. Но в СССР не было полиграфических мощностей, чтобы сделать такое количество, поэтому волей ЦК КПСС с января 1990 года «Смена» была переведена на книжный (нынешний) формат.

В 1992 году в новых российских реалиях перед редакцией встал вопрос: уходить в «желтизну» или продолжать сеять «разумное, доброе, вечное». Редакция выбрала второй путь и оказалась одним из очень немногих комсомольских изданий, выживших в условиях новой России.

Сегодня «Смена» является просветительским литературно-художественным журналом, в каждом номере которого публикуются материалы о самых замечательных людях: политиках и ученых, деятелях культуры и искусства, классиках литературы, воинах и учителях, которые делами и поступками внесли и вносят заметный вклад в развитие и становление Отечества. А также материалы о наиболее важных и знаковых событиях, оказавших заметное влияние на развитие человечества.

Как и много лет назад, «Смена» продолжает предоставлять свои страницы начинающим прозаикам, поэтам, художникам, рассказывает о наиболее талантливых молодых актерах, режиссерах, композиторах и вокалистах...

И все это благодаря вам, дорогие читатели, благодаря вашему вниманию, вашему интересу, вашей поддержке.

Мы же будем стремиться к тому, чтобы «Смена» была нужна вам! □

С искренним уважением,
главный редактор **Михаил Кизилов**

К ЮБИЛЕЮ «СМЕНЫ»

*Сколько еще промчится эпох,
Сколько изменится судеб,
Но самым главным во веки веков
Слово, конечно же, будет!*

*И тот, кто служит ему теперь,
Достоин великого звания,
Ведь он открывает волшебную дверь,
даря Людям силу знания!*

*И «Смена», рожденная сто лет назад
В большой молодой стране,
Уверенно встала в почетный ряд
И стала ценней вдвойне!*

*Журнал развивался, журнал вырослел,
Журнал на войне воевал,
И в космос с Гагариным он летел,
Союза видел развал...*

*И в трудных минутах, и в светлый час
По-прежнему с нами он,
И не по разу каждым из нас
Номер его прочтен.*

*Так пусть и в дальнейшем — на новый век —
Не рвется прочная нить:
Литература — жизнь — человек!
И «Смене» век еще жить! □*

Юлия Макарова

Юрий Осипов

Владимир Одоевский

Последний романтик

Последний представитель старшей ветви Рюриковичей, философ-мистик, писатель-фантаст, детский сказочник и композитор-любитель, князь Владимир Одоевский вступил на литературное поприще в 1824 году, в преддверии восстания декабристов, после которого сжег в присутствии членов Общества Любомудров (любителей классической философии), председателем коего являлся, устав и протоколы общества, дабы не попасть под горячую руку властей...

Белинский замечал, что этот благородный и возвышенный мечтатель «принадлежит к числу наиболее уважаемых из современных русских писателей, — и между тем ничего не может быть неопределеннее известности, которой он пользуется. Скажем более: имя его гораздо известнее, нежели его сочинения».

Надо добавить, что, открыв с женой, Ольгой Ланской, литературный салон, Одоевский всячески пытался сблизить аристократическое общество с писательской средой. В их доме неоднократно бывали Пушкин, Грибоедов, Крылов, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский. Большую часть времени Владимир Федорович посвящал благотворительности и общественной деятельности, будучи ярким противником крепостного права. Эта позиция столь родовитого аристократа настроила против него консервативные круги дворянства, тем более что он еще выступал за совершенно немислимую, по их убеждению, судебную реформу с введением принятого в Европе суда присяжных.

В помощи Одоевский не отказывал никому, но особенно пекся об участии несчастных детей-сирот, спонсировал организацию и благоустройство детских приютов. А еще — участвовал в основании больниц для малоимущих и Общества призрения бедных в Петербурге. При этом после переезда в Москву в 1859 году князь активно помогал в создании Русского музыкального общества и консерватории, не переставая заниматься разного рода науками, включая физику, химию и медицину.

Видный писатель, литературный критик и журналист Иван Панаев, муж несравненной Авдотьи Панаевой, вспоминал, что «мало встречал людей, которые могли бы сравниться с Одоевским в добродушии и доверчивости. Никто, — пишет Панаев, — более его не ошибался в людях, и никто, конечно, более его не был обманут... Писатель фантастических повестей, он до сих пор смотрит на все с фантастической точки зрения, и прогресс человечества воображает в том, что через 1000 лет люди будут строить вместо мраморных и кирпичных, стеклянные дворцы».

Что ж, пророчество писателя сбылось гораздо раньше, и остекленные стены домов давно уже стали нашей привычной реальностью. Как и многое другое, предсказанное автором «фантастических повестей».

Владимир Федорович Одоевский появился на свет в Москве, в июле 1804 года. Его отец, Федор Сергеевич, отличился на воинской службе, а затем принял должность директора Московского отделения Государственного ассигнационного банка. Мать, Екатерина Алексеевна, была дочерью прапорщика, имела дом на Пречистенке (один из самых аристократических районов Перво-престольной), владела несколькими слугами и немалым наследством. Однако из-за простого происхождения не смогла снискать после смерти мужа поддержки среди его знатных родственников.

Отец будущего писателя умер, когда тому исполнилось четыре года. Воспитывался Владимир в доме

опекуна, двоюродного дяди по отцовской линии, генерала Дмитрия Закревского. После смерти мужа Екатерина Алексеевна еще дважды выходила замуж, а Владимир, окончив Московский университетский благородный пансион, почти разоренным поселился в имении деда под Костромой.

С юных лет он не придавал значения своему княжескому титулу и происхождению от удельного князя Михаила Черниговского, замученного Батыем в 1246 году. Этим природным демократизмом Владимир Федорович приводил в немалое изумление светских знакомых, завидовавших древности его славного рода.

В 1823 году, подобно другим «архивным юношам», упомянутым Пуш-

киным, он поступил на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел. И тогда же у него на квартире стали собираться члены «Общества Любомудрия», созданного под влиянием шеллинговских идей. Среди членов Общества были и лицейский друг Пушкина поэт В. Кюхельбекер, и литераторы братья Киреевские, и подававший огромные поэтические надежды юный Д. Веневитинов, и философ А. Хомяков, и крупный историк, собиратель древностей М. Погодин...

Одоевский в то время и сам пробовал силы на литературном поприще: писал оставшийся незаконченным роман «Иероним Бруно и Пьетро Аретино», издавал совместно с Кюхельбекером альманах «Мнемозина». Три года спустя он переехал в Петербург, где женился на дочери гофмаршала Ольге Ланской и принял пост секретаря Цензурного комитета при Министерстве внутренних дел, а со временем по предписанию министра народного просвещения будет назначен цензором и пожалован придворным чином камер-юнкера (как Пушкин). Достойным увенчанием его успешной служебной карьеры станет чин действительного статского советника, что поможет ему выхлопотать разрешение на возобновление издания либеральных «Отечественных записок», в которых он примет деятельное участие.

И это не единственное противоречие Владимира Одоевского. Редактируя «Журнал Министерства вну-

тренних дел», он вошел в передовой кружок Белинского, где была решена литературная судьба Некрасова, и получило высокую оценку раннее творчество Достоевского, где часто бывали Гончаров и другие прогрессивные писатели эпохи. В тот период Одоевский начал готовить к изданию трехтомное собрание сочинений. А в своем доме поблизости от Мойки (пушкинские места!) открыл с супругой получивший широкую известность литературный салон, который полюбился и Пушкину.

Тот же Панаев пишет в своих воспоминаниях: «большинство наших так называемых светских людей... полагали, что вся русская литература заключается в Жуковском, Крылове (басни которого их заставляли учить в детстве), Пушкине, князе Одоевском, князе Вяземском и графе Соллогубе... Аристократические литераторы держали себя с недоступною гордостью и вдалеке от остальных своих собратий, изредка только относясь к ним с вельможескою покровительностью. Пушкин, правда, был очень ласков и вежлив со всеми, но эта утонченная вежливость была, быть может, признаком самого закоренелого аристократизма...»

Из всех литераторов-аристократов один Одоевский не стыдился этого звания и не боялся открыто смешиваться с «литературною толпою». За свою преданность литературе он терпеливо сносил насмешки светских приятелей, которые на его вечерах окружали обыкновенно

хозяйку дома, разливавшую у самовара чай в салоне, а литераторы толпились в тесном кабинете хозяйна, «заставленном столами различных форм и заваленном книгами».

«Симпатическая наружность» Владимира Федоровича действовала на всех общавшихся с ним поистине неотвратимо. Прибавьте сюда еще таинственный тон, с которым он говорил обо всем на свете, и задумчивое, отрешенное выражение лица. Даже сам костюм Одоевского — черный шелковый колпак и такого же цвета сюртук до пят — делал его похожим на средневекового алхимика. Тем более в окружении причудливых этажерок с таинственными ящичками и углублениями, книг в старинных переплетах и различных химических реторт... А на стене — портрет Бетховена с длинными седыми волосами и в красном галстуке.

Совершенный лабиринт представляла собой также гостиная в квартире при Румянцевском музее в Москве в ту пору, когда Одоевский там директорствовал. Пройти по прямой линии через гостиную не было никакой возможности; требовалось делать зигзаги, обходя шкафы, ширмы, диван, чтобы достигнуть двери.

До определенных чудачеств доходили кулинарные изыски гостеприимных хозяев салона. «Ничего не подавалось в простом, натуральном виде. Требовались ли печеные яблоки, они прежде выставлялись на мороз, потом в пылающую печь, потом опять морозились и уже подавались вторично вынутые из печки. Говядина

прошпиговывалась всегда какими-то специями, отымавшими у нее естественный вкус. Подливки и соусы приправлялись едкими эссенциями, от которых дух захватывало. Случалось некоторым из гостей, особенно близким хозяину дома, выражать свое неудовольствие юмористическими замечаниями: князь Одоевский выслушивал нападки, кротко улыбаясь и таинственно наклоняя голову».

Пушкин не раз писал об Одоевском, о его произведениях, и литературное сотрудничество двух писателей, начавшееся во время издания Пушкиным «Литературной газеты», стало особенно тесным и плодотворным в пору редактирования пушкинского «Современника». Пушкин-прозаик оказал существенное влияние на стиль и жанровые предпочтения Одоевского. Убежденный романтик, князь говорил: «Форма — дело второстепенное; она изменилась у меня по упреку Пушкина о том, что в моих прежних произведениях слишком видна моя личность; я стараюсь быть более пластическим». Уроки пушкинской прозы Одоевский усвоил глубоко и особенно ценил у автора «Повестей Белкина» «умение заковывать в немногих словах много мыслей». Работая над повестью «Живописец», примыкающей к циклу «Записки гробовщика», который был задуман под влиянием пушкинского «Гробовщика», автор использовал по-пушкински «быстрые», пластичные фразы: «Пойдемте со мной. Вы слышали о Шумском?.. —

Никогда, — отвечал я. — Но я готов идти с вами».

Не случайно ряду исследователей и читателям Одоевский представлялся самобытным наследником пушкинской повествовательной традиции. Это относится и к его знаменитым «Русским ночам», и к другим сочинениям.

В 1833 году увидели свет «Пестрые сказки» Одоевского. Они привели в восторг Гоголя и очень понра-

сказал вошедшие в нашу жизнь всего век спустя электричество, электропоезда, Интернет, блоги и еще многое-многое другое.

Московский период творчества Одоевского отмечен постепенным разочарованием писателя в мистицизме, которому он прежде отдавал дань, увлекаясь масонскими учениями Сен-Мартена, средневековой натуральной магией и алхимией. Еще

С Музыкай Одоевского связывало очень многое. Музыкальная летопись, созданная им как критиком, охватывает, с перерывами, около сорока лет и содержит имена всех известных европейских музыкантов, приезжавших на гастроли в Петербург. Сам писатель тоже пробовал сочинять музыкальные композиции и написал «Сентиментальный вальс» для фортепиано, канон и колыбельную для органа, который настолько почитал, что, владея достаточно скромным состоянием, израсходовал значительную сумму на постройку огромного органа, специально предназначенного для исполнения фуг Баха. Также Одоевский снискал известность по собранию и сохранению русского музыкального наследия

вились публике. Год спустя окрыленный успехом писатель выпустил сказочный сборник «Городок в табакерке», перекликающийся со сказками Андерсена. Классикой литературы для детей стали вышедшие в 1838 году «Сказки бабушки Ириней». В них вошел и особенно полюбившийся малышам «Мороз Иванович».

Этому сборнику предшествовал неизданный фантастический роман писателя «Петербургские письма», в котором Одоевский обозначил свои основные утопические темы и пред-

раньше это разочарование отразило итоговое произведение Одоевского «Русские ночи» (1844), роман в повестях, философских эссе и рассказах, где в качестве фабульного обрамления использована умозрительная беседа между несколькими молодыми людьми: романтика-шелленгианца, «русского Фауста» и двух прагматиков. Особенно впечатляют новеллы «Последнее самоубийство» и «Город без имени», которые описывают, к каким роковым последствиям может привести реализация рекомен-

даций по ограничению роста народонаселения, предложенных законом Мальтуса, а также — воплощение идей утилитаризма английского философа-моралиста Бентама.

«Русские ночи» выразили общий пессимизм Одоевского в отношении дальнейшего общественного развития и роли литературы, ею он с тех пор больше не занимался. Это произведение подвело черту под отечественным философским романтизмом, оказавшись самым значительным творческим достижением самобытного писателя. Белинский откликнулся на «Русские ночи» большой статьей, в которой назвал автора не только «большим талантом», но и «человеком с глубоким, страстным стремлением к истине, с горячим и задушевым убеждением, — человеком, которого волнуют вопросы времени и которого вся жизнь принадлежит мысли».

«Давно уже исчезло все, что прежде составляло счастье и гордость человека. Давно уже погас божественный огонь искусства,

давно уже и философия и религия отнесены были к разряду алхимических знаний; с тем вместе разорвались все узы, соединявшие людей между собою, и чем более нужда теснила их друг к другу, тем более чувства их разлучались. Каждый в собрате своем видел врага, готового отнять у него последнее средство для бедственной жизни...»

Так живописует Одоевский не столь уж отдаленное будущее в новелле «Последнее самоубийство». Похоже, согласитесь, на современные западные экранные антиутопии. Да и в реальной жизни мы наблюдаем нечто подобное. Сам же Владимир Федорович страшился собственных «прогнозов» и искал в поздние годы спасения в ценностях новоевропейского естествознания и идеалах народного просвещения, став их активным пропагандистом.

В таком умонастроении он и переехал в Москву в 1861 году вместе с Румянцевским музеем — крупным собранием монет, манускриптов, фолиантов и других исторических и этнографических реликвий на основе частной коллек-

ции государственного канцлера Н. Румянцева. Музей этот помещался сначала в Северной столице, а затем «получил прописку» в Первопрестольной, заняв одно из красивейших, по словам Булгакова в «Мастере и Маргарите», зданий Москвы — Дом Пашкова, с крыши которого отправился в последний полет Воланд со своей свитой. Одоевский был назначен директором музея и до самой смерти рьяно исполнял эту важную должность, совмещая ее с сенаторством.

Начиналась эпоха так называемых «великих реформ» в царствование Александра Второго, включая отмену крепостного права, введение суда присяжных, земское самоуправление и других. Владимир Федорович, будучи членом передового кружка великой княгини Елены Павловны, выступал их горячим приверженцем. Ратовал он, конечно, и за ослабление цензурных ограничений и отмену строгого воспрещения ввоза в Россию враждебных ей книг (практика, заимствованная из наполеоновской Франции).

Он утешал себя надеждой, что «не совсем еще бросил литературу», и что напишет еще обязательно что-нибудь, ведь у него «столько планов в голове, надо лишь на время удалиться от своих служебных занятий». Увы, служебное честолюбие неприятно овладевало им, и Владимир Федорович помимо собственной воли гонялся за различными знаками отличия. Впрочем, чаще они его сами

находили и вполне заслуженно. Порой он даже терялся в хаосе своих разнообразных занятий. Литератор, химик, музыкант, чиновник, повар, чернокнижник...

С музыкой его связывало очень многое. Музыкальная летопись, созданная им как критиком, охватывает с перерывами около сорока лет и содержит имена всех известных европейских музыкантов, приезжавших на гастроли в Петербург. Для Одоевского характер исполняемой музыки служил одним из «общественных термометров». Сам писатель пробовал сочинять музыкальные композиции и написал «Сентиментальный вальс» для фортепиано, канон и колыбельную для органа.

Еще с середины 1840-х годов он углубился в изыскания в области церковной музыки: прослеживал традиции, уточнял возможности отдельных оркестровых инструментов. Тогда же им были написаны любопытные статьи «Об исконной великорусской песне», «Музыка с точки зрения акустики» и еще несколько. Его горячей поддержкой пользовались Балакирев, Алябьев, Рубинштейн, Даргомыжский. В редакции Одоевского неоднократно переиздавался «Карманный музыкальный словарь»....

К сожалению, лишь в последней четверти прошлого столетия стало очевидным значение князя Одоевского как зачинателя музыкознания в России. Правда, способность Владимира Федоровича все усложнять отразилась и на его любви к музыке.

Он увлекался изучением древних композиторов, загадок контрапункта. Владея достаточно скромным состоянием, израсходовал значительную сумму на постройку громадного органа, специально предназначенного для исполнения фуг Баха. И при этом снискал также известность неутомимой деятельностью по собиранию, сохранению и реставрации русского музыкального наследия. Имелись у него и иные музыкальные «пристрастия». Впрочем, не только музыкальные.

Так, в конце жизни Владимир Федорович неожиданно заинтересовался входившей тогда в моду стенографией и принялся составлять «Руководство к постепенному изучению русской скорописи». А много раньше выступил одним из учредителей Русского географического общества (!) Но главным его увлечением всегда оставалась неутомимая деятельность на ниве народного просвещения. Долгие годы он состоял редактором «Сельского обозрения», выпускал массовым тиражом книжную серию «Сельское чтение», высоко оцененную Далем и Белинским.

Личная жизнь Владимира Одоевского была непростой. Ольга Ланская сумела одарить супруга нежной, отчасти материнской любовью и заботой, которых ему не хватало в детстве. Но привлекательная дама высшего света не сходилась с ним темпераментом. Со временем внешний блеск и тщеславие жены сделались

для него обузой. Не случайно их популярный салон (функционировавший и в Москве) разделился на две половины: светскую, где царила она, и литературно-музыкальную, которой управлял он.

Супруги мечтали о детях и горевали из-за того, что не смогли стать родителями. После себя Владимир Федорович не оставил не только детей, но и сколько-нибудь существенных средств. Зато остался ценный музыкальный архив, переданный его супругой в Московскую консерваторию. Этот архив послужил ядром Музыкального музея при консерватории. А обширный рукописный архив писателя отправился в Императорскую публичную библиотеку в Петербурге.

...Когда Владимир Федорович тяжело заболел воспалением мозга, Ольга Степановна самоотверженно ухаживала за мужем, скрасив ему последние дни жизни. Перед смертью его исповедовал и причастил подружившийся с ним отец Дмитрий, священник и исследователь древнерусской церковной музыки Дмитрий Разумовский, возглавивший по рекомендации Одоевского новую кафедру в Московский консерватории.

Похоронили последнего князя Одоевского, согласно его завещанию, в некрополе Московского Донского монастыря, рядом с так называемой больничной церковью во имя Архангела Михаила. На надгробном камне выбиты евангельские слова:

«БЛАЖЕННИ ЧИСТИИ СЕРДЦЕМ, ЯКО ТИИ БОГА УЗРЯТ». □

Светлана Марлинская

История гимнов РОССИИ

Ничто так не отражает дух эпохи, как ее песни. Сразу после Февральской революции перед Временным правительством встала задача заменить символику царской России. «Боже, Царя храни!» больше никто не пел, аксельбанты и царские вензели летели с погон, улицы и города меняли свои названия. Страна вспыхнула красным — красные флаги на улицах, красные ленты на папах и пальто. Новая страна, новые люди, новый флаг и новый гимн...

Но не второй и даже не третий. Гимны в царской России менялись, пожалуй, слишком часто.

Гимн Российской Федерации

Прежде чем в 1816 году был официально принят государственный гимн, все торжественные события сопровождалось церковными песнопениями, а при Петре Великом — военными маршами. «Гром победы, раздавайся!», «Коль славен наш Господь в Сионе...» никогда не считались официальными гимнами, но были

своего рода русскими «духовными» гимнами, приобретая большую популярность.

Первые мелодии и песни, подобные государственному гимну, стали возникать в России в XVIII веке. В царствование императора Петра I был создан «Преображенский марш». Государственным гимном он не яв-

лялся, но часто исполнялся на торжественных церемониях первой половины XVIII-го. В царствование императрицы Екатерины II композитором О. Козловским на стихи Державина был написан торжественный полонез «Гром победы, раздавайся», звучавший на важнейших придворных церемониях.

Рождение первого государственного гимна России произошло в царствование императора Павла I. Им была основательно переработана и строго установлена система воинских и государственных церемоний, в которых значительное место уделялось музыкальному сопровождению. Таким произведением стал духовный гимн «Коль славен наш Господь в Сионе...», написанный Дмитрием Бартнянским на слова поэта Михаила Хераскова.

В 1816 году был избран один из старейших европейских государственных гимнов, гимн Великобритании «God Save the King» («Боже, храни Короля»). Этот гимн стал в России исполняться на слова стихотворения Василия Жуковского «Молитва русских». С 1816 по 1833 годы этот русский гимн исполнялся во всех торжественных случаях, но музыка оставалась английской.

Автором второго официального гимна был Алексей Федорович Львов, в 1833 году сопровождавший Николая I в Австрию и Пруссию, где императора повсюду приветствовали звуками «God Save the King», что создавало некоторую дипломатическую путаницу. Да и отношения между

Россией и Великобританией оставляли желать лучшего. Царь поручил Львову сочинить новый гимн.

Львов написал мелодию и обратился к Василию Жуковскому с просьбой переделать несколько строчек, чтобы слова ложились на музыку.

18 декабря 1833 года в Большом театре состоялось первое публичное исполнение гимна, ставшего известным под названием «Боже, Царя храни!» 25 декабря 1833 года Николай I утвердил гимн Львова, он был объявлен государственным и оставался единственным официальным гимном до 1917 года.

В феврале 1917 года Временное правительство решило, что стране необходим новый гимн. Решено было обратиться к директору Петербургской консерватории Александру Глазунову, ранее написавшему музыку для коронации императора Николая II. Ходили слухи, что первый премьер-министр Родзянко обращался за помощью и к Игорю Стравинскому, и к Александру Гречанинову, но новому гимну так и не суждено было появиться на свет.

Временному правительству некогда было этим заниматься, и новый гимн появился, так сказать, из народа. Им стала «Марсельеза» — гимн Французской Республики, воспринимавшийся всеми как гимн свободе. В России была популярна «Рабочая Марсельеза» на слова Петра Лаврова — сокращенный вариант французского гимна.

Русская «Марсельеза» от французского оригинала отличалась мо-

тивом и содержанием, то есть фактически была самостоятельным, а главное — русским произведением. Текст принадлежал известному народо-вольцу — философу Петру Лаврову.

Поначалу «Марсельеза» была идеальным гимном, так как отражала дух смутного времени, но, когда ситуация стабилизировалась и власть окончательно перешла в руки большевиков, от «Марсельезы» отказались и заменили ее на «Интернационал», который фактически был гимном социал-демократов.

Впервые «Интернационал» исполнили 25 октября (по старому стилю) 17-го года после взятия Зимнего дворца, перед началом работы Третьего съезда Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В 1918 году он был провозглашен Государственным гимном РСФСР (с 1922 года одновременно и гимном СССР).

С этой самой минуты «Интернационал» де-факто стал гимном страны, но де-юре статус гимна не был закреплен ни в одном документе, включая первую российскую конституцию, принятую в апреле 1918 года. В качестве государственных символов она утверждала флаг, герб, но про гимн не было сказано ни слова. Так и получилось, что молодая страна прожила без гимна 26 лет, до 1944 года.

С началом Великой Отечественной войны отсутствие гимна становилось все более неуместным. Через несколько месяцев после победы в Сталинградской битве, в 1943 году, руководство страны объявило конкурс на создание нового гимна Советского Союза.

В конкурсе приняли участие более 200 человек: 41 поэт и более 160 композиторов из РСФСР, Грузии, Армении, Украины, Узбекистана. Это были лучшие музыканты того времени: Дмитрий Шостакович, Сергей Прокофьев, Арам Хачатурян. Комиссию возглавил заместитель главы правительства маршал Климент Ворошилов.

«Ворошилов предложил Шостаковичу и мне написать гимн сообща, два дня у нас ничего не получалось, сочиняли порознь, а потом корректировали. На третий день что-то получилось — на слова поэта Михаила Голодного. Кто будет инструментовать? Шостакович сказал: сломаем спичку, кому попадет головка, тот инструментовует. Головка попала мне — я инструментовал», — вспоминал позднее Арам Хачатурян.

Арам Хачатурян и Дмитрий Шостакович создали гимн сообща, и каждый написал еще по своей версии гимна, но ни одна из этих версий не подошла. Музыка была слишком сложной и оригинальной, по мнению Сталина. Так что поиски и работа продолжались.

Из 223 версий гимна, просмотренных комиссией за два месяца, остановились на музыке Александра Александрова. «Гимн партии большевиков», написанный им в 1938 году на слова Василия Лебедева-Кумача, звучал просто и торжественно и идеально подходил на роль главной мелодии страны. Инструментовку гимна доверили композитору Сергею Василенко.

«Приступая к столь ответственной работе, я думал раньше всего о том, чтобы средствами оркестровых кра-

сок выразить всю полноту огромного содержания текста и музыки гимна. Гимн должен звучать мощно и в то же время просто. Торжественно, хорально, но без лишнего движения средних голосов. Многолетний опыт подсказал мне необходимость дать плавную, широкую линию самой мелодии гимна на фоне крепкой основы хорального звучания среднего регистра», — писал он.

Любопытно, что именно куплет из «Гимна партии большевиков» взяли за основу поэт Сергей Михалков и военный журналист Эль-Регистан, когда работали над своей версией гимна. Тогда Михалков еще не знал, что ему суждено стать автором трех текстов гимна, — это «роман на всю жизнь».

История создания текста нового гимна, как и большинство историй в жизни, началась случайно. Одним июльским днем 1943-го года поэт Сергей Михалков вышел из гостиницы «Москва» и отправился в магазин «Арагви» за продуктами: в гостинице остановился его товарищ — военный журналист Габриэль Эль-Регистан, и собралась небольшая компания друзей, так что требовалось «подкрепление». В магазине «Арагви» Михалков встретил известных московских поэтов-песенников, которые собрались в ресторане пообедать после «важного» совещания у Климента Ворошилова. Узнав про конкурс, раздосадованный поэт вернулся в гостиницу и посетовал на то, что его не пригласили. Эль-Регистан заметил, что это дело понятное, потому что Михалков — детский поэт, а пригласили

поэтов-песенников. Это было вполне логично, но Россия тем и прекрасна, что чрезвычайно редко следует логике. А на следующее утро сам Эль-Регистан предложил Михалкову написать гимн.

«В ранний утренний час следующего дня звонок в дверь поднял меня с постели, — вспоминает в своей книге Сергей Михалков. — На пороге стоял Габо (Габриэль Аркадьевич Уреклян).

— Мне приснился сон, будто мы с тобой стали авторами гимна! — с порога обескуражил он. — Я даже записал несколько слов, которые мне приснились! — Габо протянул мне гостиничный счет, на обороте которого я прочитал: «Великая Русь», «Дружба народов», «Ленин»...

Так создание главной песни страны стало самым большим творческим хулиганством — никто из друзей понятия не имел, как надо писать гимн. Но, возможно, Михалков писал его, как привык писать для детей — максимально доходчиво, без «непонятных» слов.

«Первым делом заглянули в энциклопедию: «Гимн — торжественная песнь... Гражданская молитва народа...» Содержание? Надо взять за основу Конституцию СССР. Стихотворный размер? Мы вспомнили часто звучавший по радио «Гимн партии большевиков» со словами В.И. Лебедева-Кумача на музыку А.В. Александрова. Решили взять за основу стихотворного размера первый куплет этой песни. И тут же принялись за работу. Я сочинял — Габо вносил предложения, редактировал формулировки.

Габриэль Эль-Регистан (Уреклан)

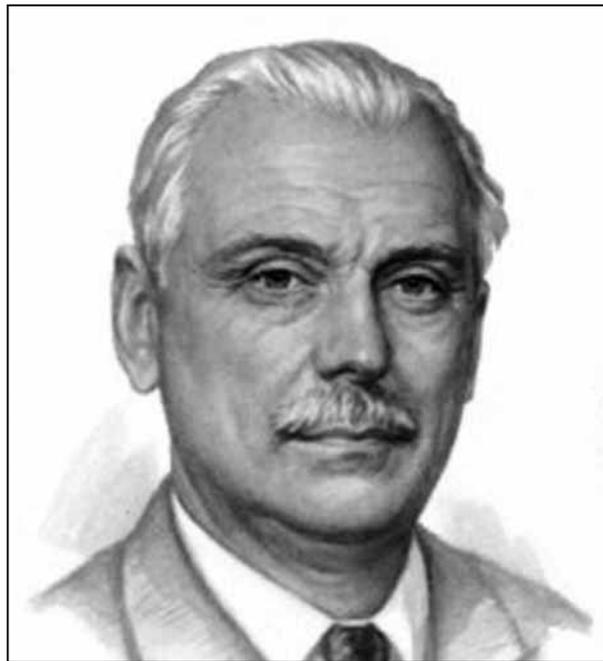
Работая с Эль-Регистаном, мы стремились к предельной искренности, старались писать текст простыми ясными словами, потому что считали, что гимн должен быть понятным любому человеку нашего государства — от школьника до академика».

Свою версию гимна друзья отправили Дмитрию Шостаковичу и уехали на фронт. Шостакович написал музыку, песня попала в конкурсный отбор, и очень скоро друзьям пришлось вернуться с фронта в Москву — их вызывали в Кремль.

Осенью 1943-го Михалкова и Эль-Регистана в Кремле лично встретил маршал Ворошилов со словами:

«Товарищ Сталин обратил внимание на ваш вариант текста! Очень не зазнавайтесь. Будем работать с вами».

Михалков и Эль-Регистан дорабатывали свой текст под прямым руко-

Сергей Владимирович Михалков

водством Сталина. Финальную версию гимна отправили в Ансамбль Александрова. Понятно, что конкурс при этом становился простой формальностью.

Генеральное утверждение гимна проходило в Большом театре. В правительственной ложе собрались члены правительства политбюро, оба автора гимна сидели в пустом зале. Со сцены звучали гимны разных стран, старый русский гимн «Боже, Царя храни!», гимны Шостаковича и Хачатуряна и, наконец, финальная версия Михалкова и Эль-Регистана на музыку «Гимна партии большевиков».

Этот вариант и утвердило правительство.

Впервые новый гимн страна услышала по радио в новогоднюю ночь 1944 года.

«Строго и величественно прозвучал вчера, в новогоднюю ночь новый гимн Советского Союза, — писал со-

ветский композитор Василий Соловьев-Седой. — Взволнованно слушала вся наша великая страна его исполнение по радио. Простая, проникновенная мелодия гимна, вдохновенные и мудрые слова его близки сердцу каждого гражданина нашей родины. И нам, советским людям, особенно радостно сознавать то, что гимн великого нашего государства создан именно сейчас, когда победоносное движение доблестной Красной армии и небывалый трудовой подъем всей страны приближают час окончательного разгрома ненавистного фашизма».

Появление гимна стало событием невероятного политического масштаба — он полностью отвечал духу времени. 15 марта 1944 года его официально ввели по всей стране. В кратчайшие сроки гимн должен был стать достоянием всех советских народов, зазвучать на языках всех народов нашей страны.

Государственное музыкальное издательство выпустило около полуто-

ра миллионов копий нот гимна в шести изданиях — массовом, для духовых оркестров, для симфонических оркестров, для хора с фортепиано, для хора а капелла и для школьников. Издательство «Искусство» миллионным тиражом напечатало листовку с текстом Гимна Советского Союза.

Страна дружно приступила к освоению гимна на местах. Его разучивали в хоровых кружках, во дворцах культуры, в Доме Красной армии, в театрах, школах, в рабочих клубах и общежитиях рабочих и студентов. В городах устанавливали щиты с текстом гимна. Занятиями на местах руководили преподаватели музыки и пения, представители местных филармоний.

Каждый гражданин Страны Советов должен был знать этот текст наизусть. Гимн — гордость Советского Союза — открывал Фестиваль русской музыки в Сиднее, звучал на 26-й годовщине Красной армии в Лондоне. Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль написал: «Вол-

нующая музыка этого гимна несколько раз передавалась британской вещательной корпорацией, и будет и в дальнейшем звучать в ознаменование русских побед».

Новый гимн действительно стал гимном великой победы — 24 июня 1945 года он открыл исторический Парад Победы. После смерти Иосифа Сталина в 1953 году советский гимн замолк — 20 лет он звучал без слов, так как в тексте было слишком много Сталина.

Новый генеральный секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев тоже попытался увековечить себя в истории. В 1953 году вышло Постановление секретариата ЦК о проведении закрытого конкурса. Была создана внушительная комиссия, куда вошли известные поэты, композиторы; возглавил ее секретарь ЦК КПСС Михаил Суслов. Сначала утвердили список композиторов и поэтов, куда вошли Константин Симонов, Александр Твардовский, Михаил Матусовский, но не вошли Анна Ахматова, Николай Заболоцкий и Борис Пастернак. Работа шла довольно вяло, и к весне 1964 года появились две версии гимна. Одна версия представляла собой коллективный поэтический текст, который написали Михаил Исаковский, Николай Грибачев, Петрусь Бровка, а вторую версию предложили Тихон Хренников и Георгий Свиридов. В конце 1964 года появился еще один вариант — песня Исаака Дунаевского «Широка страна моя родная». Поэт Алексей Сурков отредактировал текст Лебедева-Кумача, Дмитрий Шос-

такович — хоровую партитуру песни Дунаевского, но и эта версия не получила одобрения.

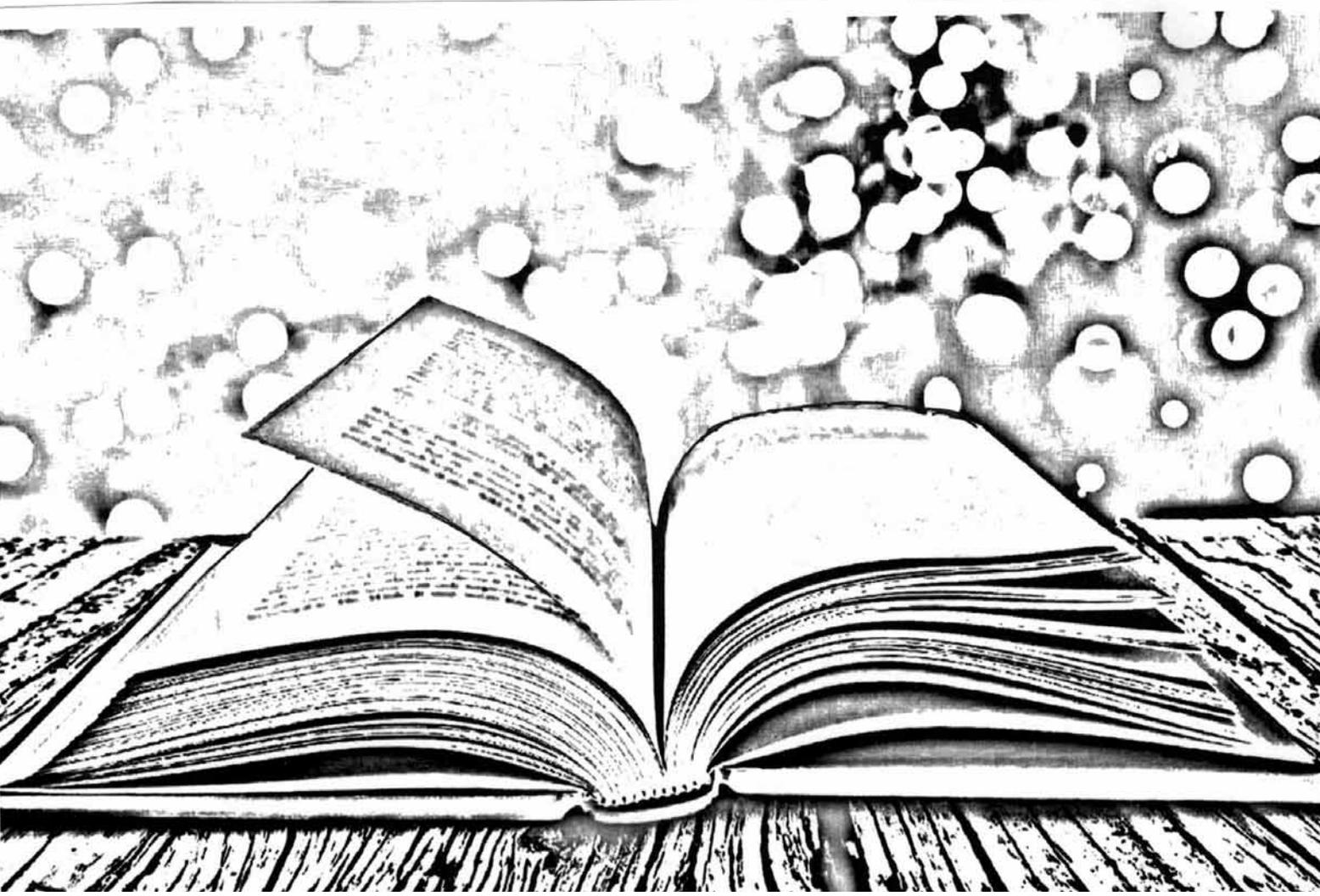
Решено было доработать старую версию, за помощью обратились к автору старого гимна Сергею Михалкову. Работа шла трудно — каждое слово приходилось согласовывать со всем аппаратом ЦК. В новой версии гимна не было ни войны, ни Сталина, а была только вера в бессмертные идеи коммунизма и верность партии, верховенство которой законодательно впервые закрепили в новой Конституции 1977 года.

Новая эпоха началась с чистого листа. После распада СССР гимном была объявлена мелодия, созданная на основе «Патриотической песни» Михаила Глинки. 11 декабря 1993 года она была законодательно закреплена Борисом Ельциным и просуществовала до 2001 года.

В 2000 году президент страны Владимир Путин поднял вопрос о возвращении к советскому гимну, так как гимн ельцинской эпохи исполнялся без слов. По удивительно удачному совпадению текст вновь дорабатывал поэт Сергей Михалков. 22 марта 2001 года указом президента РФ новый гимн на музыку Александра Александрова, под редакцией Сергея Михалкова, получил «второй билет» в жизнь.

Примечательно, что и первый гимн-долгожитель «Боже, Царя храни!» так же получил шанс на вторую жизнь, растиражированный в многочисленных фильмах о революции.

Что ж, Россия испокон веков славилась своими чудесами... □

Камерный клуб коллекционеров

У вас есть девушка? Как бы вы ни ответили на этот вопрос, это неважно для моей истории, потому что она не о девушке, а о хобби. Кстати, у вас есть хобби? Если нет, то непременно заведите себе хобби. Поверьте, зачастую это важнее, чем завести кота. И даже важнее, чем завести девушку.

А знаете ли вы, что в отличие от котов, которым все равно, девушки по отношению к хобби делятся на два типа. Первым интересно, чем занимаетесь вы. Они с интересом суют свой любопытный нос, заглядывая вам через плечо, задают вопросы. Иногда восхищаются, но чаще бывают совершенно разочарованы тем, на какую ерунду вы тратите свое время, и, в лучшем случае, молчат. Вторых больше волнуют свои занятия, и они будут посвящать им часы, дни, месяцы, а то и годы. Они будут или без умолку рассказывать вам о них, или же могут молчать так, словно это нечто сокровенное, не предназначенное для постороннего глаза.

Катя относится к обоим типам. И это подчеркивает относительность и ущербность любых подобных классификаций. Впрочем, сама она так не думает. И если спросить ее, какая она, то, скорее всего, Катя выдаст четкий набор строгих, по ее мнению, определений: высокая, стройная, умная, блондинка. И это будет правдой.

— Умная блондинка — это оксюморон, — выдаю я банальнейшую шутку, на которую она уже не обижается, но над которой я по-прежнему смеюсь.

— Ты сам смеешься над своими шутками, — спокойно замечает Катя очевидный факт, вновь опуская глаза к своему монитору.

— Да, — соглашаюсь я лишь для того, чтобы продолжить спор, — но только потому, что они смешные.

— Нет, — отвечает Катя, хватая наживку, — только потому, что они твои. Над моими смешными шутками ты не смеешься.

— Хочешь сказать, что у тебя бывают смешные шутки?

— Сейчас ты скажешь, что «мои смешные шутки» — это тоже оксюморон. Может, это потому, что ты, наконец, выучил слово «оксюморон»?

— Ой, не смеши меня!

— Вот видишь, значит, у меня бывают смешные шутки.

Ощущая свою быструю победу в этой легкой словесной пикировке, Катя слегка улыбается и продолжает работать.

Мы сидим напротив друг друга, хотя фактически занимаемся совершенно разной работой, но формально относимся к одному отделу. Интересно, какому умнику пришла в голову идея, что всех работающих исключительно на компьютере специалистов необходимо отнести в «IT». Архитекторы тоже много работают на компьютере, и тоже «рисуют картинки», но почему-то их не смешивают с дизайнерами. Зато программисты, пишущие свой код и аудирующие чужой, сливаются в едином цифровом экстазе. Блеск и нищета классификации. Впрочем, я рад, что год назад Катю посадили в мой кабинет. Здесь всегда тихо и спокойно. И из живых существ постоянно бывают лишь трое: я, Катя и разросшийся кактус, которому нравится тут меньше всех остальных — ведь он уже больше года никак не желает цвести.

Мы работаем вместе уже год, и почти 11 месяцев из этого года встречаемся, но, тем не менее, продолжаем жить отдельно. Она много говорит о себе, но, кажется, я все равно почти ничего о ней не знаю. Начнем с того, что за все время я ни разу не был у нее дома...

Я прохожу в комнату. Первое, что бросается в глаза, это большой стеллаж с книгами, занимающий всю стену, что само по себе странно для середины XXI века. И небольшое количество всех прочих предметов. Эта аскетичность свойственна характеру Кати. Но я не ожидал, что это так явно будет выражаться в интерьере.

— Почему ты решила пригласить меня к себе домой? — спрашиваю я, разглядывая книги, пока она достает и включает на кухне чайник. — Это какой-то новый этап отношений?

— Считай, что так, — отвечает она как-то легко и почти небрежно.

— А у тебя много книг, — неловко перевожу я тему разговора.

— Я в курсе.

— Но я не замечал, чтобы ты много читала.

— А я их и не читаю. Просто собираю по цвету корешков, — отвечает Катя, зайдя в комнату, и ставит на журнальный столик кружки с чаем и тарелку с магазинным пирогом.

— Хватит меня разыгрывать. Я же вижу, что они разного цвета.

— М-м-м, ну, это ты заметил, — улыбается Катя.

— О'кей! Но с книгой я тебя все равно ни разу не видел, потому что на работе и в транспорте ты не читаешь.

— Элементарно, Ватсон. Потому что я не из тех, кто читает на работе и в транспорте. Считаю, что этот процесс слишком интимный.

— И что это за книга... для тебя?

Я думал, что этот вопрос заставит Катю задуматься, но она отвечает почти сразу:

— «1984».

— Оу... Я тоже любил в детстве читать Бредберри.

— Это не он написал, — в голосе Кати чувствуется глубокое разочарование, и оно меня забавляет. — Бредберри — это «451 градус по Фаренгейту».

— Какой позор... Меня сбили цифры в названии. Вторая попытка? Саймак?

— Нет.

— Фейхтвангер?

— Почему он? Совсем нет.

— Черт! — я расстраиваюсь почти по-настоящему. — Голсуорси?

— Ты прикалываешься?!

— Да.

— Я так и подумала,— устало отводит глаза Катя и добавляет: — Но разнообразие имен выдает в тебе...

— Книголюба?

— Любителя кроссвордов, — резко отвечает она.

— Это было больно. Теперь ты во мне разочарована?

— Немного.

— Не дашь мне?.. — я намеренно делаю длинную паузу.

— Ну, почему же? — удивляется Катя.

— ... почитать что-нибудь?

— Такому мерзкому типу я просто не смогу отказать. Только не потеряй и не заляпай ничем, потому что эти книги — часть ценной коллекции.

Я протягиваю руку и достаю потрепанную замусоленную книжку.

— Чейз в мягких корках? Часть ценной коллекции? — искренне удивляюсь я.

— Ценной для меня, — серьезно говорит Катя. — Эти книжки я собирала несколько лет.

— Я, конечно, могу что-то напутать... — задумчиво отламываю я чайной ложкой кусочек торта и отправляю в рот.

— Как и с Бредберри?

— Да, как с Бредберри. Но разве коллекция не отличается от простой свалки барахла тем, что предметы объединяет что-то общее?

— Все так, — отвечает девушка, хитро глядя на меня.

— И что же объединяет твою коллекцию? — Я оглядываю полки, продолжая размышлять вслух: — Тут и классика, и детективы, и фантастика, и история, и даже справочники...

— Не угадаешь?

— Хочешь поиграть?

— Да, — улыбается она, испытывая меня.

— Не уверен, что любитель кроссвордов справится... — Я поднимаюсь с дивана, беру с полки первую попавшуюся книжку и начинаю листать ее в поисках зацепки. Небрежно пролистываю все страницы, ни о чем не думая, а потом возвращаюсь к форзацу. Многие коллекционеры надписывают свои книги или даже проставляют экслибрис, которые часто говорят не только о владельце. Но ничего подобного я не нахожу. ISBN, издательство, тираж, год... Я улыбаюсь забавному совпадению, но потом вдруг решаю проверить свою шуточную гипотезу: беру с разных полок еще пару книжек и вдруг начинаю громко смеяться.

— Что? — не понимая, как реагировать, спрашивает Катя.

— 1984. И это твоя «коллекция»? Серьезно? Ты собираешь книги по году издания?

— Да... А что такого? — Она немного обиженно смотрит на меня, как на человека, который только что усомнился в чем-то для нее жизненно важном.

— Но ведь... Какой в этом смысл?

— Он есть.

— И какой же?

— Он специфический... Ты не поймешь.

— Просвети меня.

Катя делает паузу, смотря на меня с неким недоверием, словно прикидывая мысленно, вызовут ли ее дальнейшие объяснения мои насмешки.

— Не думаю, что тебе будет интересно. Ты же не коллекционер.

Говорят, что общее дело сближает людей. Психологи иногда рекомендуют парам найти такое занятие, которое увлекало бы их обоих. И речь, конечно

но же, не про секс. Но в тот момент я совершенно не планировал слишком уж глубоко погружаться в экстравагантное собирательство Кати. Просто когда наступает очередной выходной и мы вдвоем гуляем по городу, она не может отказать себе в удовольствии зайти в книжный магазин. Правильнее назвать его «букинистический», ведь продаются в нем исключительно старые книги. Уже лет пятнадцать я не видел, чтобы хоть что-то печаталось на бумаге, разве что только рекламные брошюры и гляцевые журналы — по сути, все та же реклама. Книги окончательно ушли в «цифру», а вместе с этим, вероятно, и пропало слово «букинистический», остался только «книжный». Но и в книжном магазине многое пропало. Например, продавец.

Катя ходит вдоль стеллажей, где аккуратными рядами расставлены рассортированные и проклеенные электронными чипами книжки. Вот она тянется за одним ей ведомым томиком, достает с полки, привычным движением раскрывает обложку и, разочарованно покачав головой, ставит на место. Не тот год издания. Так повторяется несколько раз.

Очевидно, вся трудность поиска очередной книжки для Катиной коллекции заключается в самом принципе, по которому эта коллекция собирается. Согласитесь, где бы вы ни находились, в библиотеке или книжном магазине, книги там расставлены совсем по иным законам. Они могут быть рассортированы по жанрам, по тематике, по названию в алфавитном порядке, в конце концов, по имени автора, но вряд ли кто расставляет книги по году издания.

— Как ты решаешь, что смотреть? — не выдержав, спрашиваю я.

— По списку.

— По каком списку?

— По списку в моей голове, — отвечает Катя, рассматривая очередную книжку. — Я вытщила список, фильтрованный по году, из каталога интернет-магазина, вычеркнула то, что у меня уже есть, а остальные ищу по названиям.

— Но это же не всегда работает, — пожимаю я плечами, — ведь часто там указан год первого издания, а не конкретно того, что есть в продаже. Есть книги, которые издавались в 1984-м, но впервые были изданы раньше, и тогда ты их пропустишь. А есть такие, которые были действительно впервые изданы в 1984-м, но потом переиздавались. И тогда ты, вероятнее всего, встретишь как раз более позднее издание.

— Спасибо, умник! — сверкает на меня глазами Катя.

— Просто такие ошибки обычно никого не волнуют. Читателям не так важен год издания... как тебе. — Видя, как лицо моей девушки постепенно краснеет от негодования, я непроизвольно начинаю улыбаться.

— Ну и что, — раздраженно поводит плечами Катя.

— Что «ну и что»?

— Я же знаю, что ты хотел сказать.

— Ничего я не хотел сказать.

— Говори уже!..

— Ладно, — киваю я, решив, что уже довольно помучил ее паузой, — ты занимаешься какой-то фигней.

— Это твое мнение. — Катя отворачивается, снова погрузившись в поиски.

— Ты даже не можешь объяснить, в чем смысл.

— Могу, но не хочу. Ты все равно не поймешь.

— Ну, конечно! — Я громко смеюсь в тишине пустого магазина.

— Конечно, не поймешь, — чуть язвительно, но довольно улыбается Катя, все-таки найдя подходящую книжку, — потому что ты не коллекционер.

Мы проходим через безлюдную шеренгу автоматических касс. Сканер на рамке считывает ID с чипа на книжке и выставляет счет. Катя подносит мобильный к терминалу. После подтверждения перед нами раскрывается турникет, выпускающий нас из магазина...

Все утро Катя работает молча. Очевидно, она все еще обижается на мою недавнюю выходку, хотя на выходных и не подавала виду. Я бросаю короткий взгляд на приунывший на окне кактус, прикидывая, как лучше начать разговор.

— Знаешь, что я тут подумал насчет твоего хобби?

— Знаю. Что это «фигня какая-то».

— Ну... Да. Но я сейчас не про это. Я тоже решил заняться коллекционированием.

— С чего вдруг? — презрительно хмыкает Катя.

— Просто надоело слышать от тебя, что я «не коллекционер», и все такое. Подумал, что, возможно, и правда, стоит попробовать. Вдруг это меня увлечет?

— Ну-ну...

— Зря иронизируешь, — говорю я Кате, пока она сидит за столом напротив и разбирается в своих кодах, — буду собирать свою книжную коллекцию.

— Неужели?

— Представь себе, — улыбаюсь я, словно не замечая скепсиса в ее голосе.

— И что же это будет? Фантастика?

— Нет, почему же...

— Ну, ты же любишь фантастику, вот я и подумала, что ты, возможно, решил собрать книжки любимой тематики.

— Я почти все, что хотел прочитать, уже прочитал в электронном виде, — отвечаю я, делая вид, что тоже работаю.

— Так какие же книги ты собираешь?

— Ну... — Я загадочно замолкаю и делаю паузу. — Пока еще рано об этом говорить, я только начал. Но непременно покажу тебе, когда книжек в коллекции наберется побольше.

— Снова разводишь меня? — хмурится Катя, но, кажется, о чем-то задумывается.

— Вовсе нет.

Я чувствую, что моя провокация удалась. Кате определенно понравилось бы, начни я и вправду разделять с ней ее сумасшествие. Что ж, тем забавнее будет разоблачение.

Как мне представляется, для начинающего коллекционера самое важное — ответить на вопрос, что и по какому принципу он будет собирать. Катя, по одной ей ведомой причине, собирает книги издания 1984 года. Я же к созданию своей коллекции решаю подойти с полнейшей рассудительностью и прагматизмом, ведь основной ее задачей будет хорошенько «потроллить» мою не в меру заносчивую подругу.

И вот я уже один стою все в том же безлюдном книжном магазине, где нет ни продавца, ни покупателей, в почти безлюдном мире, где среднестатистический человек чаще смотрит в экран своего мобильного электронного девайса, чем в окно. И уж, конечно, намного реже он смотрит на страницы бумажной книги. И в этот момент я делаю единственно правильный выбор и совершенно точно представляю, какой будет моя коллекция. И в ней обязательно будет смысл. Очевидный, видимый глазами, но при этом скрытый от них.

Я смеюсь в тишине и беру с полки подходящую книгу. Делаю несколько шагов вдоль стеллажей и беру еще одну. Снова и снова, пока стопка в моих руках не становится слишком большой.

— Для начала хватит, — говорю я себе, ощущая удовольствие, какое, вероятно, испытывают коллекционеры, обретшие, наконец, свое «богатство».

Дома я освобождаю полку на стене. Цифровые диски с программами и фильмами, какие-то оставленные впопыхах мелочи, никому не нужные сувениры — все отправляется в картонную коробку и ссылается в дальний угол шкафа с пожизненным приговором «когда-нибудь разберу». Все. Теперь здесь будет находиться моя коллекция, — подвожу я итог своей «уборке» и расставляю купленные книжки. Потом некоторое время смотрю

на ряд корешков, словно художник, делаю пару шагов назад, прищуриваясь, присматриваюсь и меняю пару книг местами, чтобы соблюсти «порядок».

— Да! Теперь идеально! — вслух произношу я и улыбаюсь.

Кажется, дверь на пути коллекционного психоза уже открылась, и, делая шаг внутрь, я не замечаю этого...

Люблю Катину лицо. Особенно в те быстротечные моменты, когда оно находится в состоянии перехода от одной эмоции к другой. В последнее время уже никого не удивишь эмоциональными андроидами и, тем более, смоделированными 3D-актерами, которые профессионально кривляются в кино вместо своих давно постаревших или умерших прототипов. Но этот момент преобразования на живом лице живого человека бесценен, ведь за ним стоит трансформация внутренних состояний.

Сейчас, когда Катя смотрит на мою коллекцию, я смотрю на ее лицо. И этот момент стоит денег, потраченных на два десятка книжек.

— И это твоя коллекция? — наконец выдавливает из себя Катя.

— Да! — с горделивым удовольствием в голосе отвечаю я.

— И эти книги?..

— Зеленые. Они все зеленые. Смотри, как они классно вписались в интерьер.

— Мда... — задумчиво протягивает Катя, очевидно, не зная, как реагировать на мои слова.

— Обрати внимание, — продолжаю я, чтобы усилить эффект, — я расставил их по оттенкам: от более светлого к темному. Получился такой плавный переход...

— Ты правда считаешь, что это можно назвать коллекцией? — наконец-то произносит она тот вопрос, ради которого все затевалось.

— Конечно.

— Нет, это просто книжки с одинаковым цветом корешков.

— Да, — соглашаюсь я. — Но это ничем не хуже, чем книжки с одинаковым годом издания.

В этот момент Катя еще раз меняется в лице: его выражение становится каким-то хмуро-раздраженным.

— Ах, ты... Так ты просто решил поиздеваться надо мной!

— Ну что ты... — мой внутренний «троллящий» доминант ликует, — в моей коллекции есть и другие, более скрытые смыслы.

— И другие, значит?! — Катя чуть надует губки.

— Можешь не верить, но непременно продолжу ее собирать.

— Можешь не утруждаться. Ты уже достаточно постебался! Смешнее уже вряд ли получится.

Она злится, словно я совершил некий акт осквернения. Позволил себе насмешку над ее ценностями. В каком-то смысле даже обесценил их. Возможно, и так. Но я плохо знаю Катю, если она не попробует отплатить мне за это в своем собственном стиле и по своим правилам...

Я сижу на открытой веранде кафе, куда часть сотрудников нашей небольшой фирмы регулярно ходят на обед. Сейчас это называется «релакс-брейк», лет пятнадцать назад называлось «бизнес-ланчем», а еще раньше — «перерывом на обед». Меняет ли это суть, если все так же люди едят дешевую по своей себестоимости еду, которая вкусна за счет соусов и добавок, поэтому к двум часам дня это кажется логичным и выгодным вложением средств?

Я поливаю пряную горчицу на сосиску с остатком макарон и неторопливо доедаю обед. За мой столик из дешевого легкого пластика кто-то присаживается прямо напротив меня. Не поднимая взгляда от тарелки, я уже знаю, что это Катя. Она улыбается, сжимая в руке небольшую пластиковую коробочку — сложенную доску дорожных шахмат на магнитах.

— Сыграем?

Я молча отодвигаю тарелку с остатками еды, понимая, что возражения вряд ли будут приняты, отпиваю сок из высокого стакана и смотрю на Катю:

— Напомни мне, зачем мы до сих пор играем в шахматы?

— В смысле? — Она устраивается поудобнее и начинает расставлять фигуры.

— Сейчас у каждого в смартфоне есть шахматный симулятор, играющий на уровне крепкого гроссмейстера. И если игра так уж нравится, можно подобрать для себя подходящий уровень и играть в любом месте и в любое время.

— В этом я как раз не вижу смысла. Ведь очевидно, что компьютер рассчитывает варианты ходов быстрее человека.

— Вот именно.

— Но игра между живыми людьми — это совсем другое дело. Это противостояние двух живых интеллектов...

— Да, точно-точно! Противостояние интеллектов... — перебиваю я. — А мы-то с тобой зачем играем?

— Ну, конечно... Я и забыла, что интеллектом ты считаешь исключительно себя, — прищурившись, хмыкает Катя. — Забыть не могу твою физиономию, когда я впервые тебя обыграла.

— Это была случайность.

— Да, да... И во второй раз... И в третий...

— Статистически я выигрываю на порядок чаще, — замечаю я холодно, стараясь не реагировать на ее подначки.

— Это не значит, что так будет всегда. Я расту над собой, а ты используешь против меня набор своих наигранных приемов.

— Они же каждый раз с тобой прекрасно работают, — усмехаюсь я.

— Так, я не поняла, ты хочешь со мной играть или нет? — хмурится Катя.

— Хочу, хочу, — соглашаюсь я.

— Вот, это и есть ответ на твой вопрос, почему люди играют. Они просто хотят. — Катя разворачивает доску и двигает пешку. — Сегодня я буду белыми. Так. Ходи.

— Но я не хочу играть просто так, — решаю я воспользоваться ситуацией.

— Ммм... хочешь сыграть на интерес? Какое-нибудь твое извращенное желание?

— Почти, — не убирая с лица ухмылки, отвечаю я. — Признаешь, что моя коллекция ничуть не хуже твоей.

— Ну уж нет...

— Боишься, что проиграешь? В очередной раз.

— Вовсе нет. Я согласна на твое глупое условие. Играем?

— Да, — киваю я и делаю ответный ход.

Катя играет в шахматы неплохо, но очень нестабильно. Она может хорошо планировать свои атаки или вдумчиво блокировать мои. Но часто в ее сознании начинает преобладать нечто женское: она слишком эмоционально реагирует на досадные оплошности, вроде случайно допущенного зевка, и после этого играет слишком импульсивно. Первая ошибка влечет за собой вторую, третью, пока дело, наконец, не доходит до мата. Но сейчас она не ошибается. По всей видимости, Катя не желает проигрывать и, как говорилось раньше, «закусила удила».

— А знаешь, в чем живые шахматисты пока еще сильнее компьютерных? — вдруг спрашивает она. — В способности придумывать новые правила и варианты игры.

— Имеешь в виду шахматы Фишера или какую-нибудь древнюю Махараджу? — решаю я блеснуть своей осведомленностью.

— Ну, к примеру.

— Не думаю, что это серьезное преимущество. В конечном итоге, все эти игры всего лишь вариации классических шахмат, не вносящие в игру ничего принципиально нового. При желании компьютер легко можно обучить каждому из них.

— Но вопрос же в возможности человека к творчеству. Только человек может задавать новые правила.

— Только не говори, что кроме странных коллекций книг ты еще и придумываешь странные шахматные игры.

— Только одну, с единственным дополнительным правилом, точнее, с дополнительным разрешением.

— Очень интересно. И что же это? — Я бегло осматриваю ситуацию на доске, складывающуюся для меня более чем благоприятно, и сделав очередной ход, радостно восклицаю: шах!

Катя спокойно отодвигает своего короля в угол, предопределяя ему мат в два хода.

— При необходимости можно «есть» свои собственные фигуры. Жертвовать ими ради победы.

— Хм... — Я задумываюсь. — Жертвенные шахматы. Это звучит интересно, но не совсем логично. Вряд ли найдется ситуация, в которой такие суицидальные ходы выгодны.

— Привести пример? — Катя ехидно улыбается, снимая с доски своего коня и выводя вперед ладью. — Тебе мат.

— Эй... Как?! — Меня это выбивает из колеи, и я пытаюсь что-то возражать: — Но мы же не договаривались заранее, что играем в твои шахматы...

— А мы и про обычные шахматы не договаривались, — смеется она. — Все, я победила. Теперь пора бежать, а то очень много работы. Встретимся в офисе.

— Это не в зачет! Натуральное мошенничество!

— Да, да! — на бегу бросает Катя — И твоя коллекция по-прежнему фигура полная!

Я некоторое время смотрю на позицию, оставшуюся на доске, а потом начинаю собирать фигуры в коробку. Перерыв действительно подошел к концу, и впереди еще три часа работы, которой никогда не бывает слишком мало. Это тоже человеческие правила игры, которые одни люди придумывают для других.

На столе начинает вибрировать Катин смартфон. Она смотрит на экран, а потом переводит на меня вопросительный взгляд. Я слегка улыбаюсь и молчу. Сейчас она не понимает, почему сообщение от меня пришло ей в зашифрованном приватном чате, но все становится ясно, когда Катя открывает его. Через цепочку прокси луковая ссылка приводит ее на веб-интерфейс с доступом, которого никогда не должно было быть. Личный кабинет читателя центральной городской библиотеки, но с полным административным доступом. И с набором книг 1984-го года издания из более чем 100 наименований, которые остается только забрать, предъявив роботу на выдаче номер бронирования.

— И что ты предлагаешь? — спрашивает Катя в чате.

— Предлагаю сделать заказ, а потом съездить на машине и забрать его.

— Серьезно?

— Да. Только лучше ночью, чтобы не вызывать вопросы у других посетителей.

— А камеры?

— Как же без них? «Большой брат» следит за тобой =)) Но мы сможем их отключить. Я проверил.

— Это же жестко противозаконно!

— Я думал, ты любишь нарушать правила. Но как хочешь.

Я встаю с места и подхожу к шкафу, где на полке у нас хранятся чай, кофе и пожизненный запас различных печенек. Наливаю чай и, выдержав паузу, говорю как ни в чем не бывало:

— Кстати, хотел рассказать о своей коллекции. В ней появилась одна книжка 1984-го года издания.

— Неужели? — поднимает на меня глаза Катя, и в ее интонации чувствуется плохо скрываемая заинтересованность вперемешку с легким раздражением.

— Угу. — Я подчеркнуто громко отхлебываю чай из кружки и добавляю: — Но я не отдам ее тебе... Ведь она божественно приятного зеленого цвета. Великолепный оттенок, мне не хватало его. Знаешь, она прекрасно будет смотреться где-то ближе к концу первой полки. Что-то вроде трех четвертей.

— Молчи, козел!

— Видишь, как все интересно получается. Благодаря тебе я увлекся коллекционированием, и, казалось бы, это должно увеличить взаимопонимание, как-то сблизить нас. Но всегда возникает конфликт интересов. Конкуренция.

— Ты сегодня заткнешься?! — Катя встает и с раздраженным видом выходит из кабинета.

— Когда остынешь, возвращайся пить чай, — говорю я ей вслед и слышу звук хлопающей двери. Закидываю в рот миниатюрную подушечку рассыпчатого миндального печенья. Сладкое и изысканное. Похоже на вкус легкой победы...

Я просыпаюсь поздно. Сегодня выходной, и мне не нужно на работу. Первое, что делаю — беру в руки смартфон. Наверное, так же, как и миллионы других современных людей. Но меня интересуют не обновления в соцсетях, не новости и не погода. Катя обычно просыпается раньше меня и, независимо от своего настроения, самочувствия, состояния атмосферы и сол-

нечной активности, отправляет мне сообщение с текстом «Доброе утро!» Я же отвечаю на него с опозданием в час или два. Но сегодня никаких сообщений от Кати нет. Я отправляю ей: «Доброе утро! Спишь, засоня?» — и, не расставаясь с телефоном, иду делать себе кофе.

Позавтракав, начинаю одеваться, бросая короткий взгляд на ряд зеленых книжек. Интересно. Они у меня уже довольно долго, а я ни разу не нашел времени, чтобы открыть хотя бы одну. Откровенно говоря, у меня даже не было мысли сделать это. Да я даже не знаю, что там за книги.

Забавно, у каждого из нас в кармане уже находится по высокопроизводительному компьютеру с огромной памятью, способной уместить все книги мира, с экраном разрешением 8К, на котором уже невозможно невооруженным глазом разглядеть ни единого отдельного пикселя. Но тем не менее мы не находим времени, чтобы прочитать хотя бы одну книгу. Я не особо верю в сильный искусственный интеллект, в компьютер, способный к осознанию самого себя, но воочию вижу слабый естественный интеллект, людей, которые не осознают себя вовсе. Не удивлюсь, если когда-нибудь они совершенно разучатся принимать решения, и тогда компьютеры начнут решать все. Без какой-либо войны, без какого-то там «восстания машин».

Я протягиваю руку и достаю с полки книгу в темно-зеленом переплете. Фолкнер «Сойди, Моисей». Что-то историческое, про рабство негров в Америке. Никогда особенно не интересовался этой темой, поэтому так мало об этом знаю. Я сажусь в кресло, открываю книгу и прочитываю буквально пару страниц, так как не могу избавиться от надоедливой мысли. Некой логической западни. Рабы освободились от рабовладельцев, потому что были угнетаемы и протестовали. Но кто может освободить человечество от рабства, если оно добровольно?

От мыслей и чтения меня отвлекает телефон. Пожалуй, это основная задача девайса, с ней он справляется лучше всего.

— Доброе утро! — пишет Катя. — Я не сплю.

— А что делаешь?

— Проснулась рано, не спалось, решила заняться уборкой.

— Понятно. Встретимся?

— А знаешь... — вдруг говорит она интригующим голосом, и я чувствую, что это никак не касается наших обычных прогулок в выходной день. — Я тоже нашла у себя книгу 1984-го года в зеленой обложке. И я тоже тебе ее не отдам! — За сообщением следует дразнящийся языком анимированный стикер.

— Ммм...— многозначительно отвечаю я. — Специально ее искала все утро?

— В смысле?— с недоумением спрашивает Катя.

— В прямом. Тебя это так сильно зацепило, что ты аж посвятила этому утро выходного дня. Серьезно?

— И... что?

— Ничего. Молодец, археолог, теперь можешь оставить ее себе. — Я добавляю смеющийся до слез смайл, а следом спрашиваю: — Так встретимся сегодня?

Мой вопрос остается без ответа. Я улыбаюсь и возвращаюсь глазами к страницам книги. Забавно, ведь все мы можем быть еще и рабами своих собственных увлечений, рабами своих одержимостей, убежденностей, заставляющих нас действовать и смотреть на мир особым образом. Но... Что там у негров?..

Звонок раздается примерно в 2 часа ночи. И, конечно, это Катя. Но это не телефон. Она стоит на пороге в джинсах и темной кожаной куртке, с распущенными, слегка растрепанными волосами, что на нее, аккуратистку, совсем не похоже.

— Что случилось?

— Ничего, — немного резко отвечает она и заходит в квартиру.

— Как ты добралась в такое время?

— Взяла каршеринг.

— Ах, да... Прости... Но все-таки, что случилось?

— Я сделала заказ и хочу забрать его.

— Заказ? — Я вспоминаю наш разговор, после которого прошел уже не один месяц. — Сегодня? Сейчас?!

— Да. Ты сам говорил, что ночью будет сподручнее всего. Или уже не участвуешь?

— Нет, конечно, участвую.

Я быстро одеваюсь. Мы на лифте спускаемся в подземный гараж, а уже через 10 минут едем по пустой дороге ночного города. Я изредка поглядываю на Катю, но она молча смотрит в ночную пустоту. Впрочем, ее пальцы, еле заметно постукивающие по коленкам, выдают нервозность.

— Волнуешься? — спрашиваю я с непринужденной интонацией, уже зная, что она не признается.

— Вовсе нет.

Конечно, она волнуется. Она волнуется, когда мы входим в светлые, ярко освещенные безлюдные залы. Она волнуется, когда мы проходим по коридору в зал автоматической выдачи книг. Она волнуется, когда я ввожу

коды и один за другим открываю ящики камер хранения, куда еще с утра услужливый робот сложил наши книжки. Она волнуется, пока складывает их ровными стопками в объемный чемодан на колесиках, а потом бросает осторожный взгляд на камеру наблюдения.

Я не вижу его в тот момент, а замечаю его только через три часа уже у себя дома, когда сажусь за ноутбук и, войдя в систему видеонаблюдения библиотеки, удаляю фрагменты записи.

— Из тебя вышел бы замечательный хакер,— замечает Катя, глядя мне через плечо.

— А из тебя никудышный воришка, — отвечаю я. — Дергалась. Даже уронила пачку книг.

— Ну, извини. Я обворовываю библиотеку не каждый день!

— Не думаю, что это кража... — говорю я, не отвлекаясь от рабочего процесса, — судя по учеткам, большинство из книг в последний раз брали лет пять назад. Разве можно украсть то, что и так никому не нужно?

— Возможно, ты прав... — Катя располагаетя прямо на полу рядом с чемоданом и задумчиво разглядывает нашу добычу, вынимая книги по одной и складывая в стопки. — А зачем ты взял эти? Это ведь не 1984 год...

— И что? Они зеленые. — Я ловлю ее удивленный взгляд и подчеркнуто эмоционально отвечаю: — Представь себе! Я взял и себе несколько книжек. Да, да! Мир не сошелся на тебе, дорогая моя.

— Нет, нет. Просто... — смущается Катя, — я думала, ты закончил с коллекционированием.

— Напротив! Даже освободил третью полку. Вообще, я хочу освободить все это пространство под новый стеллаж. Будут зеленые книги во всю стену.

Катя смотрит на меня и игриво улыбается. Так она делает только в одном случае — когда спланировала и ожидает, прежде чем сказать мне какую-нибудь гадость. Нет, в двух случаях. Еще перед тем, как оказаться со мной в одной постели... Нет, все-таки в одном случае...

Катя лежит со мной на разложенном диване. Ее голова опирается на мое плечо, стройная длинная нога заброшена на меня сверху. Может показаться, что она почти спит, но по частоте дыхания я понимаю, что она просто молчит. А когда Катя не говорит, это значит, что она думает. И, когда этот процесс закончится, она непременно поделится результатом.

— Знаешь... А ведь теперь можно сказать, что мы пара, — наконец говорит она.

— В каком смысле? Мы уже год как пара. Разве нет?

— Ну, пара, конечно... Но я не про секс. Появилось нечто еще...

— Ты про нашу сегодняшнюю авантюру? — улыбаюсь я, нежно поглаживая подругу по волосам.

— В том числе. И вообще, общее хобби...

— Это важно? — то ли спрашиваю, то ли утверждаю я, чувствуя, что медленно засыпаю.

— Для меня — да.

— Тогда, может, сделаем наши отношения более... официальными?

— В смысле? — Катя чуть приподнимает голову с моего плеча.

— Попробуем организовать что-то вроде книжного клуба.

— Ну и гад же ты! — Она чувствительно ударяет меня кулачком в грудь, но все равно улыбается.

— Зря ты так несерьезно относишься к этому вопросу... Книжный клуб — это отличная идея.

— Не маловато ли нас для книжного клуба?

— Ну, пусть это будет ... камерный книжный клуб. Надо же с чего-то начинать. Единомышленники появятся потом.

— Но мы же не книголюбы, а коллекционеры. Надо как-то отразить это в названии клуба.

.

— Камерный клуб коллекционеров, — говорю я.

— Камерный клуб крадущих коллекционеров.

— Мы играем в слова на одну букву?

— Да! — смеется Катя. — Твоя очередь.

— Хорошо. Но, чур, с перестановками! Камерный клуб коллекционеров, крадущих книги.

— Это не по правилам...

— Да ну? Как и брать свои фигуры.

— Ладно... — согласно вздыхает Катя, принимая аргумент. — Камерный клуб коллекционеров, крадущих и классифицирующих книги.

— А союзы на другую букву разве по правилам?

— Да. Как и переставлять слова.

— О'кей... Камерный клуб коллекционеров, крадущих и классифицирующих книги.

— И?... Сдаешься?

— Я думаю, — отвечаю я, борясь со сном. — Камерный клуб коллекционеров, крадущих и классифицирующих книжные корешки.

— Эй! Еще и замена слов?

— Ты же заменила «книжный» на «коллекционеров»...

— Ну-ну...

— А вообще я просто не такой пафосный и самодовольный... Это ты коллекционируешь книги, а я... просто книжные корешки.

— Да, по цвету. Зеленые. Так... Камерный клуб коллекционеров, крадущих и классифицирующих красивые книжные корешки. Что скажешь? Твой ход! Слышишь?..

Я уже ничего не отвечаю Кате, потому что крепко сплю.

Я обожаю завтракать вдвоем с Катей. Она еще заспанная и растрепанная. Но в этом непринужденном неряшливом образе меня всегда привлекает что-то. Возможно, это проявление высокой степени доверия или даже близости, а возможно, это и есть тот самый домашний уют, который выражается не столько в окружающих вещах, сколько в людях.

Обмениваясь обрывочными репликами, мы говорим на разные темы, как это и бывает в разговоре обо всем и ни о чем. Но Катя вдруг возвращается к своему коллекционному пунктику.

— А ты все еще хочешь узнать, почему именно 1984?

Я понимаю, что это важно для нее, поэтому, конечно же, отвечаю:

— Да. Расскажи.

— Оруэлл писал антиутопию о гипотетическом будущем, вкладывая в нее проблемы, которые уже видел в современном ему настоящем.

— Угу, — киваю я в подтверждение того, что искренне пытаюсь понять.

— Но это будущее давно настало... У нас есть и системы глобального наблюдения, и машины пропаганды, оперирующие общественным мнением, и даже роботы, следящие за твоими действиями в Сети.

— Чуть позже 1984 года, — с улыбкой замечая я.

— Да. А в моей коллекции собраны книги из реального 1984 года. Хорошие и плохие, глубокие и поверхностные, запоминающиеся и проходные. То, что могли прочитать реальные люди, зайдя в книжный магазин в 1984-м. Такой... Типографский отпечаток времени.

— Красиво.

— Ты правда так думаешь?

— Да. Довольно интересная мысль. А «1984» издания 1984 года у тебя есть?

— Конечно!— Глаза Кати загораются свойственным всем коллекционерам маниакальным блеском, она достает книгу и показывает мне с нескрываемой гордостью: — С нее все и началось!

— Жаль, — отвечаю я. — Я теоретически мог бы тебе ее подарить, но раз она уже есть, то нет смысла искать.

— Кстати, да... И раньше говорили, что книга — это лучший подарок, — говорит Катя, задумчиво глядя на ряд зеленых корешков и отпивая кофе. — А что у тебя?

Я выдерживаю паузу, неторопливо доедая остатки завтрака.

— Хочешь знать?

— Да, — кивает она. — Только не говори, что это только для того, чтобы постебать мою коллекцию. Я уже не поверю в это.

— Ну... Вообще-то изначально так оно и было. Смысл был в этом. Но потом появился еще один. Но, признаюсь, он родился именно в процессе.

— И какой же? Почему именно зеленый цвет?

— Цвет может быть любым. У меня это зеленый, потому что у меня весь интерьер зеленый и зеленые книги отлично в него вписались.

— Так смысла нет?

— Нет, смысл есть. Смысл в том, что смысла нет. Что человечество владеет книгами, но не читает их. Обладает богатством знаний и культуры, но не использует его. Фактически, это уже просто книжные корешки, стоящие на полках. Ну, в таком случае, пусть они хотя бы подходят по цвету...

Катя задумчиво замолкает, глядя на расставленные по цвету корешки. Ровный ряд сплавным градиентом, переходом от темного к светлому.

— А знаешь, — наконец говорит она очень серьезно, — твоя коллекция и правда ничуть не хуже моей.

— Думаешь? Ты сейчас серьезно?

— Совершенно. И знаешь, почему? Потому что это не просто самая настоящая коллекция, это еще и арт-объект. Ты начал это как глупую шутку надо мной, а на самом деле... Это про всех людей, которые в большинстве своем уже не читают книг.

— Спасибо. Но, думаю, ты меня перехваливаешь. Хотя... Не знаю как людей, а меня моя коллекция точно побудила снова начать читать книги...

— Это очень хорошо. — Катя с довольным видом смотрит на меня немного испытующим взглядом, подпирая подбородок обеими руками. — И как ощущения?

— Это просто замечательно, Кэтти! — смеюсь я в ответ.

Мы вдвоем находимся в моей квартире. Сидим на зеленом диване. В углу разноцветными огнями сверкает зеленая елка. За окном крупными хлопьями падает одноцветный белый снег, словно разорванные в клочки страницы книг, которые так никто и не прочитал. Мы смотрим на полки, заставленные зелеными книгами, и разговариваем о чем-то неопределенном.

— А ты тогда и правда не пошутил? — вдруг спрашивает Катя, отпивая горячий какао из своей кружки с нарисованным оленем.

— Насчет чего? — не понимаю я, потеряв нить предшествующего разговора.

— Про книгу из твоей коллекции 1984 года издания.

— Правда. Не пошутил.

— И она сейчас где-то здесь? — Катя задумчиво смотрит на полки.

— Нет, — отвечаю я, чуть улыбаясь, — ее сейчас там нет.

— Почему?

— Потому что я решил, что для нее найдется место получше. — Я вынимаю из-за диванной подушки небольшой сверток в серебристой бумаге, перевязанный зеленой ленточкой, и отдаю Кате. Она удивленно смотрит на меня, потом аккуратно и неторопливо разворачивает сверток и вдруг заливается своим звонким смехом.

— Ты решил подарить ее мне?

— Думаю, тебе она важнее. В конце концов это ты собираешь настоящую коллекцию, — отвечаю я, еще не до конца понимая, в чем дело.

— Это... очень мило. — Катя нежно целует меня.

— А почему тогда ты смеешься?

— Потому что ты еще не видел свой подарок. — Она вручает мне небольшую подарочную коробочку. Я открываю ее и невольно улыбаюсь. Внутри точно такая же книга в обложке божественно приятного зеленого цвета, изданная в 1984 году.

— Что ж... — я подхожу к полке, — тогда стоит вернуть ее на место. Так градиент станет более плавным.

— А не хочешь для разнообразия прочитать ее?

Я кручу книгу в руках перед тем, как поставить на полку.

— О'Генри... У меня никогда не доходили до него руки. Но теперь непременно. Что-то про любовь?

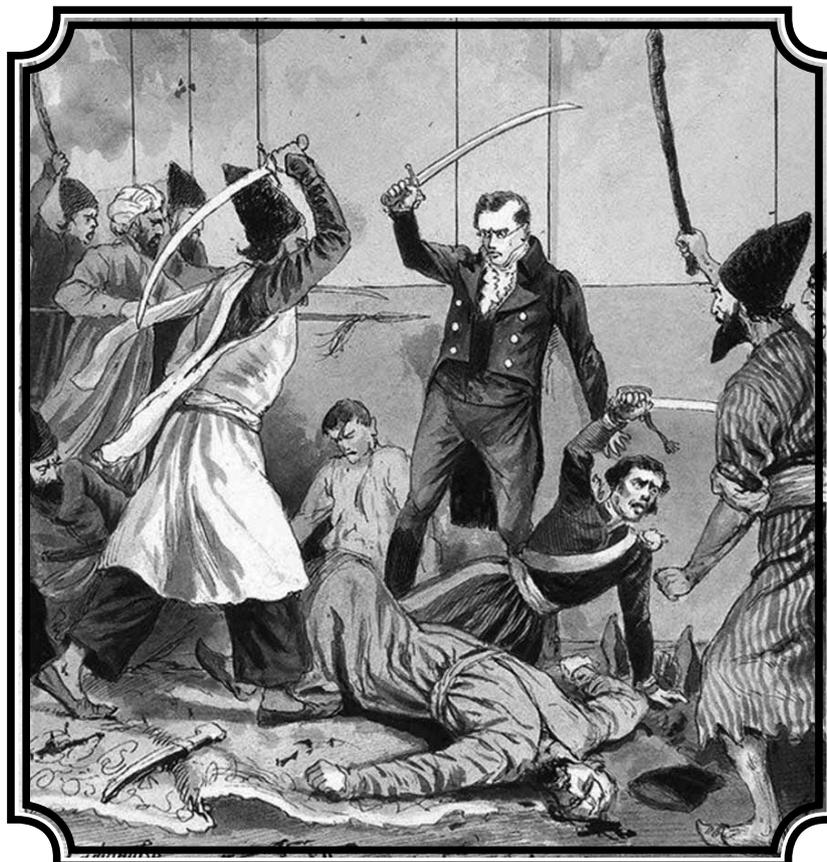
— Классика. Но не потерявшая актуальность. Очень даже. Поймешь, если прочтешь.

«В книгах и пьесах не бывает случайных деталей. Висящее на стене ружье непременно должно выстрелить» — размышляю я, отвлекшись от работы, поднимаюсь с места и поливаю разросшийся кактус, как делаю это обычно раз в неделю.

Вокруг ничего не изменилось. Небольшой кабинет. И Катя, работающая напротив. Все, как всегда. Но что-то все-таки произошло. «Так... И почему же не цветет этот противный кактус? Возможно, это не конец небольшой истории, а начало какой-то другой и большой?» Я снова сажусь за стол. До конца рабочего дня еще два часа... □

Александр Ралот

СЕКРЕТАРЬ ПОСОЛЬСТВА

«Ужасное происшествие в Тегеране поразило нас до высочайшей степени... При сем горестном событии Его Величеству отрадна была бы уверенность, что шах персидский и наследник престола чужды гнусному и бесчеловечному умыслу, и что сие происшествие должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова, не соображавшего поведение свое с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской»

Министр иностранных дел К.В. Нессельроде командующему Кавказским корпусом И.Ф. Паскевичу 16 марта 1829 г.

«Персидское правительство говорит, что оно нисколько не участвовало в убиении нашего посланника, что оно даже ничего не знало о намерении муллов и народа; но стоит только побывать в Персии, чтобы убедиться в нелепости сих слов».

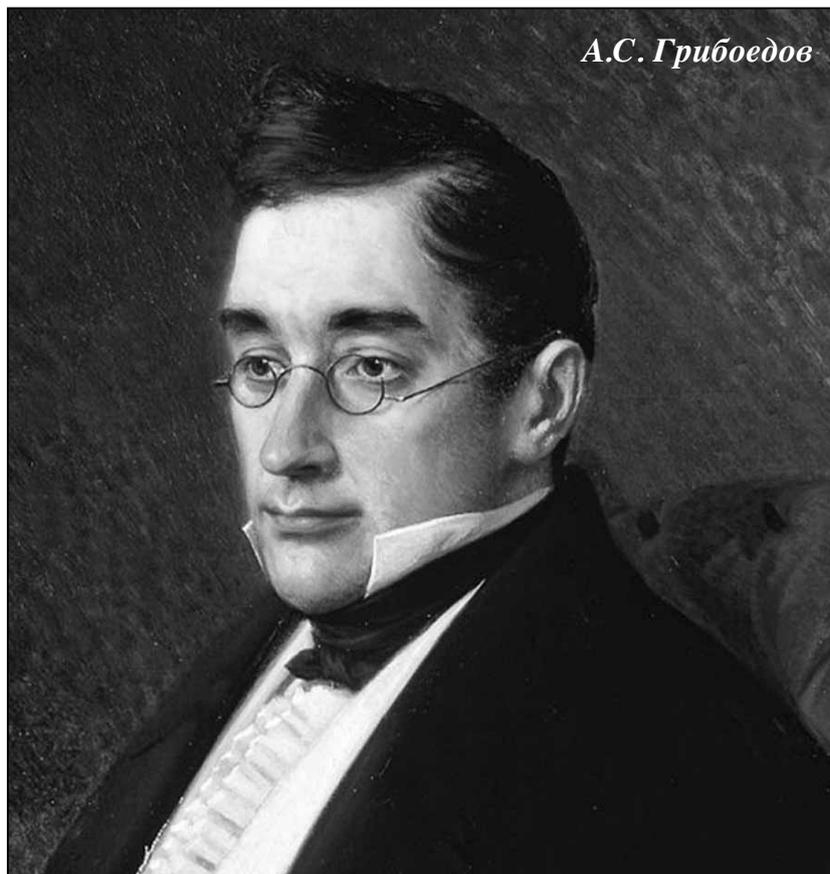
Из донесения Первого секретаря русской миссии Мальцева.

Январь 1829. Персия. Тегеран

— Немедленно наденьте вот это и следуйте за мной! — серхенг (*старейшина — персидский*) швырнул единственному уцелевшему сотруднику поношенный мундир сарваза (*рядовой шахской армии — персидский*).

— Но ведь в городе неспокойно, и это еще мягко сказано, — возмутился Мальцев и продолжил: — Известно ли вам, достопочтенный, что я дал одному феррашу (*служитель в знатных домах — персидский*) целых двести червонцев и велел немедленно раздать оные благонадежным людям, после чего собрать их у дверей этого здания и кричать спешащим мимо бунтовщикам, что здесь квартира слуг достопочтенного Назар-Али-Хана! (*Правитель одной из персидских провинций, сопровождал миссию Грибоедова до Тегерана.*) Простой перс закатал меня в ковер и

поставил в угол комнаты вместе с другими, свернутыми в трубку. Более трех часов я ежеминутно ждал смерти, а ваши сарбазы и ферраши спокойно прогуливались среди неистовой черни и грабили находившиеся в нижних комнатах мои вещи!

— Хватит слов! — оборвал Ивана Сергеевича шахский чиновник. — Вас срочно требуют доставить во дворец. Шах ждать не любит. Не испытывайте его терпение. Кстати, чернь ворвалась не только сюда, но и на территорию британской миссии. Убили там нескольких ваших соотечественников, находившихся при лошадях. И более никого. Этими и удовлетворилась, и грабить дальше не стали...

Шах вскочил с места и долго тряс руку секретарю миссии, приговаривая:

— Если бы я только знал! Мне мои подданные не докладывали, они, конечно же, будут пример-

но наказаны! Вы обязаны отписать своему высокородному шаху-царю, я никоим образом... Но согласитесь, в том, что случилось есть и вина русских, и...

Мальцев, высвобождая руку, кивнул.

Из дворца он вышел кавалером персидского ордена Льва и Солнца. Специальным шахским указом ему предоставлялось эксклюзивное право на беспошлинный ввоз в Персию

разумию, оказанному как после убийства статского советника Грибоедова во время возмущения в Тегеране, так и при отправлении должности генерального консула, всемилостивейше пожалован, по засвидетельствованию генерал-фельдмаршала графа Паскевича Эриванского, кавалером ордена Святой Анны II степени».

«Это молодой человек, который может весьма выделиться, когда с опытом и возрастом несколько со-

стеклянных изделий своего завода.

9 мая 1829 года. Санкт-Петербург

Высочайшим указом «во внимание к примерному усердию и благоразумию, оказанным во время возмущения в Тегеране», наградить Ивана Сергеевича Мальцева орденом Святого Владимира II степени. 10 ноября 1830 года еще одним высочайшим указом «во внимание к благо-

зреют его мысли и улягутся его страсти».

Канцлер К.В. Нессельроде в письме к наместнику на Кавказе князю И.Ф. Паскевичу (о Мальцеве).

Два года спустя. Санкт-Петербург. Министерство иностранных дел

Хозяин кабинета в очередной раз перечитал депешу, поступившую с дипломатической почтой из Таври-

за. В ней была изложена настоятельная просьба генерального консула Мальцева освободить его от обязанностей и дозволить возвратиться в столицу, по причине пошатнувшегося здоровья и необходимости безотлагательно заняться делами, связанными со своими владениями: заводами, имениями и землей.

Он взял со стола колокольчик, позвонил и велел вошедшему секретарю пригласить помощника министра Сенявина.

— Допустим, я его просьбу удовлетворю, и что тогда? — обратился к нему Нессельроде после того, как вошедший ознакомился с бумагой. — Так он же сразу по прибытии вообще попросится в полную отставку, ведь здешнее жалованье для него — сущие копейки.

— А ежели откажете, так тут же наживете себе целую свору высокопоставленных недоброжелателей. Самому императору начнут шептать, с них станется! — парировал Сенявин и продолжил: — Раз уж надумал уходить со службы, так надобно отпустить, и без его услуг обойдемся. Тем более, по кабинетам нашим не первый год слухи ходят, что знал секретарь о готовящемся бесчинстве, потому и выжил. Всем же ведомо, миссия вся погибла, да еще три десятка казаков головы сложили. Бились до последнего. Все, кроме Мальцева.

— То дело прошлое. Не мне вам напоминать, что Самодержец Всероссийский за души погубленные

дары щедрые от персов получил — один знаменитый алмаз «Шах» чего стоит. И у нас теперь с ними «вечное забвение злополучного Тегеранского происшествия». Но по поводу грядущей отставки я, пожалуй, с вашими доводами соглашусь. Пусть возвращается, не сочтите за труд, подготовьте соответствующую бу-

Иван Сергеевич Мальцев

магу. — Министр поднялся с кресла, давая понять, что разговор закончен.

Бывший дипломат был фигурой весьма противоречивой, за что в кругу друзей получил прозвище «Мефистофель»: с одной стороны, он славился своей скупостью, его родственник князь Мещерский го-

ворил о нем: «Это был скупейший из скупых людей». Наверное, именно поэтому Иван Сергеевич так и остался холостяком — «чтобы не тратить деньги на ненужное», и до конца жизни оставался закоренелым мизантропом. Но с другой стороны — это был человек недюжинного ума, с большим чувством юмора, искусный дипломат, обладавший, к тому же, даром предпринимателя.

После отставки Мальцев в столице не задержался. Отчитавшись и сдав необходимые документы, отправился напрямик в селение с красивым названием Гусь, где и располагались его заводы. Большая их часть работала в убыток. Виной тому были малые рынки сбыта, огромные расстояния до рынков потребления готовой продукции и отсутствие денежных вливаний.

Вместе с управляющим Иван Сергеевич объехал принадлежащие ему предприятия и понял — нужно принимать срочные меры, иначе все пойдет прахом. «Самое место пребывания мое весьма непоэтичное: сыпучие пески, дремучие леса и топкие болота. Все имение — олицетворение запустения и упадка. Дела так плохи, что главная фабрика (Гусевская), при которой находится до шестисот душ, дала доход с отрицательными показателями, то есть четырнадцать тысяч убытку!»

Без колебаний он закрыл несколько предприятий, но мастеровых не выгнал, а перевел на лучшее

предприятие, сюда же выписал проверенных в делах управленцев. При заводе создал комнату образцов уникальных изделий из стекла.

1835 год.

Успешный заводчик попал в свиту Николая I, отбывающего за границу, в Чехию. Итогом этой поездки стал купленный рецепт изготовления богемского стекла и образцы тамошнего производства. Вскоре Гусевский завод начал выпускать изделия не хуже заграничных.

Сорок пять лет спустя.

Только на двух, самых крупных хрустальных заводах Мальцева — Гусевском и Уршельском — работало более девятистот человек. Годовой оборот первого из них составлял девятьсот тысяч рублей.

Ну а что же сам бывший секретарь посольства? По причине слабого здоровья Иван Сергеевич провел последние годы своей бурной жизни на юге Франции, в Ницце, где и скончался в 1880 году от разрыва сердца в возрасте семидесяти двух лет.

Он трижды назначался временно управляющим Министерством иностранных дел. Его даже прочили на пост товарища министра просвещения и сватали в министры финансов. Но звание «некоронованного короля русского хрусталя» оказалось дороже! □

Если приказано уходить

Из соображений национальной безопасности подробности о жизни Бориса Симоновича Прибыткова (1941 — 2018) по-прежнему засекречены. Правда, в декабре 2021 года он на мгновение вышел из небытия. В его родном институте в Петербурге студентам представили его портрет. Назвали имя, звание и упомянули, что служил в особом резерве — нелегальной разведке. А потом вновь наступила тишина...

Теперь она, к счастью, нарушена. В переданной мне сотрудниками нелегальной разведки тоненькой синей папочке с фотографиями о полковнике-нелегале рассказано немало.

Случаются в жизни любопытные совпадения, без которых она была бы скучнее. Совершенно случайно в купе спального вагона поезда дальнего следования попали два человека. Один из них — народный артист СССР Донатас Банионис, ну а второй — какой-то немец.

Для многих Банионис остается бесстрашным советским разведчиком Константином Ладейниковым из культового «Мертвого сезона». Тот, совершая чудеса героизма, попадает в руки чужой контрразведки, а после освобождения из тюрьмы прилетает домой в Москву. Ликующая толпа встречала хоккейную

или какую-то еще нашу сборную, завоевавшую очередной трофей, а настоящего героя-разведчика люди не замечают. Да и не могут заметить — он для них по-прежнему неизвестен.

Попутчик всенародного любимого артиста Баниониса, так и не избавившегося от приятного литовского акцента, — коммерсант из Германии, он хорошо говорил по-русски, правда, тоже с акцентом — немецким. Беседовали ночь напролет, опустошая традиционно-коньячные припасы, всегда лишние в дороге. Расстались, как обычно расстаются сошедшиеся

в поезде люди: добрыми на день-другой друзьями, с неременной договоренностью о новой встрече. Как правило, такого никогда не бывает, но еще недельку после дороги оба пассажира будут искренне в это верить.

Но наверняка Банионису было бы интересно узнать, что второй раз в жизни судьба свела его с представителем советской нелегальной разведки, а не с каким-то немцем. До этого, снимаясь в «Мертвом сезоне», Донатас Юозович фактически воспроизводил эпизоды из жизни нелегала Конона Молодого, он же сэр Гордон Лонсдейл, и по ходу съемок консультировался с ним и еще с полковником Рудольфом Абелем.

В отличие от случайного попутчика оба были раскрыты и отсидели в тюрьмах Британии и США. А сосед по купе — нелегал Борис Симонович Прибытков, привычно и умело изображавший немецко-русский акцент, — из чужих цепких рук вывернулся. В момент приятного знакомства с народным артистом он находился уже у себя на родине. Но все равно работал и жил под легендой немца-бизнесмена, оставаясь на работе, где у людей нет права на собственное имя.

Привожу без всяких изменений строки из предоставленного мне спецдосье:

«Прибытков Борис Симонович, русский, родился 10 октября 1941

года в поселке Привольное Лисичанского района Ворошиловградской области СССР. В 1961 г. окончил Ленинградский сварочно-механический техникум, в 1967 г. — Ленинградский механический институт (в настоящее время Балтийский государственный технический университет «Военмех» имени Д.Ф. Устинова). Работал на предприятиях военно-промышленного комплекса.

В органах госбезопасности и особом резерве с 1970 г. Прошел спецподготовку для работы за рубежом в качестве разведчика-нелегала. С 1975 г. находился в долгосрочной загранкомандировке в стране с жестким контрразведывательным режимом. Благодаря своим уникальным личностным и профессиональным качествам внедрился в один из основных объектов нашей разведзаинтересованности (так указано в документе — *прим. автора.*) и добыл большой объем документальной информации по приоритетной проблематике. Указанные материалы получили высокую оценку, имели важное оборонное и народнохозяйственное значение.

В 1985 г. по соображениям безопасности командировка Прибыткова Б.С. была прекращена».

Соображения были серьезнейшие. Нелегал все делал правильно. Его никогда бы «не вычислили», если бы не предатель — человек ограниченных желаний и скольз-

ких намерений, главной целью которого стало обогащение. Какое там чувство долга?! Он наводил контрразведку противника на своих, обрывая их зарубежный служебный маршрут раньше срока. Вреда успел нанести немало.

Вывел и на Прибыткова. Ареста, по всем канонам, было не избежать. Скрыться помогло лишь чудо? Нет. Чудес в этой работе не бывает. Выручили дисциплинированность и пунктуальность, доведенные до совершенства. Проверил в точно положенное время условное место и обнаружил оставленную там метку-сигнал об опасности. Это приказ: надо уходить, и немедленно. Он не мог знать о предательстве, об уже надвигавшемся аресте. Спасло полученное предупреждение от Центра и сила воли.

Как у каждого человека мелькнуло соблазнительное: заскочить хоть на минутку домой. Там все честно нажитое за годы работы в «особых условиях»: вещи, машина, банковские карточки, любимая собака, потрепать бы которую на прощанье. И коллекция марок и монет. Кстати, замечу, среди разведчиков много филателистов и нумизматов. Ну, это так, к слову.

Борис Прибытков исчез из страны пребывания сразу. Маршрут, как всегда в таких случаях, заранее был известен лишь ему и Центру. Счастье, а, скорее выучка, что не поддался слабости, бросил и отру-

бил все сразу. Уже потом стало известно: дома его ждала засада.

Уходил, что называется, налегке: спортивная куртка, джинсы, в кошельке мелочь, в кармане — ключи от никогда так больше и не увиденного дома. Позже, анализируя испытанное, Борис Симонович говорил, что никакой растерянности не испытывал. Кольнуло, разве что, в первые секунды, когда увидел выставленный в условном месте знак крайней опасности. Да, охватила тревога, но и ее окончательно отогнал прочь, когда удалось изъять из другого тайника надежный паспорт, деньги и билет на самолет, заложенные людьми из нашей резидентуры. Изменил, как мог, вот уже действительно на скорую руку, внешность, рванул на такси в ближайший аэропорт. Пассажир, как пассажир — скромно одетый, неприметный. Ничего в нем не бросалось в глаза. И успел скрыться, прежде чем специально для его поимки закрыли небо и сухопутные границы.

А что стало потом с предателем? Причитающейся дороги на эшафот тому было не избежать. Разоблачили, доказали вину. И расстреляли...

Как-то в беседе с друзьями позволил себе признаться, что в начале своей карьеры нелегала он несколько встревожил руководство своим прямодушным призна-

нием. Вырвавшись в отпуск и отчитываясь, как и принято, перед начальством, честно сказал, что любил страну пребывания и ее народ. Высказывание смелое. Но в ответ на некоторое недоумение объяснил: без такого уважительного отношения к окружающим успешно работать там, где трудился он в «особых условиях», невозможно. Настоящим нелегалом становишься тогда, когда даже сны видишь на чужом, не родном, языке. А родину ценишь еще больше, чем до отъезда.

Тут может произойти определенное раздвоение. Нельзя себе такое позволить. Повлияет на психику. Тонки грани, которые всем смыслом «особой» жизни запрещено переходить, и как же колеблются чаши весов, ни одна из которых не должна перевесить.

Эту сложнейшую штучную профессию, по признанию Прибыткова, он ни за что не променял бы на иную. И ни о чем не жалел, за исключением того, что по независящим от него причинам не успел до конца исполнить задуманное в той далекой и ставшей для него родной чужой стране. Но выкинуть из памяти предателя, из-за которого не успел до конца выполнить задуманное, Борис Симонович не мог...

После возвращения на родину было много работы. Пришлось

поколесить по миру, а позже и по странам, входившим раньше в великий Союз. С паспортом иностранца, естественно, каким же еще. А что делал? То, что надо для обеспечения безопасности своей страны.

Прибытков всегда умел держать себя в руках. Как и в каждом разведчике, была в нем воспитана способность внимательно, и ни в коем случае не перебивая, слушать собеседника, что всегда нравилось «солирующему» в разговоре. А еще он обладал быстрой реакцией, которую не давал почувствовать окружающим. Этот человек, небольшого роста, с бородкой, мог легко затеряться в толпе. Обладая приятной внешностью и открытой улыбкой, все равно оставался не привлекающим к себе внимания «невидимкой».

Но никакого аскетизма. Тонкое чувство юмора, никогда не перераставшее в насмешничество. В иные моменты просыпался в нем азарт, но не тот, что граничил с безрассудным риском. Очень трезво оценивал жизнь, что складывалась для него, особенно после предательства, непросто. Приключения у разведчиков — только в кино, у него же были непредсказуемые и часто крутые повороты, в которые он ухитрялся вписываться.

Коллеги считали Бориса Симоновича исключительно сдержан-

ным. Было в нем природное обаяние, которое приобретает разведчиком годами побед и, иногда, поражений. Тут главное было не утратить оптимизма и веры в себя, в дело, что Прибыткову вполне удалось.

Его сослуживцы вспоминают, что заслушивались удивительными рассказами Бориса Симоновича. Но и при застолье с коллегами он никогда не трогал тем, для нелегальной разведки запретных. Никаких оперативных эпизодов, имен и фамилий. И никакой географии. Полное отсутствие косвенных признаков, которые бы могли подсказать, в каких странах и под какой легендой трудился он в «особых условиях». Зато сколько курьезных случаев, необычных эпизодов. То была не конспирация, а укоренившаяся привычка не говорить лишнего.

Снова приведу данные из спецдосье:

«С 1986-го по 1991-й Прибытков Борис Симонович работал в центральном аппарате внешней разведки, успешно выполнял в этот период ответственные оперативные задания, в ходе которых получил сведения, представившие практический интерес для оборонных отраслей отечественной промышленности.

В 1992 г. уволен в запас по достижении предельного возраста нахождения на военной службе.

Активно участвовал в ветеранском движении, патриотическом и профессиональном воспитании молодых сотрудников СВР России».

За успешное выполнение разведывательных заданий, мужество и целеустремленность Прибытков Б.С. был награжден орденами Красной Звезды (1981 г.) и Красного Знамени (1983 г.), высшей ведомственной наградой — нагрудным знаком «Почетный сотрудник государственной безопасности СССР» (1983 г.), многими медалями, в том числе «За боевые заслуги» (1989 г.) и «Ветеран внешней разведки» (2016 г.).

Его заслуги в разведке велики. Работавшие с ним считали, что Борис Симонович вполне мог бы быть удостоен звания Героя Советского Союза. И в Первом главном управлении КГБ СССР, и, возьмем выше, у руководства страны, кажется, имелись такие планы. Было за что награждать. Но не сложилось.

После тяжелой и продолжительной болезни Борис Прибытков скончался 28 сентября 2018 года. Похоронен с воинскими почестями в Москве на Троекуровском кладбище рядом со своими товарищами по Службе разведки.

Борис Симонович очень любил жизнь. И иногда она даже отвечала ему взаимностью... □

Мудрый, умный, спокойный и рассудительный, отзывчивый и все понимающий. Сегодняшний наш гость — психолог, телеведущий, блогер, а с недавних пор еще и музыкант и вокалист, Марк Бартон. В его напряженном графике почти нет свободного времени, но для нашего издания популярный психолог сделал исключение и рассказал читателям «Смены» о том, как правильно разрешать семейные конфликты, какие книги следует прочесть и чем заняться в наступающем 2024 году.

Марк Бартон

«Любовь — это такая движущая сила, без которой ничего не может существовать»

Фото из личного архива

— Марк, в первую очередь предлагаю поговорить о вашей новой ипостаси — музыкальной. Когда впервые услышала вас, то сразу обратила внимание на ваш голос — сочный, бархатный баритон, и подумала, что будет преступлением, если вы не запоете. Расскажите, пожалуйста, как вы пришли к музыкальному творчеству?

— Все началось в детстве. В школе у нас была своя группа, мы сочиняли и пели — и свои, и популярные песни. Ездили на разные мероприятия от школы, фестивали, концерты. Спустя время подумал, что оставлю музыкальное направление, хотя какие-то песни писал в стол, сочинял для кого-то из друзей, но затем снова вернулся к музыке, и был такой период, около 3-х лет, когда я рабо-

тал в нескольких ресторанах и пел различные каверы. Я даже пробовал себя в качестве ведущего, вел свадьбы, корпоративы, выступал как вокалист и звукорежиссер. В общем, везде, где можно было заработать на музыкальной сфере, я подрабатывал, но делал это для души. Потом опять вернулся в психологию, стал телеведущим. А сейчас настал такой момент, когда душа просит петь песни — свои и не только свои. Почему бы и нет?

— То есть получается, у вас с прежних времен еще остались песни, которыми будете удивлять?

— Да, много песен, на два альбома точно хватит. Сейчас мы с Мартом Бабаяном некоторые из них дорабатываем, делаем новые аранжировки. Март Бабаян — мой музыкальный продюсер. Он и пишет, и аранжирует, и помогает мне понять, в чем мой музыкальный стиль.

— Марк, вы сегодня поющий психолог или практикующий музыкант?

— Соединять это точно не нужно. Психология — это психология. Там у меня своя работа, своя аудитория. Хотя многим людям, которые знают меня как психолога, нравится то, что я создаю по музыкальной части. Наверное, в чем-то я — начинающий артист, а в чем-то другом — психолог. Поэтому каждый делает для себя свои выводы и со-

ставляет свою картинку. Кто-то меня может узнать как музыканта, вокалиста, а кто-то знает как психолога. Я это делаю, в первую очередь, для души, для настроения, для радости других.

— Сейчас психологами модно становиться, но я хочу сказать, что не у каждого есть житейская мудрость, которая есть у вас. Можно этому научиться?

— В психологи она не обязательна. Безусловно, психологу важно иметь такие качества, как сочувствие, любовь, открытость, эмпатия, доброта. Тут, скорее, о человеческих качествах идет речь, так как житейская мудрость достаточно субъективна — кто-то имел возможность приобрести богатый жизненный опыт, а у кого-то такого опыта не было. Но все-таки фундаментальные знания, если мы берем психологическое образование, не опираются на жизненную мудрость. Конечно же, немаловажную роль играет этот самый опыт жизненный, потому что психология подразумевает взаимодействие с разными людьми, с разными социокультурными срезами, религиозными ценностями и географической расположенностью. Недавно я был в Башкортостане и понял, что какие-то вещи, которые являются нормой в центральной части России, не являются нормой в том же Башкортостане. Там есть свои традиции, своя культура и, как мне кажется, психология должна быть

достаточно лояльной — мы не должны под один шаблон подгонять всех и сразу.

— На одном из телеканалов вы ведете передачу, посвященную разрешению семейных неурядиц, и, по-моему, у большинства наших соотечественников присутствуют подобные проблемы. Как вы их решаете, когда к вам приходят семейные пары и женщины, замученные бытовой жизнью? В чем основные проблемы, и как с ними справляться?

— Проблемы, с одной стороны, абсолютно схожие, а с другой — для каждого человека его проблемы являются самыми значимыми. По большому счету, они одни и те же: недопонимание, неспособность элементарно поговорить, договориться о чем-то, зависимости различные, алкогольные и наркотические, измены, финансовые трудности и инфантильность, человеческая незрелость. С таким грузом проблем и приходит большая часть людей.

В рамках программы, конечно, сложно краткосрочно изменить ситуацию, но все-таки основу фундамента мы закладываем. Намечаем точки роста, над чем нужно работать, в каком направлении двигаться, каких ошибок не совершать. Если семья ответственная, и пришла не просто показаться на теле-

экране на всю страну, а хочет, чтобы в их жизни что-то поменялось, конечно, у них при желании все получится. А без желания не получится ничего.

— Марк, вы не могли бы вкратце рассказать, как правильно разрешать конфликты в семье? Я понимаю, это очень большая, глобальная тема, но все-таки, может быть, дадите какие-то советы...

— Ну, конфликт конфликту рознь. Есть ситуация, когда человек накапливает в себе обиду годами. Терпит, терпит, а потом в какой-то момент его прорывает, и он начинает выдавать все, что думает, агрессивно, используя ненормативную лексику, а может быть, и физическое насилие. Любой конфликт должен проговариваться здесь и сейчас. Если ты чем-то недоволен, то должен сказать, что именно тебе не нравится, без обвинений. К примеру: «Мне неприятно, мне больно, мне обидно. Я себя чувствую отверженным и нелюбимым или нелюбимой». Основная-то проблема конфликтов в чем? Люди не умеют и не хотят договариваться. Когда два человека в паре находятся, им, как ни странно, самое сложное — сесть и поговорить. Каждый пытается отстаивать свою позицию. Самая распространенная проблема, из-за которой люди выясняют отношения, — это неприятие своего партнера.

Правильный принцип построения отношений — «я могу быть собой рядом с тобой, а ты можешь быть собой рядом со мной». Если на этот принцип посмотреть очень внимательно, то мы поймем, что, придерживаясь такой модели, можно построить счастливые отношения. А мы в отношениях пытаемся переделывать партнера и подогнать его под тот образ, который нам в большей степени нравится, удобен, понятен. Тот образ, который можно контролировать, видоизменять. Моя рекомендация очень проста. Не обманывать себя, ни в коем случае не «докармливать» обиду, а выговаривать все, договариваться. И, конечно же, понимать, что отношения — это постоянно видоизменяющаяся структура. Каждый раз, переходя из одного этапа отношений в другой, нужно все прорабатывать и проговаривать, и тогда конфликтов будет минимум.

— Марк, вы провели очень много эфиров и на ТВ, и в Интернете. Какой был для вас самым запоминающимся?

— Ох, да они все запоминаются, не было и нет такого, чтобы я какой-то проект выделил. По внутренним ощущениям мне ближе всего передача «Детек-

тор», которую я вел на телеканале Пятница. Если брать формат — студийное ток-шоу. Не потому что там звезды были, а потому что как-то все по-праздничному происходило. А вот реалити-шоу, они требуют больше энергозатратности. Потому что то, что видит зритель, это лишь одна сотая часть того, что происходит в рамках съемочного процесса, телеканал много чего вырезает.

А запоминаются те проекты, которые действительно помогают людям изменить что-то в своей жизни.

— Вы очень начитанный, умный человек. А какие книги посоветовали бы читателям из своего списка?

— В основном я читаю книги, которые посвящены психологии и психотерапии. Даже человеку, далекому от психологии, я бы порекомендовал некоторые книги, которые, по большому счету, рекомендуются психологам. Это Сальвадор Минухин и Чарльз Фишман, «Техники семейной терапии». Потом я бы порекомендовал Виктора Франкла, не выделяя какую-то одну книгу, поскольку у него их очень много. Почему мне близок этот человек? Мой дедушка тоже был узником концлагеря. А Виктор Франкл был не просто узником концлагерей, а еще человеком, который оказывал существенную психологическую помощь заключенным, и сам выжил при этом. Да еще стал причиной смысла жизни для многих других людей — основал логотерапию, это анализ, направленный на поиск смысла жизни для пациента. А книг у него очень много — «Человек в поисках смысла», «Воля к смыслу», «Сказать жизни: «Да!» и многие другие. Это тот автор, которого нужно читать, читать и перечитывать.

— А вот насчет духовной составляющей, как вы считаете,

лечит ли, на ваш взгляд, духовная литература?

— Я не могу себя бить в грудь и кричать, что я верующий человек, скорее, я человек — стремящийся к вере. В детстве, в подростковом возрасте, я учился в миссионерской школе, дважды оканчивал ее и должен был быть, в принципе, проповедником. Я хорошо знаю не только Библию, но и Коран. И я уверен на сто процентов, что духовная литература помогает человеку прийти к самому себе. Если духовное чтение является частью жизни человека, то оно, безусловно, помогает. Я буквально недавно выступал на одном мероприятии, где было много бизнесменов, и задал им вопрос: «Знаете ли вы, в какой книге почти 2700 раз упоминаются деньги, богатство и изобилие?» Никто не ответил. А это Библия, представляете? При этом, если мы возьмем Библию и посмотрим на количество стихов, посвященных вере, молитве, то их окажется около 500–600, а богатству посвящена большая часть написанного. Опять же, если мы рассмотрим, например, исламские страны, исламские республики, то увидим, что психология здесь будет требовать корректировки на духовную составляющую, с ориентиром на духовные традиционные ценности. Если мы берем православие, то найдем тут свое полярное направление в психологии, которое учитывает духовные ценности православных.

И куда мы ни посмотрим, духовность несет в себе смыслы. И если углубиться в историю, то окажется, что каких-то пару веков назад, знаете, кто занимался психическими расстройствами? В большей степени церковь. Если же церковь не справлялась, а количество этих больных было достаточно большим, то их размещали в тюрьмах, где были отдельные боксы. Кстати, врачи, изучавшие психические расстройства, имели, в том числе, духовное образование.

— Мой следующий вопрос как раз насчет психических расстройств. Скажите, пожалуйста, вы гипноз практикуете, помогает ли он исцелению психических и невротических расстройств личности?

— Нет, если это уже патологическое расстройство и клинические повреждения, то, конечно, в этих случаях гипноз ничего не сделает. Сам я давно уже не применяю гипнотерапию. И не делаю это потому, что есть абсолютно рабочие способы и приемы в различных методах психологии для решения самых сложных задач. А вот если это уже диагноз, то психотерапевт, психиатр — в помощь.

— Марк, а вы строгий отец?

— Я никакой не строгий — на мне можно ездить, как на большом ишаке. (Смеется.) Могу, конечно, пого-

ворить строго, высказать свое недовольство, но ни разу, мне кажется, даже голос не повысил на детей. Ни на старшего сына, которому уже 19-й год пошел, ни на младшего. Я все-таки стараюсь, чтобы наши с ними отношения складывались в любви. Всегда вспоминаю себя в их возрасте, каким я был, чем интересовался, как себя вел, как думал...

— Вот в нашем детстве не было гаджетов. Как считаете, нужно ли ограждать ребенка от них?

— Ограждать не нужно, это абсолютно бессмысленно, потому что человечество развивается, наука развивается, и скоро без понимания того, как управлять гаджетом или тем или иным устройством, мы просто не сможем с вами существовать. Это действительная реальность. Пусть ребенок даже играет в какие-то игры, но если это все под контролем взрослого осознанного человека, родителя, то никакой опасности не будет. Не нужно ребенка от этих гаджетов убирать, нужно просто контролировать информацию, которую он там находит, знать, чем именно он там интересуется. Понятно, что ребенку важно занять себя, и, если сами родители сидят в гаджетах, они этим показывают ребенку пример того, что это тоже нормально. Детям необходимо общение, и если ты не хочешь, чтобы ребенок сидел в гаджете, удели ему время, посиди с ним,

установи график, по которому можно пользоваться тем или иным устройством.

— А что делать, если ребенок не хочет учиться?

— Ну, мы же понимаем, что, если взять в целом систему образования, она, в принципе, рассматривает каждого ученика как некую такую среднюю статистическую интеллектуальную единицу. А каждый ребенок по-своему воспринимает материал, кто-то медленнее, кто-то быстрее, у кого-то генетически правополушарная доминирующая часть, у кого-то — левополушарная. Кто-то на эмоциях, всегда активен, кому-то, наоборот, нравится сидеть, изучать что-то, работать мелкой моторикой и так далее. Дети все разные, и, прежде чем обвинять ребенка в том, что он не хочет учиться, нужно сначала изучить его. Так часто бывает, когда ему даются какие-то предметы более легко, какие-то более сложно. И сейчас есть прекрасная возможность пройти различные формы диагностики и нейропсихологии, и не только для того, чтобы определить сильную и слабую сторону ребенка. Это игра по большому

счету. И, конечно, родители совершают большую ошибку, пытаясь стать соучастниками этой игры. Простой пример — мальчик приходит домой и не хочет делать домашнее задание, а родители не могут понять, по какой именно причине. Из общения с детским психологом выясняется, что этот мальчик использует этот отказ как абсолютно легитимную возможность привлечь внимание родителей. Они бросают все свои дела и два часа уговаривают его, чтобы он делал уроки. А по факту, они с ним вообще не взаимодействуют. То есть он приходит из школы домой, они пытаются его усадить за учебники, а пока выполняется домашнее задание, взрослые идут отдыхать или спать, и у ребенка нет возможности ни поговорить с ними, ни поиграть, ни пообщаться. И естественно, начинается сопротивление. Это один из сотен примеров. Если это действительно сопротивление, оно очень легко вычисляется у специалиста. И, естественно, я рекомендую родителям не гадать, а обратиться к детскому психологу, если у ребенка проблемы с успеваемостью, к семейному психотерапевту, который поможет вообще разобраться в структуре семейной жизни и выявить проблемы, которые внутри самой семьи могут быть и не видны. Если мы говорим про направление семейной психотерапии, то я убежден, что

негативное поведение в семье ребенка является причиной не его характера, а моделью семейной структуры. С точки зрения мамы и папы может казаться, что все замечательно, а по факту там может присутствовать деструктивная педагогика, психологические травмы, которые родители наносят ребенку. Мы же не отрицаем поход к кардиологу, если у нас проблемы с сердцем, или к гастроэнтерологу, если проблемы с ЖКТ, и так далее. Так же и здесь, если есть психологические проблемы в коммуникации, взрослении, то для этого и есть люди, которые обладают профессиональными знаниями и могут помочь.

— Марк, давайте вернемся к вам — что было самым трудным в построении вас как личности, в вашей карьере?

— Не знаю, трудно сказать, что было трудным, простите за тавтологию. Ну, на телевидение я попал с 72-го раза, у меня в общей сложности было 72 кастинга. ТВ-программы, какие-то ток-шоу. Но я не могу сказать, что это были трудности, скорее это был опыт, определенные этапы, которые для чего-то необходимы, потому что, сталкиваясь с сопротивлением, я постоянно пытался что-то сделать. Не было такого, что, если у меня что-то не получалось, я не делал выводы и оставлял все как есть. Я полу-

чал обратную связь: кто-то мне говорил: «Вам нужно поработать над речью», кто-то: «Вам нужно отрастить волосы». Но это не проблемы и не трудности. Самая большая трудность — это, наверное, работа со своей гордыней, — а она есть у каждого человека — когда ты хочешь мгновенно все получить, считая, что ты самый достойный. Вот это, мне кажется, самая большая проблема у многих людей, самый большой ступор и причина самых ограничивающих убеждений.

— Марк, обращаюсь к теме, которая волнует почти всех — секреты похудения. Есть ли какие-нибудь диеты, которыми вы пользуетесь, и которыми могли бы поделиться?

— Психологическое состояние очень сильно влияет на пищеварительную систему. Если мы рассмотрим, например, состояние человека в стрессе, то там задействованы вегетативная нервная система и адреналовая система. Что происходит в момент стресса? Как только мы погружаемся в стресс, у нас автоматически начинает отключаться, выпадать из жизнедеятельности и пищеварительная, и репродуктивная системы. Система пищеварительная напрямую взаимосвязана с гормональной системой. И чем чаще человек находится в стрессе, тем чаще у него про-

блемы с ЖКТ, и не только. По сути, если этот стресс кратковременный, и опасность миновала, организм возвращается в свое привычное рабочее состояние. А если это стресс, к которому человек уже адаптировался и бессознательно находится внутри него регулярно, то, конечно, проблема с лишним весом будет всегда. Кстати, есть проблемы, не только связанные с лишним весом. Есть люди, которые страдают, наоборот, из-за излишней худобы, им трудно набрать килограммы. Но при этом есть абсолютно научно доказанные факты и примеры того, как люди приводят в порядок свое психологическое состояние, и нормализуется вес.

— Подскажите, пожалуйста, чем заниматься в жизни людям старшего поколения? Ваши рекомендации?

— Ну, чем у нас занимаются чаще всего бабушки и дедушки, которые выходят на пенсию? В большей степени живут жизнью своих детей, посвящают свое время внукам. Как бы это странно ни звучало, я все-таки считаю, что пожилой возраст дан для того, чтобы человек радовался и получал удовольствие от жизни. Скорее всего это реализация каких-то идей и планов, которые невозможно было реализовать раньше. Речь идет не о каких-то занятиях, требующих

колоссальных финансовых вложений. Можно пойти на танцы, можно начать рисовать, изучать что-то, познавать, открывать, читать, путешествовать в разные города, заниматься творчеством. Все это продлевает жизнь и делает ее более красочной.

— Марк, что такое любовь, на ваш взгляд?

— Мне кажется, любовь — это вообще такая движущая сила, без которой ничего не может существовать. Куда бы мы ни посмотрели, даже на какие-то технические достижения человечества — это тоже выражение любви. А если мы говорим о любви между двумя людьми, то, как я уже сказал, это, наверное, служение друг другу. Мы часто слышим, как мужчина и женщина говорят: «Я тебе ничего не должен, ничем не обязан». А как раз-таки в отношениях мы должны друг другу и обязаны. Потому что рассматривать отношения с точки зрения какого-то эгоизма в корне неверно, тогда это уже не те отношения. В отношениях два человека служат друг другу. Это не подразумевает какого-то раболепства, это не унижение. Если мы обратимся к слову «министерство», то узнаем, что в переводе с латыни оно означает «службу». То есть каждый служащий своей жене — уже министр, и каждая служащая своему мужу — тоже министр.

Служить человеку, которого ты выбрал из миллиона других людей, мне кажется, это очень благое дело. Глупо пытаться построить отношения на эгоизме и боли. В этом мире и так хватает страданий. Зачем же это нести еще в семью?

— Какие у вас будут пожелания читателям в 2024 наступающем году?

— Пойти в развитие. Развивать масштаб личности, многомерность мышления, формировать какие-то привычки, которых никогда не было, но здоровые привычки. Открывать для себя что-то новое. Каждый раз, когда мы приходим к чему-то новому, пытаемся познать то, чего не знали, выполняем непривычные действия, изучаем что-то, что даже не думали изучать, мы развиваем свой мозг, свою нейронную сетку, становимся более многогранными, более интересными. А так, по большому счету, мы привыкли жить по сценарию. Да, у каждого человека он свой, но есть и общие сценарии, коллективные: работа, дом, дети, выходные, праздничный стол. Когда мы внедряем новые привычки, это, конечно же, привносит разнообразие в жизнь. Я хочу пожелать читателям «Смены» непрерывного развития и, в первую очередь, познания самого себя. □

Беседовала *Дарья Парчинская*

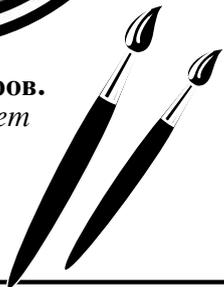
Ирина Опимах

Василий Перов

«Странник»

Василий Перов.
Автопортрет

Мимо этой картины трудно пройти. Невозможно не остановиться, не задуматься о судьбе этого человека, не послушать, что думает о жизни этот философ с котомкой за плечами, в бедных одеждах, в лаптях, с посохом в руке. «Странник», созданный кистью Василия Перова в 1870 году, — живой, трагичный, мудрый, нищий, но полный собственного достоинства человек. Эта картина сегодня хранится в Третьяковской галерее.

Жизнь Василия Перова не баловала. Незаконнорожденный сын барона Криденера никогда не купался в богатстве и все всегда добывал себе сам благодаря труду и таланту. Его достижения в живописи уже в 1860-х годах были признаны и критиками, и публикой — недаром его картины покупал сам Павел Михайлович Третьяков, а Владимир Васильевич Стасов, самый авторитетный искусствовед тех времен, писал о них.

Но ни несомненный дар Перова, ни успехи на выставках не могли

уберечь его от страшных потерь. В 1869 году умерла жена, вскоре ушли из жизни два его сына. (К счастью, у него оставался еще один сын, Владимир; он пошел по стопам отца и тоже стал художником). Только работа могла спасти, отвлечь и не дать разувериться в жизни, а еще удивительные люди, которые встречались на его пути. Один из них стал героем знаменитой картины Перова «Странник» и его рассказа «Под крестом». (Перов был не только выдающимся живописцем — он еще

прекрасно владел пером и писал чудесные рассказы.)

Однажды, рассказывает художник, к нему пришла его давняя знакомая Вера Николаевна Добролюбова. «Ей было около тридцати лет. Среднего роста, худая, бледная, почти всегда больная, ...вечно на диете. Одета всегда во все черное, она походила скорее на монахиню из бедного монастыря, чем на девушку, живущую в мире и притом в весьма зажиточной семье. ...Чтение было ее страстью. ...Не говоря уже о Гоголе, Пушкине, она восторгалась также Гончаровым, Достоевским, кумирами же ее были и впоследствии остались Виктор Гюго и Томас Гуд. ...Кроме чтения в последние годы у Веры Николаевны развилась еще одна страсть — благотворительность. Повсюду отыскивала она бедных, больных и угнетенных, словом, всех тех, которым нужно было утешение, а еще более — помощь». И вот однажды у своих соседей помещиков Вера Николаевна увидела во дворе старика, который колол дрова. Он произвел на нее огромное впечатление. «Он имел такую угнетенную жалкую фигуру, что, глядя на него, у меня болезненно сжалось сердце, — рассказывала Перову Вера Николаевна, — и я тотчас же спросила, что это за несчастный старик? Мне сообщили вот что. Ему восемьдесят четыре года. Он — бывший крепостной сначала какого-то князя, а затем чуть ли не целого десятка господ, к кото-

рым переходил из рук в руки; теперь же, после девятнадцатого февраля, он — свободный человек, но правдивее сказать — брошенный человек или оставленный без крова, без семьи, без родных и знакомых. Ходит он по городу из дома в дом, отыскивая работы. Где наколет и натаскает дров, где принесет воды и выметет двор; за это ему кое-что дают и кормят. Но что дают и чем кормят?! Где же он ночует, — это уж одному Богу известно. Быть может, в поле, на кладбище или где-нибудь под мостом. Так он живет и не ропщет...»

В России к странникам относились не так, как в Западной Европе. Это были не просто нищие, которые искали подаяния. Среди них было много настоящих мудрецов, философов, несущих свое знание и веру, свое понимание жизни соотечественникам. После отмены крепостного права бродяг и странников стало еще больше, чем прежде — крестьяне, потерявшие хозяев, ходили по дорогам России в поисках заработка и крова. Обретя свободу, они не умели ею пользоваться. А кроме свободы у них ведь ничего и не оказалось. Вот и становились они такими странниками — нищими, обездоленными...

Вспомнив, что Перов знаком с Саввой Прохоровичем Щукиным, хозяином благотворительного приюта, Вера Николаевна пришла попросить его походатайствовать перед Щукиным, чтобы тот взял в при-

ют несчастного старика. Перов обещал сделать все, что можно, но, в свою очередь, попросил, чтобы тот на следующий день пришел к нему. И вот старик появился в мастерской художника.

«Старик, стоящий передо мной в моей мастерской, был высокого роста, но уже согнувшийся, как верхняя ветвь высокой ели, когда среди теплой зимы ее облепит пушистый снег. Борода его была не такая белая, как у князя, а скорее серая, напоминающая цвет подержанного серебра, но так же подстриженная; глаза грустные, как бы задернутые черным флером или временем долгого страдания, и на одном из них виднелось большое белое пятно. Вместо плаща на нем красовался широкий с заплатами крестьянский кафтан цвета ржаного хлеба, подпоясанный узким ремнем с медной пряжкой. На ногах, одетых в шерстяные чулки, торчали опорки. Но, несмотря на такой неприглядный костюм, во всей фигуре старика, особенно же в его лице, было что-то, не соответствующее его костюму и положению...Имя старика было Христофор, фамилия же Барский».

Старик был столь живописен, что Перову тут же захотелось запечатлеть его образ на холсте. Барский не отказался позировать. Во время сеанса завязался разговор — Перову было интересно все знать об этом человеке, понять его — ведь только так мог получиться настоящий портрет.

«Когда я стал писать со старика, мы вступили в разговор. Говоря, он часто удушливо кашлял, придерживая грудь ладонью правой руки.

— Вы давно в нашем городе? — спросил я, как бы между прочим.

— Скоро, сударь, два года будет, как я пришел сюда, — ответил он и закашлялся.

Когда кашель унялся, я снова спросил:

— И все время занимаетесь поденной работой?

— Точно так, сударь, почти что все время; только один месяц прожил как-то у одного отставного капитана. Был я у него, сударь, садовником; жить было хорошо, работа была по мне, не особенно трудная; ...да уж очень ругался капитан, самими, что ни на есть, неприличными словами обзывался, так что на старости моих лет ежеминутно слушать его ругань мне показалось и зазорно, да и грешно. Я и ушел от него...

— А чьих господ вы были до освобождения? — продолжал я спрашивать.

— До освобождения... то есть до свободы-то... — проговорил старик медленно и как-то горько улыбнувшись. — До свободы... — шептал он задумчиво, — и потом вдруг, подняв голову и устремив на меня свои грустные глаза, заговорил: — Не так, сударь, изволите спрашивать: «Чьих был господ?» Вам бы следовало спросить, чьих я не был господ?... Многим, сударь, переслужил на своем веку... о-о-ох, как

многим... Начиная от князя Хмурова, у которого до двадцатилетнего возраста был я чтецом, музыкантом, а затем камердинером, и далее — у князя Блудова, у графа Максютова, у генерала Беклешева, а потом у Нащокина, у Попова, Щербатова, Полторацкого и кончая господином Пустоваловым, при котором и получил свободу. Господин Пустовалов ...продал все, что мог продать, а сам уехал за границу, оставив нас без куска и угла, и, уезжая, только сказал на прощанье: «Ну, милые, ступайте теперь к тому, кто даровал вам свободу, — он милосерд, всех вас напоит, накормит, обует и оденет, а я вам, други мои, больше не кормилец». ...Уехал, а мы, спустя день-другой, взяли по котомочке, да и разбрелись мыкать горе в разные стороны».

Растроганный судьбой Барского, Перов обещал попросить Щукина дать ему место в приюте. Старик принялся горячо благодарить художника.

«Ах, милостивый господин, если бы это возможно было вам сделать!.. Если бы Господь милосердный помог этому!.. Может, Савва Прохорович и услышит вашу просьбу и мои мольбы, может, и даст мне по доброте своей угол да кусок хлеба при конце дней моих... Еще поднимаются, сударь, мои старые руки и бродят пока ноги, а ведь страшно, сударь, страшно даже подумать, когда откажутся они, и придется протянуть руку Христа ради... Господи

милосердный, — обращаясь к этюду Христа, говорил старик, — прекрати лучше мои горькие дни!.. — И, закрыв лицо руками, затрясся всем своим старческим телом.

Он плакал... плакал тихо... тяжело».

На следующий же день Перов отправился к Щукину, рассказал про Барского и попросил найти для него место в приюте. Щукин с радостью согласился, только предупредил, что прямо сейчас мест нет, придется подождать пару недель.

Перов передал его слова бедному старику, и обнадеженный Барский был счастлив.

Но прошло больше месяца, а места все не было. Прошло полгода, а старик все оставался без крова. Возмущенный художник решил снова поехать к Щукину, на этот раз вместе с Барским.

И вот они уже стоят в роскошной гостиной Щукина, украшенной картинами и статуэтками, в шкафах блестяла серебряная посуда.

«А! Здравствуй, старик! — подходя вперевалку к Барскому, заговорил Савва Прохорович. — Как же это ты, любезный, до сего времени не в приюте? Я уже собирался к тебе туда с визитом ехать... а ты, натко, кутишь еще на свободе, точно наемный охотник, которого собираются сдавать в солдаты, — говорил Савва Прохорович, смеясь. Барский низко поклонился и закашлялся. Спустя же минуту, тяжело дыша, медленно и хрипло ответил:

— Все еще места, говорят, нет, ваше степенство, Савва Прохорович! До сего времени еще не освободилось ни одного места, вот, какое горе мое. А силы мои все слабеют... не только работать, но и бродить становится тяжело. Чувствую, что жить мне осталось немного. Не допустите, батюшка, благодетель наш, умереть мне, горькому, на улице... как псу у ворот опустелого дома. — И он неожиданно буквально упал к ногам Саввы Прохоровича.

— Встань, встань, старик! — зачастил Щукин. — Встань! Я тебе говорю, встань. Не люблю я, чтобы мне поклонялись. Богу надо поклоняться, а не человеку. ... Умирать тебе, любезный, рано. Еще мы с тобой проживем на славу. Помещу я тебя в приют, а когда ты там поотдохнешь и соберешься с силами, тогда мы выберем тебе старушку помоложе, сосватаем вас, да и женим; и будете вы жить в удовольствии, не выпуская друг друга из объятий. Да, чего доброго, еще, пожалуй, дети пойдут. Не правда ли? — весело смеясь, обратился ко мне Савва Прохорович.

Я молчал. Лакей во фраке улыбался. Барский же, обратясь к Щукину, заговорил снова и еще более хрипло.

— Нет, благодетель, ваше степенство, Савва Прохорович! Не о женитьбе и мирской суете мне думать... мне уж восемьдесят пятый год, а в эти годы непригоже не только говорить, даже и помышлять об этом. Вся забота моя о душе, чтобы не по-

губить ее в муке вечной, да к тому же, милостивый отец мой, ох, как болит мое старое тело, а кости мои так и мозжат и ноют, что, кроме отдыха и покоя, ничего я и не прошу от вас, милостивец, и от господ бога.

— Ну, полно, любезный!.. все так говорят, когда чего-нибудь выпрашивают, — смеясь, продолжал Савва Прохорович. — Там, как обогрешься да раздобреешь, не только забудешь о своих болячках, а еще, пожалуй, развратишь всех моих целомудрых старух и будешь, как турецкий султан, выбирать, которая из них покрасивее, покрепче, помоложе, да поядренее. Ведь правда? — обратился он снова ко мне, довольный, видимо, своей шуткой и хохоча на всю столовую. — Я сейчас напишу письмо, и будь уверен, что завтра же ты будешь в приюте. ...Только смотри, любезный, уговор лучше денег, — старух моих не развращать, а уж если очень будут обуревать тебя страсти, то выбери одну по сердцу и сочтайся с ней законным браком. Я буду посаженным отцом, а вот они, — указал на меня Савва Прохорович, — дружкой, — и он, хохоча, хлопнул меня при этом по плечу.

Лакей уж без церемонии хохотал, а Барский стоял, смотрел в пол и продолжал шевелить губами, как будто шептал молитву, в которой благодарил господ бога, что, наконец, искус его кончился и настал день отдыха и покоя».

Казалось бы, дело было решено, но Барский отказался от благодея-

«Странник»

ний Щукина! Оскорбленный, униженный, вот как он объяснил свое решение Перову:

«Я его молил о помощи, а он надомной стал издеваться. Шел я к нему

с любовью и надеждой, а вышел с тоской и отчаянием. С тоской о том, сударь, что не кончилось еще рабство и, должно быть, никогда не будет ему конца. Семьдесят лет, су-

дарь, надо мной издевались разные господа мои... семьдесят лет в глазах их я был не человеком с разумом и чувством, а какую-то неодушевленную вещью... Многие, многие годы ждали мы себе свободы и, наконец, дождалась ее... Что же я узрел вчера?... Снова нужно вступать в это рабство, нужно гнуть спину и снова видеть и слышать, как издеваются над полумертвым, немощным человеком, которому хотят оказать какую-либо помощь... И прежде чем дадут ее, унизят, оскорбят, истерзают, а затем бросят кусок хлеба... Да еще бросят ли? ...

Передайте господину Щукину, скажите ему, что стар я... конец мой близок и в новое рабство, еще более постыдное, чем то, в котором я находился весь свой век, больше не пойду!.. В том я с детства привык считать себя рабом, рожденным от рабов отца и матери... А здесь нужно добровольно надевать это ярмо и смиренно нести его. Нет! Этому не бывать!.. Меня, умирающего старика, которому не только говорить, даже дышать-то подчас трудно, господин Щукин нашел удобным утешать шутками, да и какими шутками! Так передайте ему, сударь, что Христофор Барский был раб и стал свободным человеком; был добр — и через него, благодетеля, озлобился; был кроток душой, а ныне возгордел и не примет от него никаких богатых и щедрых милостей... Он идет умирать, как та, никуда не годная, хромая и ослепшая рабочая лошадь, у которой умер старый хо-

зяин, — идет умирать в поле, на большую дорогу...»

Закончил свои дни гордый скиталец под крестом, у могилы святого Серафима на монастырском кладбище. Нищий, больной, но гордый, несломленный. Свободный человек, а не покорный раб.

И вот такой человек живет на картине Перова.

Старая, в заплатках, одежда. На ногах — лапти. За спиной — вещевого мешок с жалкими пожитками. Ему не так уж легко стоять, а потому он опирается на посох. Но седая борода подстрижена и ухожена, волосы причесаны. А в глазах — мудрость, спокойствие, понимание жизни, это глаза человека, много перестрадавшего, но не сломленного, не потерявшего чувство собственного достоинства. И пусть его карманы пусты, и пусть он не знает успеха, но он знает, что такое независимость и свобода.

«Странник» был оценен публикой по достоинству. За эту картину, а еще и за «Птицелова» Перову было пожаловано звание профессора Академии художеств.

В 1870 году Перов написал и свой портрет. Ему всего 37 лет, он совсем еще не старик, но что-то неуловимое роднит его с его 85-летним Странником — наверное, это мудрость, принятие жизни, независимость и абсолютная творческая свобода.

А потом были созданные по заказу Третьякова великолепные, глубоко психологические портреты Достоевского, Островского, Тургенева, Аксакова, Майкова, Даля — Перов

пишет не просто лица, он пишет характеры, личности, темпераменты, таланты. Жизни своих героев. Ему всегда были более всего в искусстве интересны люди...

С 1871 года вплоть до смерти Перов преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Василий Григорьевич воспитал целую плеяду замечательных художников — Андрея Рябушкина, Михаила Нестерова, Исаака Левитана, Николая Касаткина. «В Московской школе живописи... все жило Перовым, дышало им, носило отпечаток его мыслей, слов, деяний. За редким исключением мы были преданными, восторженными его учениками», — писал ученик Василия Григорьевича, художник Михаил Нестеров.

В 1884 году на охоте художник сильно простудился. Начался туберкулез. Последние годы его были полны страданиями. Из открытого, общительного, с тонким юмором человека он превратился в больного и капризного нелюдима. «Перов сделался мрачен, подозрителен и недоверчив, раздражителен, разошелся с прежними товарищами и друзьями, вышел вон из «Товарищества передвижных выставок», — писал Стасов. А ведь Перов был одним из основателей Товарищества! Менялись его взгляды на живопись, он уходил от жанра и портрета и пытался писать большие исторические полотна, картины на евангельские сюжеты, которые ему совсем не удавались. Наверное, он все это понимал и сам...

В те его последние годы большим утешением для художника была его вторая жена, Елизавета Егоровна, преданно ухаживавшая за ним и терпеливо сносившая все его капризы и приступы болезни.

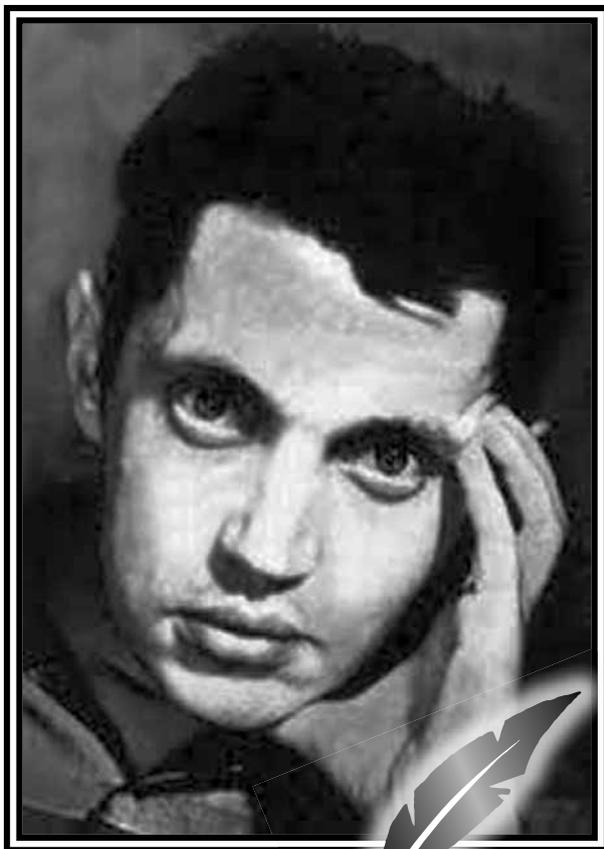
Однажды Перов сказал: «Желающий быть художником должен сделаться полным фанатиком — человеком, живущим и питающимся одним искусством и только искусством». И прежде всего он это сказал о себе. И когда искусство от него ушло, он перестал жить.

Зимой 1882 года состояние Перова ухудшилось. Он кашлял, трудно дышал, задыхался. Слабел. Требовалась поездка за границу, в теплые края, но ни денег, ни сил не было. А потом к чахотке присоединился тиф. «Помогите мне уйти из жизни», — просил он близких, так мучительны были его последние дни. Художник скончался 29 мая (10 июня) 1882 года. Ему не было и 49 лет! Похоронили Перова на кладбище в московском Даниловом монастыре. «Перова больше нет среди нас. Осталось его искусство, а в нем — его большое сердце», — писал один из его самых любимых учеников Михаил Нестеров.

Вот почему его работы, в которых столько сострадания, боли, души, до сих пор живы и трогают душу так же, как и раньше, в те годы, когда они только появлялись на выставках, и потому его «Странник» уже многие годы говорит с нами, показывая пример настоящей духовной и творческой свободы. □

Евгения Гордиенко

Жил я впервые на этой земле...

В плеяде поэтов-шестидесятников имя нашего сегодняшнего героя стоит особняком. По нескольким причинам: прежде всего, потому, что он в отличие от большинства творческих людей не стремился к славе в смысле известности, и старался заполучить звания и награды. Во-вторых, его лирика не была площадной, что в шестидесятые очень популяризировалось. Скорее, это были лиричные стихотворения, больше подходившие для камерного исполнения, становившиеся текстами песен. Ну и, наконец, вокруг Роберта Рождественского никогда не было ореола скандала — ни политического, ни любовно-семейного. Он был глубоко порядочным человеком со всех точек зрения, и этим, конечно, отличался от очень многих своих современников.

Родился Роберт Петкевич (фамилия родного отца поэта) 20 июня 1932 года в деревне Косиха Западно-Сибирского края — теперь это Алтайский край. Его отец Станислав Петкевич, поляк по происхождению, служил в НКВД, а мать — Вера Федорова — сначала была учительницей в сельской школе, а затем стала ее директором. Свое имя, нетипичное для сибирской деревни, Петкевич-младший получил в честь революционера Роберта Эйхе.

Когда Роберту было два года, семья переехала в Омск, где Вера Павловна поступила в Омский медицинский институт. Еще через несколько лет родители развелись, а затем началась война, куда они оба отправились: отец — командиром саперного батальона, а мать — военным врачом. Девятилетний ребенок остался с бабушкой Надеждой Федоровой. Тогда же, в 1941 году, он написал свое первое произведение «С винтовкой мой папа уходит в поход...» Стихотворение

было опубликовано в газете «Омская правда».

Позднее в автобиографии, озаглавленной «Неправда, что время уходит», Рождественский вспоминал: «Я написал тогда стихи, в которых, — помню, — последними словами ругал фашистов и давал самую торжественную клятву поскорее вырасти. Стихи были неожиданно напечатаны в областной газете (их туда отвез наш воспитатель). Свой первый гонорар (что-то около тринадцати рублей) я торжественно принес первого сентября в школу и отдал в фонд Оборона. (Наверное, это тоже повлияло на благоприят-

из Роберта Станиславовича Петкевича будущий поэт стал Робертом Ивановичем Рождественским. Под этим именем он и прославился.

По роду службы отчима семья часто переезжала, они жили в Кенигсберге, Каунасе, Таганроге, Петрозаводске и Ленинграде. Роберт сменил множество школ, но везде находил себе увлечения. Главным из них была литература: еще в школе Рождественский решил, что хочет стать поэтом и поступить в Литературный институт имени А.М. Горького в Москве. Первые стихи (за исключением «Омской правды») стали выходить в конце 1940-х годов в петрозавод-

Еще в самом начале учебы в Литературном институте стихи Роберта Рождественского начали печатать в крупных газетах, а через три года он издал свою первую книгу под названием «Флаги весны». В Литинституте с ним вместе учились будущие звезды шестидесятичной плеяды поэтов: Евгений Евтушенко, Булат Окуджава, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина

ный исход войны). Клятву насчет вырасти выполнить было довольно сложно. Вырасталось медленно».

В 1943 году бабушка, с которой жил Роберт, умерла, и до конца войны он жил в детском доме, как и многие дети того времени. В феврале 1945-го в боях в Латвии погиб отец. Когда война закончилась, Вера Федорова забрала сына из детского дома, а вскоре вышла замуж за однополчанина, офицера Ивана Рождественского. Отчим усыновил Роберта и дал свою фамилию. Так

ском журнале «На рубеже». Тогда семья жила в столице Карелии.

В 1950 году, окончив школу, Роберт отправился в Москву — поступать в Литературный институт. Но первая попытка оказалась провальной: те несколько стихотворений, которые он привез для показа приемной комиссии, не вызвали восторга и получили крайне невысокие оценки.

В автобиографии Рождественский впоследствии писал: «Отказали. Причина: «творческая несосто-

тельность». Между прочим, правильно сделали. Недавно я смог посмотреть эти стихи в архивах Литинститута. Ужас! Тихий ужас!»

Прежде чем снова поступать, Роберт проучился год на историко-филологическом факультете петрозаводского университета. Попутно много времени посвящал спорту. Сам он вспоминал об этом периоде своей жизни так: «Решил махнуть рукой на поэзию. Поступил учиться в университет города Петрозаводска. Почти с головой ушел в спорт.

Став настоящими друзьями, они много ездили по Советскому Союзу. Однажды Рождественскому даже удалось побывать на Северном полюсе, на советской дрейфующей станции, расположенной прямо на льдинах. Благодаря этой поездке родилась книга стихов «Дрейфующий проспект».

С 1952 года, уже в самом начале учебы, стихотворения Роберта Рождественского начали печатать в крупных газетах, а через три года он издал первую книгу под названи-

О семье Рождественского можно сказать много и мало одновременно. Всю жизнь он любил одну женщину — Аллу Кирееву, с которой познакомился в Литературном институте. Она была литературным критиком, и именно ей было посвящено большинство лирических стихотворений Рождественского. Она вспоминала: «Вот, мы учились на одном курсе, а потом, в один прекрасный день, что-то случилось. Сразу и на всю жизнь». Поэму «Ожидание» (Монолог женщине) Рождественский посвятил именно своей жене

«Достукался» до первых разрядов по волейболу и баскетболу. Ездил на всяческие соревнования, полностью ощутил азарт и накал спортивной борьбы. Это мне нравилось. И казалось, что все идет прекрасно, но... Махнуть рукой на стихи не удалось».

На следующий год Роберт, наконец, смог стать студентом Литературного института. Вместе с ним учились будущие звезды шестидесятилетней плеяды поэтов: Евгений Евтушенко, Булат Окуджава, Андрей Вознесенский, Белла Ахма-

ем «Флаги весны». Тогда же произошло знакомство поэта со студентом консерватории Александром Флярковским. Тот написал музыку на стихи Рождественского, и появилась первая песня поэта — «Твое окно».

Несмотря на обилие публикаций и общий успех, Рождественский уже тогда стремился к чему-то большему. Он писал в автобиографии: «А еще я очень хочу написать настоящие стихи. Главные. Те, о которых думаю все время. Я постараюсь их написать. Если не смогу — будет

очень обидно». Словно все написанное ранее было лишь подготовкой — к чему-то главному и большому.

Но поэты и обычные люди по-разному смотрят на великое и большое. После выхода фильма Эдмона Кеосаяна «Неуловимые мстители», к которому Рождественский вместе с композитором Борисом Мокроусовым написал песни «Бьют свинцовые ливни», «Выглянул месяц...», слава этих песен стала всенародной, потому что фильм посмотрело 54 миллиона человек. Рождественский написал и стихи для песен из продолжения трилогии — «Новые приключения неуловимых» и «Корона Российской империи, или Снова неуловимые».

Работал он также для эстрадных исполнителей, и большинство этих произведений стали настоящими народными хитами: «Мои года» Вахтанга Кикабидзе, «Вся жизнь впереди» в исполнении ВИА «Самоцветы», «Эхо любви» Анны Герман и Льва Лещенко.

В 1962 году вышла поэма «Реквием», посвященная прошедшей войне и ее участникам. В посвящении Рождественский написал: «Памяти наших отцов и старших братьев, памяти вечно молодых солдат и офицеров Советской Армии, павших на фронтах Великой Отечественной войны». В поэме он призывает никогда не забывать о войне и ее героях, в том числе простых солдатах:

Помните!

Через века,

через года, —

помните!

О тех,

кто уже не придет

никогда, —

помните!

Этой поэмой Рождественский дорожил, потому что вдохновением для ее создания послужило фото, стоявшее на его рабочем столе. На нем изображены 6 молодых братьев матери, пятеро из которых погибли на войне. Никого из них Роберт не помнил. Он писал: «Кем бы они стали? Инженерами? Моряками? Поэтами? Не знаю. Они успели только стать солдатами. И погибнуть. Я писал и для этих шестерых. Писал и чувствовал свой долг перед ними. И еще что-то: может быть, вину. Хотя, конечно, виноваты мы только в том, что поздно родились и не успели участвовать в войне. А значит, должны жить. Должны. За себя и за них».

К 1970-м годам Роберт Рождественский был одним из самых популярных поэтов в стране. И не только поэтом, автором текстов к песням, но и телеведущим: он вел программу «Документальный экран», рассказывая о документальных фильмах и перемежая их своими стихами. Его узнавали на улицах, поклонники писали ему огромное количество писем.

В силу природной скромности Роберту Ивановичу часто казалось, что все это — ошибка, что он не заслуживает такой популярности, такого успеха. «Мне кажется, я взял чужой билет», — писал он.

Екатерина Маркова

Спасительная ладошка

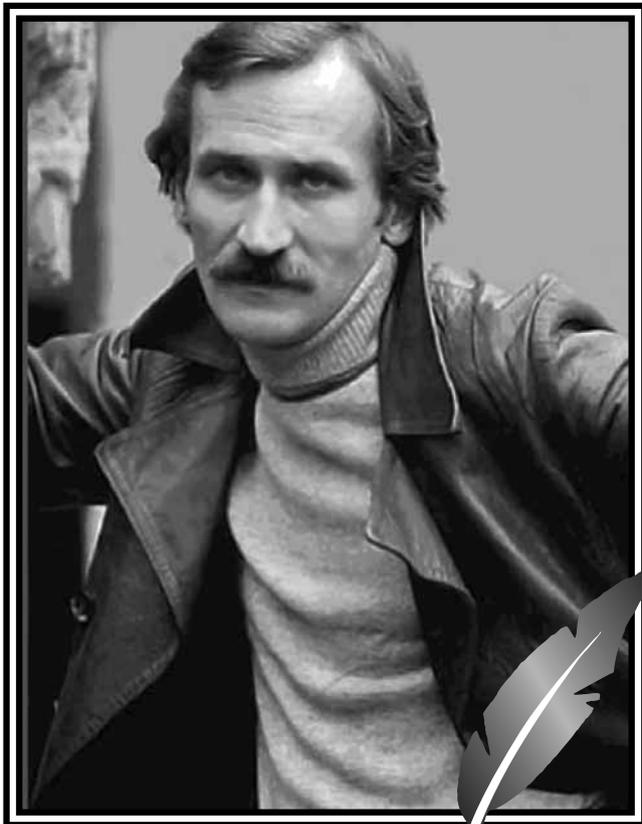

Фото из личного архива

Но воистину все тайное рано или поздно становится явным. И раскрытая тайна явила уникального драматурга, владеющего многими языками и потому создавшего пьесы на немецком, испанском, итальянском, португальском... Имя его было **Леонид Филатов.**

Он уже был абсолютной звездой кино и театра, когда мы столкнулись на проходной «Мосфильма». Кинулись обниматься, целоваться, приговаривая, что за жизнь такая, что в одном городе можно годами не встречаться, что раскидало всех однокурсников кого куда, но ведь мы-то, московские, могли бы и почаще общаться, а только так и видимся — по случаю.

Плюхнулись на скамейку возле проходной, хотя оба признались в том, что опаздываем безбожно... И просидели час с лишним, забыв обо всем на свете. Перебивая друг друга, вспоминали нашу «Щуку» и бесшабашную студенческую жизнь.

— Нет, теперь-то ты вон какой стал! — Я с удовольствием оглядела его голубой джинсовый костюм и роскошные фирменные кроссовки.

— Хочешь сказать, что тогда, в те времена, я был...

Я согласно закивала. Вот именно, в те времена теперешняя звезда Лёня Филатов был...

— Да, Ленечка, был, это еще мягко выражаясь, совсем задрипанным.

И действительно, вечно с патлатой головой, в неухоженных, не чищенных со дня их рождения стоптанных ботинках, худющий, всегда голодный, прикуривающий одну сигарету от другой... Вспомнила, как главная наша кормилица тетя Лёна в студенческой столовке, просматривая списки должников, сказала мне строго:

— Филатову передай, что больше ничего из еды не получит. Задолжал, наверное, месяца за два.

Я просмотрела содержимое своего кошелька и шепотом попросила:

— Теть Лёна, я вам сейчас за него отдам денежки, только вы Лёньке не говорите. Или скажите, что кто-то заплатил, а кто — вы и не помните.

— А ты откуда такая богатая? — неодобрительно зашипела тетя Лёна. А потом добавила: — А-а, да, ты же писательская дочка. Как же, как же...

— Совсем не это, — обиделась я, — просто я повышенную стипендию получаю за то, что пятерочница.

— Ладно. Сейчас посчитаю, пятерочница. Думаешь, мне его не жалко? Зеленый аж от голода да недосыпу. Да смолит еще как бешеный. Да песни с Качаном в общежитии, говорят, сочиняют ночи напролет.

А потом... Мы репетировали дипломный спектакль «Снежная королева». Третий акт. Я играла Герду, Филатов — одного из разбойников из свиты Атаманши. Режиссер-педагог спектакля Альберт Григорьевич Буров придумал очень болезненную для меня мизансцену. Разбойники обкручивали вокруг моей талии грубую длинную веревку и с двух сторон тащили в разные стороны.

Лёнька и еще двое разбойников стояли за моей спиной и по заданию режиссера радостно ржали — для них эта пытка была милым развлечением. Когда первый раз меня потянули веревкой с двух сторон, я заорала от боли — веревка вонзалась в позвоночник, и терпеть было невозможно. Но режиссеру эта идея нравилась, а я терпела — чем только не пожертвуешь ради искусства. Сказал ведь великий Станиславский: «Священнодействуй или убирайся вон».

Когда проходили сцену второй раз, и меня потянули в разные стороны, я вдруг почувствовала, как чья-то мягкая ладошка втиснулась между моими позвонками и веревкой. Я оглянулась и увидела улыбающегося Филатова.

— Уже не так больно? — прошептал он. — Закрепили.

Так и повелось. Я, конечно, все равно орала от боли, но Лёнькина ладошка помогала не только мне, но и моей Герде почувствовать надежду на спасение, понять, что даже среди разбойников живет милосердие.

Но когда мы играли спектакль после моего «выступления» в столовке, я орала уже от настоящей нестерпимой боли. Ленкина ладошка отказала мне в помощи. Улучив момент, прямо на сцене я поймала его насупленный взгляд и глазами спросила: «Почему?» Он отвел глаза, но за кулисами прошептал мне на ухо: «В благотворительности не нуждаюсь. Я все-таки мужик, хоть и нищий. Если бы счел нужным, сам попросил бы взаймы. А так...»

Я горячо зашептала в ответ: «Дурак! Станешь знаменитым — вернешь. А то, что станешь, — факт». И обняла его за худющую шею: «Прости, ради бога, если обидела. Мне так нужна твоя ладошка...»

Ленька засмеялся, опрокинувшись в воспоминания о столовском списке должников и спасительной ладошке, и демонстративно полез в карман за бумажником.

— Пожалуйста, в валюте, — заметила я и тут же, задохнувшись от смеха, простонала: — Лень, а помнишь? Альфред Мюллер, Антонио... Как его? Не Спагетти, но что-то похожее... Хулио дэль Фуэнто...

— Антонио Тинаретти, — припомнил Леня.

И снова мы вернулись в нашу Щуку на второй год обучения, когда нам полагалось сделать к экзамену по мастерству актера самостоятельные отрывки. Можно было выбирать любую драматургию, любого автора, какую угодно прозу. Мы с Сашей Кайдановским делали «Иванова» Чехова. Яник Арлазоров предложил мне сыграть «Трень-брень» Радия Погодина. А моя подруга Ира Короткова репетировала с Филатовым отрывок из пьесы Альфреда Мюллера.

Мы совсем не знали этого автора, но Леня оказался просто неисчерпаемым источником находок в зарубежной драматургии и щедро делился пьесами с нашими сокурсниками. На экзамене кафедра по мастерству актера была просто ошарашена изобилием новых имен в немецкой, итальянской, испанской драматургии. Наши педагоги поражались появлению новых интереснейших авторов и были весьма удручены тем, что никогда не слышали о них ранее.

Но воистину все тайное рано или поздно становится явным. И раскрытая тайна явила уникального драматурга, владеющего многими языками и потому создавшего пьесы на немецком, испанском, итальянском, португальском... Имя его было Леонид Филатов. Тогда же в «Комсомольской правде» было напечатано его стихотворение. Мы скупили, наверное, весь тираж газеты, потому что очень этим гордились.

И тогда, глядя на уплывающую в облаке табачного дыма его смеющуюся физиономию, я думала о том, как же одарен наш Леня. А он уже делился своими планами начать снимать на телевидении передачи, посвященные ушедшим из жизни актерам, режиссерам и вообще людям искусства.

— Только как назвать, еще не решил, — задумчиво произнес он. — Давай подключайся — может, всплывет какое-нибудь название?

Где-то через неделю он позвонил мне и радостно сообщил, что, на его взгляд, нашлось хорошее название. «Чтобы помнили...» Он тогда уже работал в «Современнике», пригласил послушать его пьесу про Федота-стрельца...

А потом, спустя несколько лет, мы столкнулись в аэропорту Шереметьево. Я куда-то улетала, он тоже летел на съемки. Снова обнимались, целовались, сетовали, что жизнь заматывает и повидаться как следует не дает... Его провожала жена — очаровательная Нина Шацкая. К тому времени они давно были вместе, но Ленька смотрел на нее такими влюбленными сияющими глазами, что можно было подумать — только-только познакомились, и он никак наглядеться не может, и расстаться, хоть и совсем ненадолго, никак не получается.

— Ну, ты даешь! — заметила я, когда мы оказались по другую сторону от паспортного контроля. — Влюблен, как гимназист!

Ленька согласно закивал, и на лице опять возникла та блаженная улыбка, которая поразила меня при его расставании с Ниной.

Он тогда уже был сильно болен. Я знала про это. Когда он, извинившись, убежал покурить и вернулся бледный и подкашливающий, я укоризненно покачала головой.

Он понимающе улыбнулся и нехотя проговорил:

— Да знаю, знаю... С другой стороны, все это уже неважно...

У меня болезненно сжалось сердце, а Леня усадил меня в кресло, сам сел рядом и заговорил. Я слушала его и поражалась. Он был мудр, как седовласый старец. Он говорил о больном и тревожном с такой глубиной и выстраданным покоем, с таким глобальным пониманием жизни и снисходительной добротой ко всему существу, что я невольно подумала: сейчас со мной рядом уже как бы третье воплощение Лени Филатова.

Первый явил себя бесшабашным, голодным, нищим, неприбранным и безмерно одаренным студентом Щуки, второй — знаменитым актером Театра на Таганке, любимым киногероем и автором популярных пьес, поэм, песен. И вот оно — его третье явление — как оказалось, последнее... Явление человека, выросшего в полный рост, человека сбывшейся души, как у мудрого и прозорливого старца. Он словно вступил в новое отношение с миром: рядом с ним прежде казавшееся значительным оборачивалось мелким, не выдерживая сравнения...

После его ухода сошло на нет его любимое детище — грандиозный телепроект «Чтобы помнили...» Это несправедливо! □

Алла Зубкова

ГОСПОДИН СОЧИНИТЕЛЬ

J. B. Poquelin Molière .f.

Мольера справедливо называют королем французской драматургии, отцом европейской комедии нового времени. Но жизнь его не была легкой — как на пути к успеху, к которому он шел десятилетия, так и на самом пике славы. Многочисленные враги смогли оклеветать Мольера даже после его смерти...

Будущий великий драматург и актер появился на свет в Париже 15 января 1622 года в семье потомственно-

го обойщика Жана Поклена, человека уважаемого и весьма состоятельного. Мать Жана-Батиста — Мари

Крессе — также происходила из семейства, занимающегося изготовлением и продажей обивочных тканей, украшавших стены домов аристократов. Впрочем, среди предков драматурга по материнской линии были и люди искусства — профессиональные музыканты, но они, скорее, составляли исключение в длинном ряду почтенных буржуа.

Жан-Батист удивлял родителей живостью ума и нрава, но уделять сыну много времени мать не могла: за семь лет она родила шестерых детей.

Мальчик рос сам по себе — в отцовской лавке, на близлежащих улицах, наблюдая за жизнью торговцев. В школе, где обучали азам грамоты и арифметики, он проявлял недюжинные способности, но гораздо больше, чем учеба, Жана-Батиста привлекали совместные прогулки по Парижу с дедом, отцом матери.

Деду нравился театр. Они вместе смотрели выступления бродячих комедиантов (называвшиеся фарсом), часами простаивали на представлениях кукольников, выступавших с марионетками. Иногда старый Крессе и Жан-Батист посещали «Бургундский отель», где играла королевская труппа актеров. Это было особое, ни с чем не сравнимое удовольствие.

В 1632 году в дом Покленов пришла беда. Изнуренная частыми беременностями, Мари умерла. На руках у Жана остались четверо сирот (двоих детей семья к этому вре-

мени уже потеряла). Меньше чем через год Поклен снова вступил в брак (причем к Жану-Батисту мачеха относилась очень хорошо).

Вскоре в жизни подростка произошла еще одна важная перемена: в 1635 году его послали учиться в знаменитый Клермонский колледж, к отцам-иезуитам. Студентам там читали курсы истории, древней литературы, юриспруденции, химии, физики, богословия и философии. Преподавались также фехтование и танцы. Латинский язык в Клермоне был основным, студентам вменялось в обязанности говорить на нем даже во время перемен.

В свободные от учебы часы Жан-Батист по-прежнему ходил в театры — правда, уже не в компании деда, а с приятелями — клермонцами, среди которых был и ставший впоследствии знаменитым как поэт молодой гасконец Сирано де Бержерак — отчаянный донжуан, гуляка и дуэлянт.

К концу своего пятилетнего пребывания в Клермоне Жан-Батист стал посещать не только партер, но и кулисы театра. Именно там он познакомился с женщиной, которая в скором времени оказала огромное влияние на выбор его жизненного пути.

Рыжеволосая красавица Мадлена Бежар была на четыре года старше Жана-Батиста. Она обладала умом, тонким вкусом, в том числе и литературным — сама сочиняла стихи, принимала участие в любительских спектаклях и имела немалый

успех в амплуа трагической актрисы. У нее было много поклонников, в том числе людей влиятельных. Так, например, Мадлена не скрывала свою связь с графом де Моденом — приближенным принца Гастона Орлеанского, брата короля Людовика XIII. От него у Бежар родилась дочь, получившая имя Франсуаза.

Мольер уже знал, что не будет заниматься семейным делом, но, чтобы не огорчать отца, после окончания Клермонского колледжа он принес клятву на верность королевской гильдии обойщиков. И тут же, стара-

за, который официально восстанавливал их в правах, так как до этого актеры считались изгоями общества. Его высокопреосвященство и сам был не чужд сочинительству. Правда, написанная Ришелье трагедия «Мирам» провалилась с большим треском.

Ссылка на кардинала не очень убедила старшего Поклена; к тому же ему было известно, что указ короля, защищавший актеров, не соблюдался. Но объяснить это двадцатилетнему сыну так и не удалось. Отец выдал ему шестьсот ливров (небольшую

Жан-Батист был счастлив: в доме Бежаров был, наконец, заключен торжественный договор о создании театра, который участники проекта без излишней скромности назвали «Блистательный». Основателями театра стали десять молодых людей, отличавшихся фанатичной любовью к делу и преданностью своему молодому директору. К тому времени Жан-Батист стал называться мэтром Мольером

ясь забыть о торговле, начал изучать право, хотя становиться адвокатом или нотариусом не собирался.

Тесное общение с Мадленой и ее семьей, увлеченной искусством, принесло свои плоды: Жан-Батист мечтал только о театральной карьере. Старший Поклен был в отчаянии, но переубедить сына не мог. Тот ссылался на великого кардинала: мол, сам Ришелье любит театр и покровительствует актерам. В 1641 году кардинал добился от Людовика XIII ука-

часть из причитавшегося материнского наследства) и объявил, что больше никак не участвует в жизни сына.

А Жан-Батист, несмотря ни на что, был счастлив: в 1643 году в доме Бежаров был заключен торжественный договор о создании театра, который участники проекта без излишней скромности назвали «Блистательный».

Основателями «Блистательного» стали десять молодых людей, в большинстве своем не имевших про-

фессионального опыта, но компенсировавших этот недостаток фанатичной любовью к делу и преданностью своему молодому директору.

Впрочем, сам Жан-Батист Поклен с момента основания театра перестал существовать — вместо него появился мэтр Жан-Батист Мольер. Откуда юный руководитель труппы позаимствовал этот псевдоним, так и осталось неизвестным.

Новая труппа была своего рода маленькой республикой. Решения принимались большинством голосов, и только Мадлена имела право сама выбирать роли. В этом товариществе и доходы, и траты были общими. Помещение отыскал Мольер. Это был огромный зал Метайе у Нельских ворот (или, как его называли, «Зал для игры в мяч»). Но его следовало перестроить, и Мадлена с Мольером отдали на ремонт помещения все свои деньги.

1 января 1644 года «Блистательный» раскрыл свои двери. Увы, публику ожидали напрасно. В зале сидели лишь близкие родственники актеров да немногие приглашенные. В первый же день своего существования «Блистательный театр» блистательно провалился...

По просьбе Мадлены ее бывший возлюбленный, граф де Моден, убедил герцога Орлеанского взять актеров под свое покровительство. Первыми плодами этого договора были костюмы из гардероба самого герцога, подаренные мольеровской труппе. Дарить артистам костюмы в

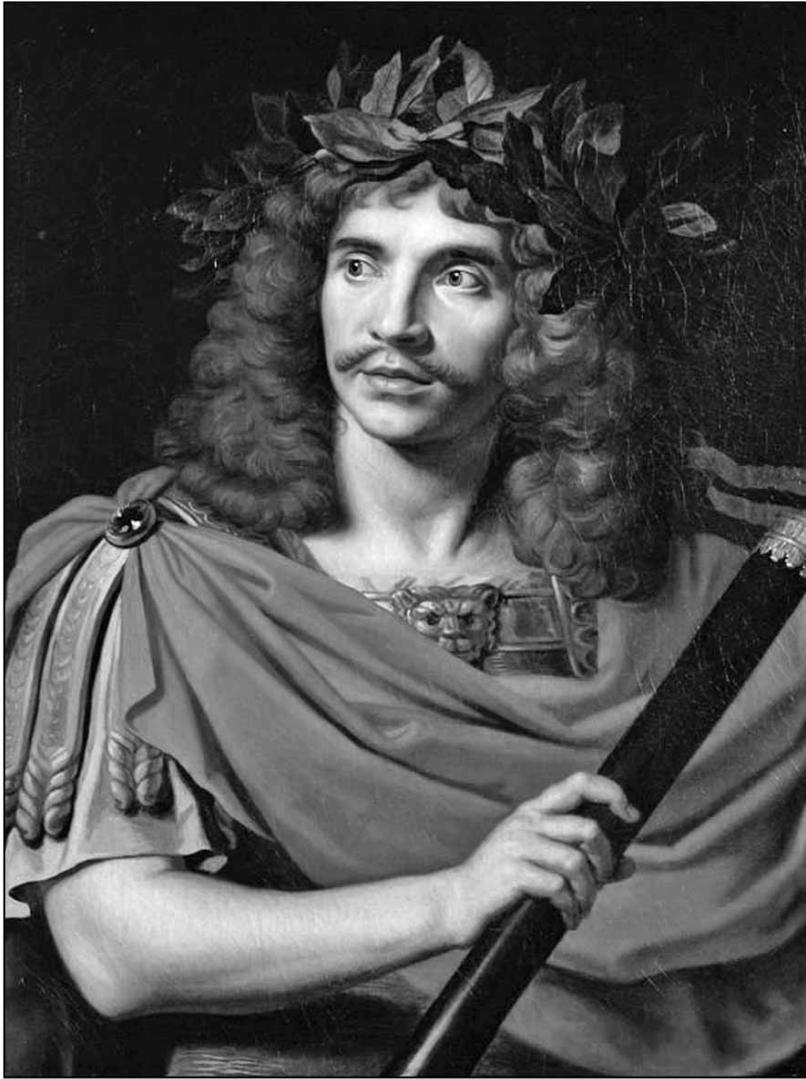
знак расположения было в то время в порядке вещей, и принимать их не считалось унижительным. Но, увы, ничто не могло спасти «Блистательный»: ни имя герцога, ни прекрасная игра Мадлены, ни старания юных энтузиастов, ни усилия директора. Увы, «Блистательный» полностью

Мадлена Бежар

прогорел, зал был пуст так же, как и его касса. И в один печальный день директора театра отвели в долговую тюрьму как злостного неплательщика. Это было сделано по требованию одного из самых нетерпеливых кредиторов Мольера.

На помощь непутевому сыну пришел Поклен-старший, уплативший

Портрет Мольера кисти Никола Миньяра

все долги труппы. Но это не помогло — «Блистательный» все равно перестал существовать. Лишь позднее Мольеру стали ясны причины неудачи. Вопреки своему названию, театр оказался отнюдь не блистательным, а очень слабым: не было хорошего репертуара, играли пьесы своих же друзей, часто откровенно плохие. В театре была лишь одна хорошая актриса — Мадлена. Сам же директор, не догадывавшийся о своем комическом даровании, крайне неудачно играл роли трагических героев, да при этом еще и заикался. Однако воля у него была железная, а преданность театру поистине беспредельной. Что же, если Париж не готов признать талант его и товарищей,

то ведь есть еще и провинция, где, быть может, повезет больше ...

И хмурым декабрьским утром 1645 года большой фургон на тяжелых деревянных колесах без рессор, запряженный парой ленивых кляч, выехал из Парижа. Тогда труппа господина Мольера еще не знала, что ей предстоит странствовать по дорогам Франции тринадцать лет.

Это были нелегкие годы. Порой приходилось спать на сеновалах, а играть в деревенских сараях, повесив вместо занавеса какие-то грязные тряпки. Иногда, впрочем, попадали они и в богатые замки, где играли в покоях аристократов. Годы эти сплотили труппу, а Мольеру она стала настоящей семьей. Вот почему тогда и позднее на стольких свадьбах он будет свидетелем, на стольких крестинах — крестным отцом, вот почему он будет так заботливо воспитывать сирот труппы, выводить их в люди!

В странствиях Мольер возмужал и закалился. Кроме того, ока-

залось, что он чувствует склонность не только к игре на сцене, но и к написанию пьес. Несмотря на тяжелую работу днем, Мольер начал по ночам сочинять пьесы для своей труппы. Причем писал он веселые, бесшабашные, порой не очень пристойные фарсы, которые нравились и труппе, и зрителям. Так появились первые одноактные комедии Мольера: «Ревность Барбулье», «Летающий доктор» и многие другие.

Поначалу автора удивляло, что наибольшим успехом у публики в его фарсах стал пользоваться он сам,

у Мадлены появились серьезные поводы для ревности, особенно после того, как к труппе присоединились две молодые, талантливые и очень красивые актрисы: Тереза — маркиза Дюпарк, и Екатерина Дебри. И если роман с Терезой закончился у Мольера неудачей, то Екатерина долгое время была его близкой подругой.

Мадлена научилась закрывать глаза на такие вещи. Она верила в гений Мольера и была так мудра и добра, что продолжала с полным самоотречением следовать за ним. Ради молодого драматурга эта за-

Х мурым декабрьским утром большой фургон, запряженный парой ленивых кляч, выехал из Парижа. Тогда труппа господина Мольера еще не знала, что ей предстоит странствовать по дорогам Франции целых тринадцать лет. Это были нелегкие годы, но они сплотили труппу, которая стала для Мольера настоящей семьей

игравший смешные роли простаков и обманутых мужей. Со временем все лучше стала играть и вся труппа Мольера, а вместе с мастерством возрастал и успех театра. В Лионе даже был случай, когда в огромной очереди в кассу театра в давке поругались и затем подрались на дуэли два дворянина...

Следует заметить, что при всех своих достоинствах Жан-Батист не был образцом добродетели и постоянства. Нравы в актерской среде царили весьма свободные. Со временем

мечательная женщина пожертвовала своим талантом трагической актрисы и перешла на вторые роли в комедии — потому что это был жанр, в котором мог блистать Мольер.

Осенью 1658 года тридцатишестилетний Мольер, обогащенный наблюдениями и опытом, вернулся в Париж. Друзья и обстоятельства помогли ему получить покровительство принца Филиппа Орлеанского, брата молодого короля Людовика XIV, и уже в конце октября труппа дебютирова-

ла в Гвардейском зале Лувра в присутствии короля и всего двора.

В тот вечер Мольер поставил на карту свое будущее. Если король будет аплодировать, судьба труппы обеспечена. Если же спектакль не понравится монарху, возможно, при-

дется возвращаться в провинцию, и, скорее всего — навсегда. Обычай двора требовали, чтобы ставилась трагедия. Увы, пьеса «Никомеда» Корнеля, которую подготовили артисты для королевского спектакля, имела у публики весьма умеренный успех. И тут Мольер решился на отчаянный шаг: выйдя на сцену, он почтительно попросил у его величества разрешения представить «забавную сценку, которую они привезли из провинции». Король милостиво согласился, а уже через несколько минут весь зал хохотал над довольно грубоватым фарсом «Влюбленный доктор».

Совершенно покоренный, Людовик поздравил Мольера и предоставил в его распоряжение зал Пти-Бурбон, примыкающий к Лувру. Именно там 18 ноября 1659 года состоялась премьера новой комедии Мольера «Смешные жеманницы» — событие поистине знаковое для французского театра и литературы. Пьеса имела ошеломляющий успех. Хлопали бесшумно, а смеялись так, что в зале гасли свечи.

Однако, высмеивая ложное благочестие, псевдоученость и фальшивое человеколюбие, Мольер вызвал немалое раздражение тех, кто являлся носителем этих качеств. Нападки на него еще более усилились после постановки новой пьесы «Сганарель, или Мнимый рогоносец». Вскоре недоброжелатели драматурга перешли к решительным действиям. Используя свои связи при дворе, они до-

*Мольер в роли Арнольфа
в пьесе «Школа жен»*

бились от де Ратабона (смотрителя королевских зданий) решения снести театр, в котором давала представление труппа Мольера. Вызвано это было якобы необходимостью расширения дворцовых помещений Лувра.

Но за Мольера вступился сам король. Он отдал труппе огромный зал во дворце Пале-Рояль, где когда-то кардинал Ришелье пробовал создать свой театр. Ну а преемник Ришелье кардинал Мазарини преподнес труппе три тысячи ливров на покрытие расходов по ремонту здания. Великолепный зал вмещал около полутора тысяч зрителей. Особо привилегированная публика размещалась прямо на сцене, по обеим ее сторонам.

В июне 1661 года в Пале-Рояль была представлена зрителям новая комедия Мольера «Школа мужей». В этой пьесе впервые на сцене появилась очень молодая, грациозная актриса Арманда Бежар, младшая сестра Мадлены, которая еще ребенком присутствовала при создании «Блистательного театра».

Арманда родилась в январе 1642 года, а когда ее отец умер, Мольер помогал Мадлене воспитывать девочку. Теперь же он мечтал назвать ее своей женой. Смущала его лишь разница в возрасте. Ему — сорок (по тем временам возраст весьма почтенный), ей — едва исполнилось двадцать. Выходило, что он, так безжалостно насмеявшийся над стариками, волочащимися за молоденькими девушками, сам попал в эту ловушку!

Но Мольер гнал от себя все сомнения. 20 февраля 1662 года состоялось торжественное бракосочетание Жана-Батиста Поклена и Арманды-Грезинды Бежар. Мадлена стойко перенесла это событие и вместе с другими свидетелями подписала брачный договор.

Арманда Бежар

Однако недоброжелатели, которых было много, воспользовались ситуацией и стали распространять по Парижу слухи о том, что Арманда вовсе не сестра Мадлены, а ее дочь, и что отцом ее является сам Мольер. Показательно, что Людовик XIV, получивший такой донос на Мольера, не только не лишил драматурга своего покровительства, но и согласился стать крестным отцом его стар-

шего сына. Вряд ли король пошел на такой шаг, если бы было малейшее сомнение в происхождении Арманды.

Тем не менее, особенно широко рассказы о «грехах» Мольера стали распространяться уже после его смерти. В 1688 году появились анонимные записки «Знаменитая комедия». Именно эта книга, переиздававшаяся много раз, создала отрицательный образ Мольера для потомков. Ложь, многократно повторенная, а затем поддержанная до-

Людовика XIV, маркизу де ла Фейяду, показалось, что в этом комичном персонаже изобразили его. Через несколько дней после премьеры, встретив Мольера, он бросился к нему с объятьями и, прижав его к груди, остро остроконечными бриллиантовыми пуговицами на своем камзоле в кровь расцарапал драматургу лицо...

В ноябре 1664 года умер маленький сын Мольера — Луи. Отношения с женой не ладилась. В их богатом доме на улице Сен-Тома-дю-Лувр было холодно и неудобно. Арманда

Король выразил желание, чтобы труппа Мольера находилась под его прямым покровительством. Соответственно, возрастало материальное благополучие актеров, повышался и их социальный статус. Однако даже сам Людовик не в силах был защитить своего драматурга от нападков тех, кто считал Мольера еретиком и безбожником, посягающим на главные устои общества

статочно серьезными людьми, стала похожа на правду ...

В январе 1664 года в жизни Мольера произошло радостное событие: у него родился сын, которому дали имя Луи.

Пьесы Жана-Батиста по-прежнему пользовались огромным успехом, впрочем, иногда этот успех имел и обратную сторону. Например, в пьесе «Критика на «Школу жен», Мольер вывел персонажа — некоего глуповатого маркиза. Одному из придворных

испытывала уважение к своему мужу, восхищалась его театральным и поэтическим талантом, но этот немолодой уже человек стал ей физически неприятен, даже противен. Ей хотелось веселья, шумного общества нарядных, беспечных, как и она сама, людей.

Мольера подобные собрания не привлекали. Его все больше мучили острые боли в желудке. Кроме того, появились и приступы кашля. В начале 1665 года у супружеской пары родилась дочь — Эспри-Мадлен.

Вскоре король выразил желание, чтобы труппа Мольера находилась под его прямым покровительством. Соответственно, возросло материальное благополучие актеров, повышался и их социальный статус. Однако порой даже сам Людовик не в силах был защитить своего драматурга от нападков тех, кто считал его еретиком и безбожником, посягающим на главные устои общества.

В мае 1664 года Мольер представил королю и двору три акта еще не законченной пьесы «Тартюф». В этой комедии был изображен лгун, мошенник, лицемер и развратник. И вот этот персонаж, явно опасный для окружающих, был ни кем иным, как... служителем церкви. Против Мольера ополчилось так называемое «Братство святых даров», объединявшее влиятельных светских персон и церковников под покровительством королевы-матери Анны Австрийской. С ними приходилось считаться самому королю, который дружески предупредил Мольера: «Не сердите святош, они — люди беспощадные».

«Тартюф» был запрещен к постановке и увидел свет рампы только через пять лет. Тем временем из-под пера драматурга одна из другой выходили пьесы: «Дон Жуан», «Мизантроп», «Лекарь поневоле».

Мольера всегда отличала доброта и внимательность к окружающим. На его помощь и поддержку могли рассчитывать не только актеры театра. В 1666 году в одной из бедных

трупп, гастролировавших в Париже, он заметил тринадцатилетнего мальчика по имени Мишель-Барон. Ребенок отличался не только поразительными актерскими способностями, но и редкой красотой.

Мольер взял его к себе в дом на воспитание. Он нянчился с ним, как с сыном, и обучал театральному мастерству, в короткий срок добившись удивительных результатов.

Мишель-Барон

Арманда, однако, невзлюбила подростка — возможно, из-за его буйного, неуживчивого нрава — и делала все, чтобы выжить его из дома и театра. В конце концов ей удалось добиться своего — Мишель покинул труппу Мольера. Примерно в это же время отношения между Жаном-Батистом и Армандой ухудшились настолько, что супруги решили жить отдельно.

Мольер снял загородный дом в Отейле под Парижем и с Армандой встречался только в театре. Он снова сблизился со своей бывшей подругой Екатериной Дебри.

В феврале 1669 года король, наконец, разрешил играть «Тартюфа», и пьеса имела оглушительный успех у публики.

В апреле следующего года в труппу после долгих скитаний по провинции вернулся Мишель-Барон. От былой ненависти между ним и Армандой не осталось и следа, а после успеха, который они разделили во время представления пьесы «Психея» в Тюильри, между молодыми людьми установились близкие отношения.

Мольер спокойно воспринял неверность жены и не лишил Барона своей дружбы. Он понимал, что эта связь — только краткая вспышка страсти. А возможно, зная легкомыслие Мишеля, он надеялся, что Арманда, обманутая и покинутая любовником, вернется к нему за утешением.

Так и случилось. Арманда действительно вернулась к Мольеру, и он был абсолютно счастлив. В сентябре 1672 года у них родился сын Пьер-Жан-Арман. Увы, этому малышу суждено было прожить меньше месяца. А еще раньше, в том же году, Мольер потерял подругу своей юности — Мадлену Бежар.

Его уже не радовал успех последних пьес — а ведь это настоящие шедевры: «Мещанин во дворянстве», «Проделки Скапена», «Ученые жен-

щины». Болезнь легких быстро прогрессировала. Он все больше слабел, худел, задыхался, но тешил себя, увы, напрасными надеждами на выздоровление.

Отношения с медициной и врачами у Мольера всегда были непростыми. В общей сложности его перу принадлежат семь пьес об эскулапах, и ни в одной из них образ врача не вызывает сочувствия у зрителя. Удивляться этому не стоит, так как время Мольера было одним из печальнейших в истории медицины, которая тогда представляла собой смесь магии, алхимии и игры на человеческих слабостях. Сам драматург поначалу верил врачам, но, не получая реальной помощи, полностью разочаровался в медицине и изображал ее жрецов не иначе, как шарлатанами.

10 февраля 1673 года Жан-Батист Мольер в последний раз вышел на сцену. Он играл главную роль в своей новой комедии «Мнимый больной». Вряд ли кто-нибудь в зале сознавал трагизм ситуации: смертельно больной актер играл совершенно здорового человека, боящегося умереть...

После представления Мольеру стало плохо. Мишель-Барон с помощью прислуги старался оказать ему помощь. А вот Арманды рядом не было, и никто не знал, где она... Мольер попросил позвать священника. Но лишь после долгих уговоров слуг драматурга кюре приходской церкви согласился прийти к еретику. Тем

временем у Мольера пошла кровь горлом... И когда кюре (почти одновременно с Армандой, которую все-таки разыскал Барон) вошел в комнату, Жан-Батист был уже мертв...

Его хоронили на четвертый день: он не отрекся от своего ремесла, а церковь не разрешала совершать обряды над актерами. Потребовалось вмешательство самого короля. По Парижу ходили слухи о разговоре монарха с парижским архиепископом:

— Насколько вглубь простирается освященная земля? — осведомился Людовик XIV.

— На четыре фута, ваше величество, — ответил тот.

— Тогда благоволите похоронить его на глубине шести футов, и чтобы с этим было покончено.

Мольера разрешили похоронить на кладбище Святого Иосифа среди самоубийц и некрещеных детей. На его могилу положили большую каменную плиту. Зимой на ней разводили костер бездомные бродяги и грелись у огня... Со временем плита треснула и развалилась. И сегодня уже никто точно не знает, где похоронен великий драматург. □

Встреча с Богом

Медленно тянулись новогодние праздники, советский народ, невзирая на указания партии и правительства о вреде пьянства и алкоголизма, продолжал многодневное застолье. В отличие от граждан других специальностей, врачам приходилось прерывать возлияния на время дежурств, ибо общественные выходные не освобождали борцов за здоровье от несения трудовой вахты.

Было холодно, а нахальное яркое зимнее солнце абсолютно не грело. Молодой кардиолог-реаниматолог Алексей Мартынов шел на работу по свежему, похрустывающему снегу, кутаясь в воротник пальто, а в голове пухла мечта об огромной чашке ароматного кофе. Лучше, конечно, пива, но с утра нельзя... Не поймут.

В больнице было на редкость тихо и безмятежно. В отделении лежали двое доходяг без определенного места жительства с хронической сердечной недостаточностью на фоне злоупотребления «Огуречным лосьоном» и прочими суррогатами алкоголя. Состояние их было тяжелым, но стабильным, и особых беспокойств дежурной бригаде они принести не должны были.

Мартынов молча выслушал монотонный доклад передававшего дежурство врача предыдущей смены и приготовился испить божественно благоухающий бокал кофе.

— Алексей Леонидыч, подойди к селектору! — не вовремя крикнула медсестра.

Тот вздохнул и пошел в ординаторскую.

— Привет, Алексей! С прошедшими праздниками! Зайди ко мне быстренько, — раздался звонкий командный голос главного врача, с которым у него были очень хорошие дружественные отношения.

«И черт ее дернул припереться с утра на работу в выходной!» — с отвращением подумал доктор, но максимально бодрым тоном гаркнул:

— Бегу, Наталья Ильинична!

Он набросил пальто и побрел в соседний корпус. Пройдя через безлюдную приемную, постучался и после громкого «войдите!» открыл дверь в просторный начальственный кабинет.

Наталья Ильинична была, как всегда, свежа, бодра и энергична. Внимательно посмотрела на вошедшего, понюхала воздух и, усмехнувшись, произнесла: «Водку не предлагаю. Но чашку кофе и море юмора обещаю!»

С этими словами она попросила секретаршу приготовить кофе и подвинула к Мартынову, еле сдерживая смех, несколько листов бумаги формата А-4, исписанных полностью мелким аккуратным женским почерком с неправдоподобным, как выяснилось при прочтении, количеством грамматических, орфографических, стилистических и всех прочих возможных в русском языке ошибок.

Опус оказался заявлением медицинской сестры Сурковой Любы на имя главного врача Некрасовой.

В первых двух абзацах Люба подробно описывала метеорологические особенности новогодней ночи, не чураясь при этом романтических аллегорий типа «улыбающейся луны». Далее товарищ Суркова обстоятельно рассказывала о гастрономических составляющих праздничного стола и представила поименный список присутствовавших, после чего выборочно сообщала о дальнейшем времяпрепровождении отдельных членов дежурной бригады, в том числе хирурга Сусликова, славившегося привычкой моментально напиваться и регулярно попадать в различные идиотские ситуации.

Алексей сразу вспомнил анекдот про пациента, попавшего на операционный стол в новогоднюю ночь: «Лежит мужик на столе, входит анестезиолог и пытается попасть наркозной маской в его физиономию, но никак не может. «Доктор, вы пьяны!» — с ужасом кричит мужик. «Это я-то пьян!? — возмущается, икая, доктор. — Погоди, сейчас хирург придет!»

Из доклада медсестры становилось ясно, что новогоднюю ночь команда хирургов посвятила бескомпромиссной борьбе с «зеленым змием» — в полном составе — и повышению рождаемости — в усеченном варианте.

Квинтэссенцией заявления был следующий текст (без исправлений в авторском варианте): «Будуча в нитрезвом состоянье и даже не умывши пьяное лицо хирург Сусликов долго безуспешно дамагался до меня и наконец ДОМОГСЯ...»

На этом месте молодого доктора разобрал гомерический хохот, а Наталья Ильинична со смеху чуть не упала со стула. Отсмеявшись, Алексей продолжил чтение трагедийного повествования о нечеловеческих муках совести несчастной медсестры и практически начал слышать сдавленные крики мятущейся женской души.

В последнем абзаце сообщалось, что данное заявление написано на трезвую голову и по прошествии времени только лишь потому, что бедная

девушка беременна уже часов десять и даже чувствует приближение раннего токсикоза, в связи с чем просит администрацию больницы воздействовать на мерзавца Сусликова в плане женитьбы и признания будущего отцовства.

— Ну что, не зря я тебя позвала? — спросила, вытирая платком слезы, главврач.

— Ой, не зря! Получил массу удовольствия! — искренне ответил доктор.

— И что мне с этим делать?

— Как что? Срочно вызывать счастливого папашу и ставить перед фактом. Может, ему действительно стоит жениться, а то с его умением вляпаться в какую-нибудь очередную Любу он точно плохо кончит. А мы салатика поедим... Ладно, пойду, — сказал Алексей все еще подрагивающим от смеха голосом. — Спасибо за кофе!

Начальница молча кивнула.

Уже выйдя из кабинета, он вновь приоткрыл дверь и посоветовал:

— Не забудьте сказать Любаше, чтобы она взяла двойную фамилию. Сусликова-Суркова — это звучит гордо!

— Да иди ты! — засмеялась Некрасова и махнула рукой.

За время отсутствия доктора в отделении ничего не произошло. Пациенты посапывали в своих койках, персонал смотрел что-то очень музыкальное по телевизору, делать было решительно нечего. Приближалось обеденное время.

Вдруг раздался лязг дверей грузового лифта, и Мартынов отправился в тамбур в ожидании прибывающей наконец-то работы. Первым из лифта вышел фельдшер «скорой» с весьма загадочным видом и молча протянул встречающему сопроводительный лист, в котором в графе «диагноз» было написано «диффузный цианоз», что в переводе с медицинского на русский означает «общее посинение организма». Несмотря на небольшой опыт работы, Алексей уже успел привыкнуть к тому, что врачи и фельдшеры «03», обладая, естественно, на уровне инстинктов, навыками оказания неотложной помощи, мягко говоря, не отличались высоким уровнем медицинских познаний, и потому привозили пациентов с такими диагнозами, что слов, кроме матерных, у принимающей стороны не находилось, оставалось только издеваться и всячески третировать слабоумных «неотложных» эскулапов.

Увидев вышеупомянутую фразу про цианоз, Мартынов вытаращил глаза и начал хохотать, готовясь поглумиться над врачом «скорой». Тот, однако,

был абсолютно спокоен, лишь слегка ухмыльнулся и сказал: «Не издевайся, док, я сам понимаю, что написал бред. Но когда ты посмотришь этого красавца, я поставлю тебе бутылку, если придумаешь что-нибудь более умное!»

Тут двери лифта распахнулись, и санитар выкатил в тамбур каталку, к которой был пристегнут смертельно пьяный человек сине-лилового цвета, требовавший немедленно его отпустить. «Знакомьтесь, — произнес доктор «скорой», с явным удовольствием любуясь произведенным эффектом, — больной с редкой фамилией «Сидоров».

Как выяснилось, Сидоров пил в течение нескольких дней дубовую морилку, пока его сожительница, внезапно протрезвев, случайно не обнаружила странный цвет кожи любимого и не вызвала бригаду «Скорой помощи». Приехавший на вызов доктор был сильно озадачен, поскольку лиловый больной с абсолютно нормальным пульсом, артериальным давлением и прочими показателями решительно не хотел никуда ехать, а оставлять его дома было как-то неловко. Тогда он нарисовал этот самый «цианоз» и притащил его в больницу.

Мартынов тоже ничего подобного раньше не видел, да и лучшего диагноза придумать не смог, поскольку все жизненно важные параметры слесаря действительно оказались в пределах нормы. Пришлось оставить его в отделении до получения результатов анализов.

К слову, Сидорова в итоге продержали в больнице целый месяц, поскольку допустить его появление в подобном виде на передовом заводе «Калибр» было невозможно, а «боевой раскрас» уходил чрезвычайно медленно, несмотря на все усилия персонала больницы. В больничном листе в графе «диагноз» написали то ли «бронхит», то ли «пневмония»...

Дежурство протекало до отвращения спокойно, и даже вспомнить дежурной бригаде было бы нечего, если бы в предбаннике не появилась каталка с весьма нетрезвым гражданином лет тридцати с сильной одышкой и мокрой от пота бледной физиономией.

— Чего привезли? — спросил Алексей, пожав руку знакомому врачу «скорой».

— Нарушение ритма сердца, пароксизм мерцательной аритмии, Вася Авдеев, — ответил тот, отдуваясь. — Что можно, попробовали, все без толку, потом посмотришь. Ехать категорически отказывался, хотел продолжать бухать. Жена еле уговорила.

— Долго пил?

— Со слов жены, суток пять без передыха.

Мартынов развернул ЭКГ и покачал головой:

— Здорово частит, под двести ударов в минуту. А давление?

— Да нет никакого давления. По нулям, — махнул рукой коллега.

Измерили давление — действительно, сорок на ноль.

— Девчата, давайте быстро его в «шоковую», и готовим кардиоверсию, — озабоченно проговорил Алексей, прощаясь с доктором «скорой», — а то помрет, к чертям!

Переключив пациента на койку оказалось делом не простым, поскольку он сопротивлялся и требовал продолжения банкета. Однако силы были неравны, и вскоре он лежал абсолютно голый и весь обвешанный проводами от монитора. Сердце его билось часто и неровно, а давление не определялось, о чем громко и тревожно информировала беспристрастная аппаратура.

Кардиоверсия, или электроимпульсная терапия, — это метод восстановления сердечного ритма электрическим током, которое выполняется под наркозом. Давать же наркоз нетрезвому пациенту — дело крайне неблагодарное. Поначалу его ничего не берет, лекарства льются рекой, и кажется, что их запасов может не хватить. А потом внезапно наступает гораздо более мощный и длительный эффект, чем требовалось, в результате чего больного ждет долгий и сложный, часто с видениями и галлюцинациями, выход из наркоза, а медицинский персонал — усилия по восстановлению самостоятельного дыхания бедолаги и неусыпное наблюдение за параметрами его жизнедеятельности.

Так получилось и в этот раз. Процедуру восстановления ритма уже давно выполнили, монитор перестал кричать и гордо показывал нормальную красивую ЭКГ и цифры «120 и 80» в блоке артериального давления, персоналу не терпелось отойти ко сну, а этот мерзавец просыпаться никак не хотел.

Мартынов уже начал злиться, и тут больной приоткрыл один глаз и хриплым голосом пробормотал: «Где я?!»

— На том свете! — злобно ответил Алексей.

Пациент широко раскрыл оба глаза и неуверенно спросил:

— А вы кто?

Доктору стало смешно и интересно, к тому же в «шоковой» уже собралась «смотреть представление» вся бригада.

— Я — Бог, — скромно и тихо проговорил он. — Кайся, сын мой!

Наступила долгая пауза, после которой мужик схватил себя за голову и завопил:

— Пил я, Господи!

Дежурная бригада, включая престарелую санитарку, каталась по полу от смеха, а «свежепреставившийся» продолжал скулящим фальцетом рассказывать, как пил, не работал, бил жену и тещу и много еще разного интересного. Спектакль затягивался, и потому Алексей подошел к его койке и величественно спросил:

— Хочешь ли ты, сын мой, вернуться в мир живых?

— Да, да, Господи!.. — запричитал «покойник» и стал судорожно целовать «божественную» руку.

— Тогда клянись, что никогда больше не будешь пить алкоголь!

— Клянусь, Господи, клянусь!

— Ладно, так и быть, верну тебя обратно. Закрывай глаза и молись мне, как умеешь!

Мужик прикрыл веки, скрестил руки на груди и зашевелил губами.

Через несколько десятков томительных секунд Алексей похлопал его по плечу:

— Давай просыпайся!

Тот приоткрыл глаз и испуганно спросил:

— Где я?

— Вот допился, алкаш проклятый! В реанимации, где ж тебе еще быть?! Больной выдохнул и довольно заулыбался.

— Как себя чувствуешь? — участливо спросил доктор. — Может, видел чего? Может, разговаривал с кем?

«Воскресший» отрицательно замотал головой, продолжая улыбаться...

Наутро он ушел домой, отказавшись от дальнейшего лечения.

Вскоре доктор Мартынов понял, что наш народ неистребим: через трое суток, в его следующее дежурство, «скорая» привезла пациента Васю Авдеева. Смертельно пьяного и с пароксизмом мерцательной аритмии...

В какой еще стране человек, лично поклявшийся Богу, что бросит пить, может забыть о своей клятве в такой короткий срок?! □

Ленин в скалах

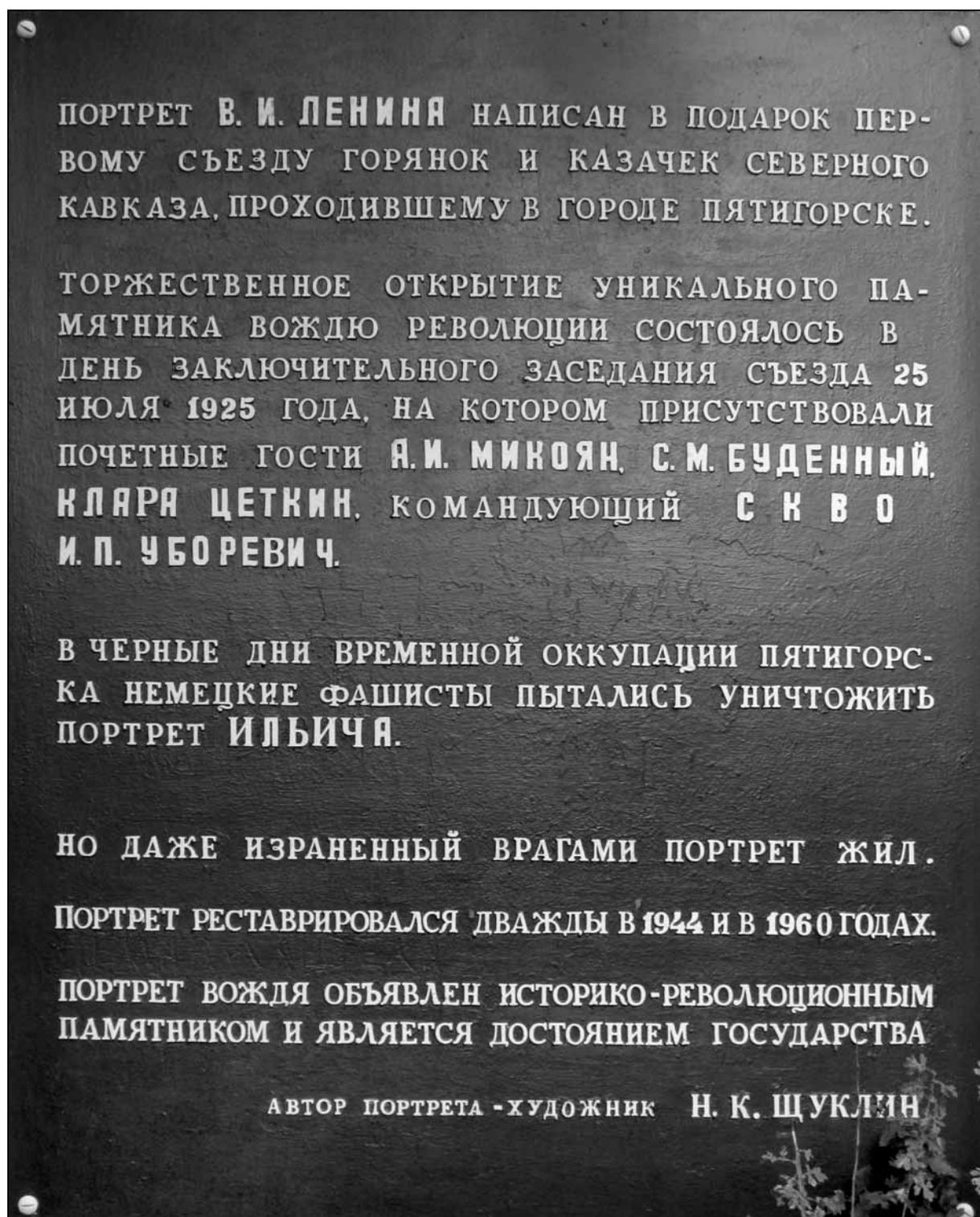
Минувший век с той поры, как не стало основателя советского государства Владимира Ильича Ленина. К его правлению можно относиться совершенно по-разному, но то, что он оказал колоссальное влияние на переустройство России и мира, остается непреложным фактом. В самых разных уголках нашей страны на улицах, скверах и площадях до сих пор остается довольно много памятников, барельефов, бюстов и мемориальных досок, посвященных Ленину. Но памятник, о котором мы хотим вам рассказать, особенно удивителен и необычен.

В курортном Пятигорске, где, как известно, у подножия Машука предприимчивый Остап Бендер брал деньги за вход в Провал — «чтобы меньше проваливался», на одном из склонов все той же горы, прямо на

камнях в красках запечатлен портрет Ильича размером 15 на 20 метров. Это самое большое одиночное наскальное изображение вождя большевиков, выполненное в 1925 году ростовским живописцем

Николаем Шуклиным. Причем столь масштабный портрет вождя мирового пролетариата, под которым художник изобразил красную пятиконечную звезду и надпись «СССР», был создан за рекордные шесть

дней! Его открытие в разгар лета 1925 года художник приурочил к заключительному дню работы проходившего тогда в Пятигорске I съезду женщин-активисток, горянок и казачек Северного Кавказа. На откры-

тии скального портрета Ленина присутствовали видные деятели советского государства: прославленный кавалерист и секретарь Северо-Кавказского крайкома партии Анастас Микоян, Семен Буденный, основательница Коммунистической партии Германии Клара Цеткин, а также командующий войсками Северо-Кавказского военного округа Иероним Уборевич.

Чтобы взглянуть на Ленина в скалах, необходимо дойти от подножия Машука почти до Ворот Солнца, служащих неким перевалом-водоразделом на пути к его вершине, высота которого составляет километр (без нескольких метров). Хотя лучше и легче это делать в обратной последовательности, спускаясь от Ворот Солнца к подножию горы. При-

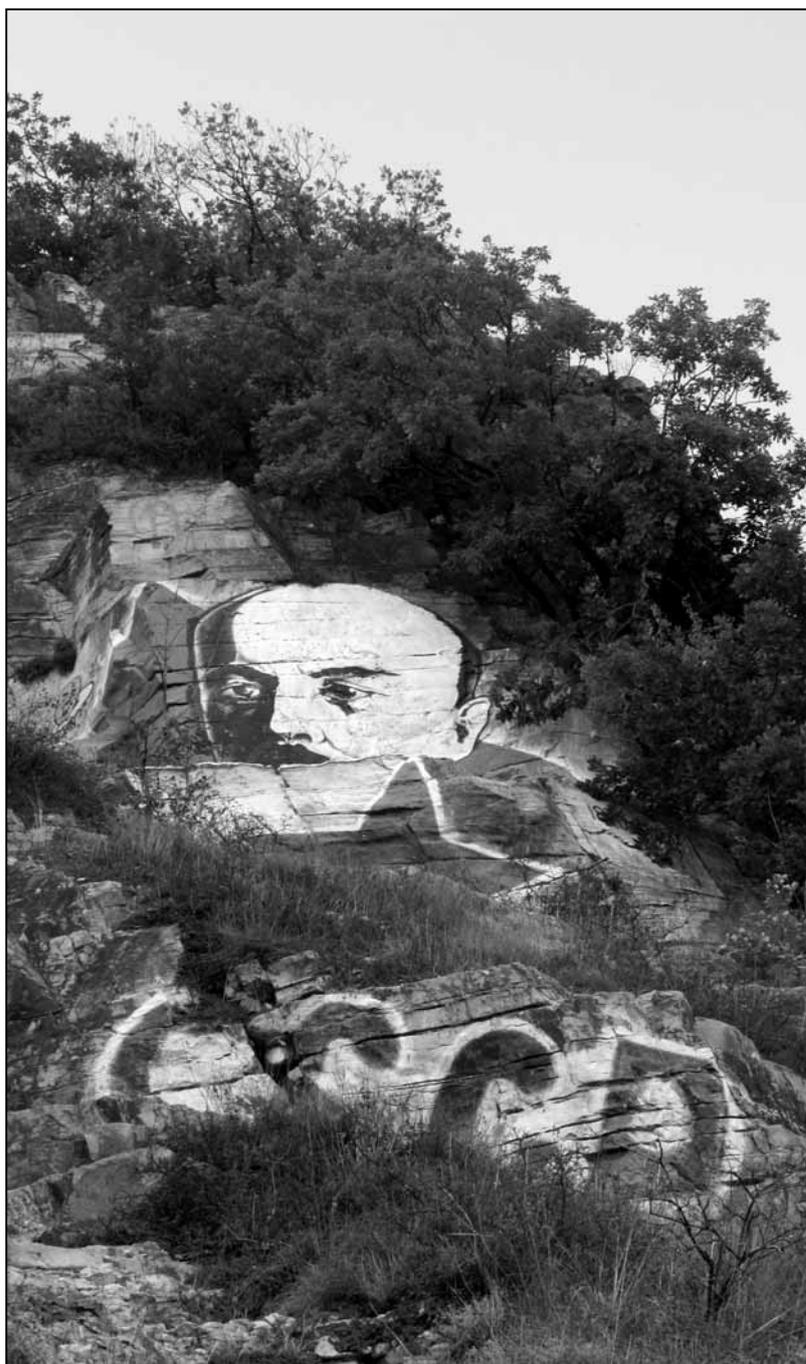
чем важно «не проскочить» увлекшись спуском, портрет Ленина, дополнительным ориентиром служит указатель-табличка с историей сооружения необычного памятника. Ильич зорко глядит на окрестности с высоты горного склона, и желающие могут даже подобраться к нарисованному Ленину вплотную, но для этого необходимо иметь определенный запас ловкости и умения лазить по скалам.

В 1942 году, во время захвата Пятигорска гитлеровцами, скальный портрет Ленина фашисты попытались уничтожить. Они расстреливали изображение Ильича из автоматов, а потом закидали его грязью. Однако горожане тайно, несмотря на грозящую им смертельную опасность, продолжали приносить к под-

ножию портрета цветы — так образ Ленина неожиданно стал символом сопротивления вражеской оккупации.

В отместку фашисты полностью покрасили лицо Ильича, красную звезду и надпись «СССР» побелкой. Но на помощь людям пришла сама природа: ночью ливень смыл побелку. В неистовом бешенстве гитлеровцы снова попытались расстрелять портрет — на этот раз из артиллерийских орудий, но пролетарский вождь по-прежнему смотрел на них со скалы. Тогда фашисты решили полностью уничтожить Ленинские скалы, как стали называть местные жители часть склона Машука после появления там портрета Ленина, даже заложили в горы взрывчатку, но не успели осуществить свой жуткий замысел: 11 января 1943 года Пятигорск был освобожден частями Красной армии от оккупантов.

А на следующий год, осенью 1944-го, в Пятигорск приехал автор портрета Ленина ху-

дожник Шуклин. Восстановив изображение вождя мирового пролетариата, он сочинил четверостишие, последняя строка из которого в те времена казалась абсолютно незыблемой:

*Портрет вождя враги пытались
и расстрелять, и зачернить!
Они в невежестве не знали,
Что Ленин будет вечно жить! □*

ВРЕМЕНА ЖИЗНИ

Не до любила, не до ласкала.
В душу к себе никого не пускала.
Все ожидала вельможного принца.
В грезах мелькали прекрасные лица.
Но жизнь пошла не как ожидала,
Весна без оглядки вдаль убежала.
Дождливое лето... Грустная осень
Мечты и надежды ветром уносит.
Хмарь одиночества тенью накрыла,
С туманом растаяв, себя не простила.
Манною крупкой сыпался снег,
Белым покровом прикрыв легкий след,
Той, что как будто мелькнула в толпе...
Часто мне снится в мучительном сне.

ВОСПОМИНАНИЯ

О женщине, что снится по ночам,
Гоню дневные тягостные мысли.
Мотаюсь месяцами тут и там,
Она ушла иль виноват я сам?
Плывут к закату розовые облака:
Машу рукой: Прощай... Или пока?!
Расстались, но покоя нет, щемит тоска.
С чего бы? Август, жарко, тихий вечер.
Но скоро небосклон накроет сетью млечной,
Закрутят мысли, будет не до сна.
И снова будоражит память прошлая весна
Наполненная ожиданьем.
В ночи далекая заря тебя напомнит,
Трава от холода росой вздрогнет.
А по утрам рисуют облака лицо —
небесный твой портрет.
Вновь мне, как в юности, покоя нет.
Любил,
люблю!
Увы! Тебя уж рядом нет...

СИБИРСКАЯ МОЛИТВА

Господи прими к себе,
Наши души ранены...
Были мы грешны,
Да и теперь не праведны.

Были мы наивны
И полны надеждами,
Ныне осознали:
И сейчас невежды.

Для чего мы созданы?
Подскажи, Создатель!
Ждать нам мук душевных
Или благодати?

Делали ошибки
По глупости, не ведая...
Жестокие, не детские,
А мудрели медленно.

Крохами учили
Азы человечности,
Милосердие познали
Приближаясь к вечности.

Ненасытно жаждали
Чтобы нас любили.
А взрослели медленно,
Жизнь свою клеймили.

Где познать смирение?
Побороть гордыню?
Накопить терпение?
Кротости бы ныне...

Мы в молитвах просим:
— Дай нам то и это,
Но где набраться воли
Исполнять Заветы?

Ни к чему что скоплено
Барахло и золото,
Сколько сил потрачено,
А как и где все взято?

Дачи и квартиры,
Премии и пенсии,
Вот бы поменять их
На молодость и песни.

Под твоим покровом
Клянчим подаваний,
Но как отмыть грешки свои
Что в сумме — злодеяния.

Вот стою я наг и бос
В душевной оболочке,
Говорят, родился я
В маминой сорочке.

Ничего не взять с собой.
Все оставим в мире.
Для чего же копим мы...
Идейные расстриги?

Ты прости нас неразумных,
Не столь тебя возносим,
Мы в молитвах, Господи,
Мечтаем, а не просим.

АВГУСТОВСКИЙ ПЕРЕВАЛ

Время метелью годы метет,
или таится голодной волчицей.
Я снова на взлете, а жизнь напролет,
вершину осилив, к подножию мчится.

Месяц за месяцем, плотно в рядке,
россыпью дней не мелочась,
я, словно, золото мою в лотке,
чтобы рассыпать его в одночасье.

В дружбе с кайлом и лопатой совковой
в жизни ищу благородную жилу.
Только фортуна, как девка портовая,
то не дается, то бесится с жиру.

Усть-Омчуг

НАСТРОЕНИЕ

Ссутулившись, поникла осень,
согнав в лощину листьев стаю.
На лакированных ветвях
случайные снежинки тают.

И настроение под стать,
тоска и грусть одолевают.
Пора бы уж зиме настать,
но слякоть зиму не пускает.

Я в доме места не найду.
Как будто что-то потерял:
то на балконе час стою,
то женские записки рву.

Или хочу куда-то мчаться,
подальше от своих невзгод,
рыдать, любить или подраться,
не находя сквозь будни брод.

Чего мне ждать от будущих времен, несчастья?
Но жизнь и так ко мне была не ласкова и безучастна.
Или покинет землю тот, кто мне по крови и по духу близок?
Господь, ты лучше заведи меня!
Без близких и без их любви я превращаюсь в призрак.

Болит душа, рыдает, знает то, что все-таки случится.
Беда сквозь сон ко мне в закрытое окно стучится.
Проснувшись окончательно, я маюсь от негладанных предчувствий.
О, Боже, пронеси!
Избавь, судьба, меня от ваших самых искренних сочувствий.

Той ночью плакала душа, но я не знал причины.
Рыдала горько, как дитя, измаялась в кручине.
Большие знания несли печаль большую,
я по несбыточным мечтам своим уже тоскую.

Бреду по городу Петра, одолеваю грусть.
На лужах тонкий лед, за каждым шагом хруст.
И красота вокруг пресыщено привычна,
как быстро все прекрасное становится обычным.

А дождь еще вчера сменился снежной крупкой.
Исаакиевский собор, как на рождественской открытке,
ажурно хрупкий.
по изморози снежной кто-то на колонне написал,
что можно вечно жить, смерть смертью поправ.

Все может быть, но мы не боги.
Кончатся когда-то на земле пути-дороги.
И что останется от нас, читатель, кроме тлена, праха?
Увы, все то, что было, завершится еще большим одиночеством...
и крахом.

Внезапно солнца луч скользнул через прореху в облаках.
Знать, снег ослеп, бывает и такое впопыхах.
И в миг погас, растаял тусклым золотом на куполе собора.
Но был тот луч! И жил мгновение сияющим убором.

Ленинград, Тупик Шевченко

Итоги конкурса «Куда уходит детство»

Дорогие читатели!

Спасибо всем, кто принял участие в конкурсе! В редакцию пришло огромное количество писем, очень теплых, очень ностальгических, и это говорит о том, что в уголке души каждого человека продолжает жить память об одном из лучших времен его жизни. Но вот мечта о «далеком далеко» стала реальностью, а воспоминания о прошлом никуда не исчезают, наоборот, делают нас лучше и добрее. Куда уходит детство? Да никуда, оно остается с нами и часто помогает держаться даже в самой трудной ситуации. Вот об этом и говорят ваши замечательные письма. Можно сказать, все, кто принял участие в конкурсе — победители, но, увы, условия конкурса диктуют свои правила, и в результате победителями конкурса стали:

1-е место — Надежда Басманова. Пермский край, город Кунгур, рассказ «Миленькая ты моя»

2-е место — Геннадий Гусаченко. Новосибирская область, город Бердск, рассказ «Память детства»

3-е место — Ольга Бугаева. Ханты-Мансийский АО, Югра, рассказ «Островок»

Еще раз спасибо всем за участие и счастья в новом году!

1-е место

Надежда Басманова

Миленькая ты моя

Так уж получилось, что я родилась второй дочерью, первая уже была в нашей семье. Отец пришел к маме в роддом и сказал, что вторая дочь

ему не нужна. Может быть, он тупо пошутил, но мама восприняла это всерьез, обиделась, конечно, и ушла к своим родителям. Мне никто не верит, но я помню все, что со мной происходило с двух лет. И главное воспоминание — это мой дедушка. Я прожила уже длинную жизнь, но точно знаю: так, как меня любил дед, меня не любил никто. Он был потомственный чепотарь — шил и ремонтировал на дому обувь, валенки. С утра садился на специальную скамеечку, клал на колени кроильницу, а рядом усаживал на одеяло меня. Я могла часами пересыпать из баночек из-под монпансье его маленькие гвоздики, надоест — встану, сброшу у него все с колен, обниму его и слышу: «Что, миленькая моя, устала? Пойдем на печку дремать». Половину кухни занимала русская печь, заберемся туда, обнимемся, я ему глажу усы и приговариваю: «Киса!» Когда я болела, он натирал меня медом, заворачивал в лоскутное одеяло и тоже укладывал на печку. И всегда говорил, что именно он выпарил Надюшку. Посмотрит на меня после очередной болезни и приговаривает: «Да что это за ребенок?! Ножки — палочки, ручки — веточки!» И сразу просит бабушку стряпать пироги, чтобы откормить меня. А у нее квашня всегда была наготове. Сходит в сад, наберет в фартук яблок и быстренько напечет мне пирожков, нагреет молока с малиной, усадит меня за стол, и оба с дедом любят, как я уплетаю за обе щеки. А если дело было зимой, то пироги пеклись с морковкой, свеклой, картошкой, за которыми бабушка спускалась в подполье — для меня это была настоящая пещера Али-Бабы. Сразу у лестницы стояли три бочки: одна с огурцами, другая с капустой, третья — с солеными грибами. Поднимешь деревянную крышку, а оттуда укропно-чесночный дух! А дальше шли закрома с овощами, яблоками, банками маринадов и варенья, а еще — море картошки. Ночью я спала с бабушкой, напротив ее кровати на стене висел портрет моего дяди Пети, который пропал без вести в боях под Ленинградом. Каждое утро бабушка причитала: «Петенька, сыночек мой дорогой, отзовись, сердце мое болит о тебе. Да будь ты проклят, Гитлер, что забрал тебя у меня!» Перед войной Петя окончил консерваторию сразу по двум отделениям — композиторскому и духовых инструментов, он был очень талантлив и красив, но увы... Они искали его по всем госпиталям, где были раненые, потерявшие память или оставшиеся без ног и рук, писали в Красный Крест, но кроме скупых строк, что он пропал без вести в ноябре 1941 года, не добились ничего. Я до сих пор слежу за поисковыми отрядами, работающими в районе тех боев, вдруг найдется мой дядя, которого я никогда не видела, но бабушкины причитания, словно молитва, остались в моей памяти. У бабушки было редкое имя — Анфуса, дед звал ее ласково Фусонька, Фусарка. Была она доброты невероятной,

дом был полон котятами, подобранными на улице, собака Пальма исправно приносила щенков, поэтому неудивительно, что я очень люблю животных — действительно, все в нас из детства. О любви деда ко мне показателен случай с петухом. Был он очень ярким, но при этом злым и драчливым хуже сторожевого пса, набрасывался на всех. Однажды моя тетя вышла со мной на руках на крыльцо, так этот хулиган взлетел и стал клевать меня в голову. Конечно, плач, кровь, крик. Дед выбежал, тут же схватил топор и отрубил ему голову, хотя до этого петух переклевал всю родню, но дед терпел его выходки.

Периодически приходил отец, которого я как отца и не воспринимала. Он прошел всю войну, продолжал служить, поэтому был в военной форме, галифе, начищенные сапоги, ремни — все это меня, маленькую, напрягало. Услышав скрип его сапог на крыльце, я пряталась за умывальник, наивно полагая, что он меня не увидит. Не говоря ни слова, он своими длинными пальцами доставал у меня изо рта соску и брезгливо бросал ее в помойное ведро. Он очень уважал своего тестя, всегда приносил бутылочку «Столичной», и они с дедом начинали под водочку споры о политике. Сталин, Хрущев, Молотов, Маленков — я думала, что это какие-то знакомые или родственники, а позже, когда уже училась в университете на историческом, улыбалась своей детской наивности. Пока отец не уйдет, я сидела тихо, но стоило ему выйти за порог, как начинала горько плакать о своей любимой соске. Дедушка брал меня за руку, и мы с ним шли в ближайшую аптеку за новой соской.

Когда мне исполнилось четыре года, родители помирились, отцу выделили квартиру, и перед самым Новым годом мама забрала меня от бабушки с бабушкой. Пока она прибиралась, готовясь к новоселью, и наряжала елку, меня отправила погулять во двор с лопаткой. Кто-то из ребят отобрал ее у меня, я сбросила валенки и в одних носках побежала к дороге. Ребятня давай кричать маме: «Тетенька, ваша девочка убежала босиком!» Мама догнала меня, привела обратно и велела играть возле окон, чтобы я была у нее на глазах. Но только она вернулась к своим хлопотам, я снова без валенок понеслась к дороге. Тут она уж не вытерпела, притащила домой и крепко всыпала мне ремнем. На ее беду, в это время пришел дед посмотреть новую квартиру. Ни слова не говоря, я сняла штаны и показала ему красную от ремня попу. Он, так же молча, развернулся и ушел домой. Через полчаса прибежала бабушка и с порога закричала: «Верка, ты что с отцом сделала?!» Мама даже не поняла, что случилось. Оказалось, что дедуля вернулся домой весь в слезах, лег на свою кровать, отвернулся к стенке и, плача, приговаривал: «Отсужу у них мою миленькую!»

Жить с родителями я категорически не хотела. Во-первых, меня отдали в детский сад, где каждое утро заставляли под бубен делать зарядку и за все мои вольности строго наказывали. Во-вторых, оказалось, что у меня есть старшая сестра, которая жила с отцом у другой бабушки. Она уже училась в шестом классе и тоже была недовольна моему присутствию, потому что ее заставляли везде брать меня с собой. Первый раз она повела меня в кино на фильм «Александр Невский». Когда крестоносцы стали бросать детей в костер, я закричала на весь зал: «Что делается, мамочки?!» — и побежала к экрану. Сестра схватила меня, а когда мы вернулись домой, ревела и кричала, что я ее опозорила и что она больше со мной никуда не пойдет. Представляете мое горе — после жизни у дедушки, где меня холили и лелеяли, я оказалась в полном непонимании, зачем я здесь? Пока родителей не было дома, сестра ставила меня на табуретку и заставляла повторять за ней все заданные в школе стихи, английские слова, какие-то теоремы, а если я отказывалась, то меня ждало наказание — щекотка, которой я очень боялась. И как мама ни старалась увлечь меня показом диафильмов, чтением книг или открытками с иллюстрациями сказок, красивым детским домиком с настоящей мебелью и посудой — все мне было не мило! Я обнимала ее и шептала: «Пойдем к бабушке!» Но постепенно своим детским умишком начала соображать, что прежней жизни уже не будет. Теперь я была только редкой гостьей в доме у маминых родителей, да и дед заболел туберкулезом и подолгу лежал в тубдиспансере. Он там и умер весной, когда я училась в четвертом классе. Машина, на которой стоял гроб, утопала в букетах черемухи и сирени — до сих пор их запах ассоциируется у меня со смертью. Я ревела так, что взрослые боялись за меня, заставляли пить валерьянку, растирали виски влажным платком, но я не могла успокоиться.

Бабушка пережила деда на четыре года, и детство мое закончилось...

Недавно я поменяла им памятник на могиле, прихожу, смотрю на фотографию, где они оба молодые, и мне кажется, будто я слышу шепоток деда: «Миленькая моя, ты пришла!» □

Иван Переверзин

Афоризмы

У России исторически такая непростая судьба:
что ни ночь, то дозор, что ни день, то борьба!

Живем, чтобы мучиться, мучаемся, чтобы жить,
и эти звенья одной цепи вовек не разъединить!

Чаще всего то, о чем думать стараешься,
к сожалению твоему, в действительности не сбывается!

Словно по воле божьей женщины без мужчин прожить в состоянии,
а вот они без них — никак при всем огромном желании!

Если бы не любимая жена, то я бы так и не получил ответ,
что красивей цветов, чем розовые пионы, в мире нет!

Не каждая женщина с мужчиной трогательно нежна,
а ведь как аукнется, так и откликнется сполна!

Из прошлого крик: «Вернись!», как паденье головой вниз!

Неужели я в самом деле — от рожденья творенье злое,
потому однажды и позабыл, что жена — это святое!

Женщины по своей природе эмоциональны настолько,
что сначала делают, а потом задумываются горько!

Жизнь, в который ты вечно виноват,
нельзя назвать иначе, чем сущий ад!

Как ни жестока измена, но чаще всего благодаря ей
ты понимаешь, насколько привязан в любви своей!

По приезду из-за границы многие русские женщины
кажутся мне исполненными красоты божественной!

Жалеть до слез надо не о том, что жизнь прошла,
а что в ней не было живого света, нежного тепла!

Четыре года в нашей семье ни мира, ни войны,
только можно сказать и так: ни мужа, ни жены!

Не зря мне видится, как в твоих горячо любимых глазах
горькое смятение перерастает в тяжелый страх!

Для того многие супруги до самого конца жизни стараются быть вместе,
чтобы, несмотря на охлаждение чувств, оставаться людьми чести!

Искренние слова «я не хочу, чтобы вы уходили...»
две одинокие судьбы на всю жизнь соединили.

С какой женщиной по любви спишь,
от той никаких секретов не таишь!

Можно так любить женщину, что на несчастье свое
вполне искренне считать себя недостойным ее!

Любовь не может быть без слез, как зимний путь в крутой мороз

Как бы ни становилось на свете все тяжелей жить,
надо надеждой на спасенье до конца дорожить!

Первая заповедь, которую эгоист попирает нравом злым —
это «если хочешь жить сам, то давай жить другим!»

Если снова и снова жалеть о том, что сделать не смог,
ничего не достичь и впредь, тем более, впрок!

Не понять, как можно победить страну,
у которой несчетные богатства на кону!

Каждая пядь крымской земли обильно полита русской кровью,
поэтому мы и относимся к ней с такой бережливой любовью!

За время, когда укронацисты так пиарили свое контрнаступление,
наши саперы воздвигли доселе невиданные укрепления!

История ничему не учит, потому, как и восемьдесят лет назад,
немецкие танки с крестами на наших полях кострами горят!

Самоубийственные «мясные» штурмы наших оборонительных позиций
в Отечественную войну не проводили даже оголтелые фрицы!

Война кровопролитна, и все же прямо скажем: если б ни она,
то Россия так и не стала бы всплывать с либерального дна!

Экипаж танка, уничтоживший восемь вражеских бронемашин,
опроверг древнее утверждение, что не воин в поле один!

Путин тем обессмертил свою президентскую волевою жизнь,
что ради мира замахнулся на американский гегемонизм!

Война между Россией и НАТО будет такой долгой,
как плаванье на лодке от истока до устья Волги!

В этот раз потому так долго стали запрягать лошадей,
что правда остались без исправных телег и саней!

Из-за своей близорукости США никак не могут понять,
что с Россией выгодней дружить, чем враждовать!

Украина мне все сильнее напоминает лягушку такую,
которую США в воде на слабом огне варят вживую!

России, чтобы и впредь жить так, как повелевает Бог,
необходимо еще пристальней смотреть на Восток!

Советы оставили Украину на редкость процветающей
развитой страной,
в европейских объятиях она стала нищей,
к тому же еще и неизлечимо больной!

США Евросоюз подмяли без лишних проблем,
и теперь нагло диктуют ему, как жить и с кем!

Исходя из позиций США, можно всерьез с тем согласиться,
что война и правда будет идти до последнего украинца!

Зеленский в клоунах так бы до конца жизни и ходил,
если бы Украине действительно предан был!

В Москве и в Киеве у многих горожан настроение такое,
словно их соотечественники не гибнут на поле боя!

Либералы школьные учебники внедрились такие,
которые напрочь убивают любовь к России!

Мы, россияне, должны понимать, что война с Украиной
будет не только тяжелой, но и по времени длинной!

На проамериканском Западе, как всегда, без перемен:
враги злорадно мечтают Россию обратить в прах и тлен!

Потому моя душа полнится тяжелой грустью,
что заветная жизнь подходит к смертному устью!

Семьдесят лет — это не только седовласая, хворая старость,
а еще и подтверждение того, что жизни почти не осталось!

В седовласой старости нет ничего горше,
чем выяснять, кто из нас виноват больше!

Старость, что ни говори, является временем проявления хворей,
но, к счастью, не каждая из них оборачивается для нас горем!

Каждый человек, как бы ни надеялся жить и жить полнокровно,
должен готовиться к своей смерти, прежде всего, духовно!

В этой жизни у каждого человека много всего,
только, в конце концов, не останется ничего!

После шестидесяти лет жаловаться на здоровье грешно,
а после семидесяти вообще думать о нем смешно!

На свете, к сожалению, большая часть земных людей,
в старости чаще становится глупей, чем мудрей!

У черной зависти такая сила, что устоять перед ней
не всегда может даже человек добрых корней!

Конечно, скупой платит дважды без надежды на грядущее,
но вовек не оскудеет рука, бедным людям щедро дающая!

Самолюбие, в конце концов, есть не что иное,
как смертный приговор для душевного покоя!

К сожалению, если природа человека одним щедро наделяет,
то другое, включая саму земную жизнь, у него забирает!

Власть, которая с народом не идет одной дорогой,
должна уйти, дабы не гневить справедливого Бога!

До смерти помнить буду, как в кромешную ночь
умирающей собаки глаза молили меня помочь!

Гений Лермонтова настолько высок,
что, несомненно, за ним стоит Бог!

Петрарка из семидесяти лет пятьдесят прожил в любви безответной,
но такой сильной, что всему миру явил свой гений рассветный!

Какая жалость, что другу, уходящему в смертную ночь,
ты совершенно ничем не можешь спасительно помочь!

У США вся история изначально настолько кровавая,
что их, рано или поздно, но настигнет расплата правая!

Прирожденное назначение сознательного страха
состоит в том, чтобы человека оберегать от краха!

Россию в уже скором будущем я вижу вышедшей на такой путь,
где ни один враг даже косо не посмел бы на нее взглянуть!

Народ, предавший святую память о своих страшных жертвах,
однажды кровопролитную войну породит одним из первых!

Слепая любовь к ребенку порождает в нем эгоизм,
причем, на всю, что дана ему свыше, жизнь!

Если в жизни своей ты никого не любил кроме себя,
значит, с тобой крайне жестоко поступила судьба!

Безусловно, крепкий мир необходим всей российской нации,
но лишь при достижении целей специальной операции!

Во всем земном мире нет такой огромной силы,
которая могла бы уничтожить вечную Россию!

Жизнь сама по себе, образно говоря, драгоценный камень,
который, на счастье или горе, мы граним своими руками!

Пути Господни неисповедимы от века к веку,
но если кому о них судить, то не человеку! □

Первая в истории карта ночного неба

Она была обнаружена на территории древнего Египта. На ней записаны координаты созвездия Дракона, Большой и Малой Медведиц.

Считавшийся давным-давно безвозвратно утерянным звездный каталог древнегреческого астронома, механика, географа и математика Гиппарха Никейского был обнаружен на пергаменте, хранящемся в монастыре Святой Екатерины на Синае. Это самый ранний из известных науке документов с изображением ночного неба.

В 2012 году ученик ведущего библеиста Питера Уильямса заметил нечто любопытное за надписями на христианской рукописи, которую он анализировал в Кембриджском университете. Спустя пять лет мультиспектральное сканирование документа выявило девять страниц: это были звездные координаты.

Известно, что Гиппарх работал над звездным каталогом неба западного мира между 162 и 127 годами до нашей эры. Ряд историков называют его «отцом астрономии» и приписывают ему научное открытие о движении Земли. Считается, что он первым рассчитал движения Солнца и Луны.

По сравнению с более поздними работами астролога и астронома Птолемея, монография которого «Альмагест» стала не только венцом развития античной «небесной механики», но и на многие столетия определила вектор развития мировой астрономии, более ранние расчеты Гиппарха кажутся более надежными, в пределах одного градуса от того, что намного позже обнаружили современные астрономы.

Первая «СМЕНА»

Первая библиотека имени журнала «Смена» открылась в поселке Ягельный 12 мая 1979 года. Это событие означало, что Крайний Север — место не только для тяжелой работы. Здесь можно жить, учиться и общаться. Именно библиотека стала в будущем городе не только хранилищем знаний и единственным источником новой информации с «большой земли», но и главным местом для общения, отдыха, центром культурной и общественной жизни поселка.

В 1978 году с инициативой построить в Ягельном библиотеку выступил молодежный журнал «Смена». «В идею, родившуюся год назад, закладывался социальный аспект, ее необходимость подсказывало само движение жизни», — писал в статье

об открытии библиотеки главный редактор журнала «Смена» Альберт Лиханов.

Здание будущей библиотеки спроектировали и построили в Нововятске на комбинате древесных плит. Оборудование для читального зала и абонементов собрали на Зуевской мебельной фабрике в Кировской области. Специальный проект библиотеки сделали на базе трех трехквартирных домов. Чтобы наполнить ее книгами, редакция «Смены» обратилась к своим читателям. Имена дарителей книг журнал печатал в каждом номере.

«... в прошлом году «Смена» получила рекордное число писем — больше сорока тысяч... Но такого всенародного отклика, который начался после рассказа о библиотеке, не было никогда, — писал Альберт

Лиханов. — Шли посылки, бандероли, приходили письма, телеграммы. Каждый или почти каждый рассматривал книги для уренгойской библиотеки как свой кирпичик в прекрасное дело строительства Тюменского Севера».

Всей страной укомплектовали библиотеку с фондом в 25 тысяч книг. Редакция журнала «Смена» объявила конкурс на заведование библиотекой. Первой заведующей стала Надежда Бендас.

С тех пор фонд и функционал библиотеки непрерывно рос. В 1981 году открылась детская библиотека имени журнала «Смена».

«... спустя 2 года, при открытии детской библиотеки любознательные читатели сорвали дверь с петель, буквально "ворвались" в библиотеку — так велико было желание иметь свой детский книжный дом», — писала Надежда Бендас в буклете о первых работниках культуры «Они жили легко и стремительно».

Заведующей детской библиотекой «Смены» стала Вера Артюхова. От имен двух заведующих даже образовался забавный каламбур: «Веру (Артюхову) и Надежду (Бендас) мы вам дали, а любовь к книгам должна быть ваша, новоуренгойцы».

«Специальные знания? Да, конечно, они необходимы детскому библиотекарю, который еще и педагог, и психолог. Какая другая профессия требует одновременно навыков художника, хормейстера, массовика-затейника? А сколько разговоров по

прочитанной книге с нашими страстными, дотошными читателями? Все-таки творческая эта профессия — детский библиотекарь! Если работать с желанием, с огоньком», — писала Вера Артюхова в газете «Правда Севера» от 12 января 1984 года.

Применять инновационные методы работы с читателями в «Смене» начали буквально со дня открытия. В библиотеке существовал «ночной абонемент» — по нему книги выдавались на ночь до 9 утра. Такая мера появилась в ответ на информационный голод. Новой информации хотелось всем.

Еще один способ взаимодействия придумали, когда рабочие стали регулярно ждать вахтовок у крыльца библиотеки и оставлять после себя мусор и окурки. В ответ на замечание заведующей они сказали: «Но библиотека же закрыта. Вот если б нам что-нибудь почитать...» Библиотека снова ответила на запрос людей. На крыльце сотрудники библиотеки стали оставлять старые журналы и газеты для рабочих. Те, в свою очередь, не забывали возвращать их обратно, чтобы получить новые.

На этом новшества не закончились. В библиотеке появилось литературное объединение «Пламя Уренгоя», сотрудники библиотеки выезжали в производственные общезжития и проводили литературные вечера. Именно в библиотеке стали проводить первые художественные выставки.

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ — НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Сейчас в Централизованную библиотечную систему Нового Уренгоя входят 5 библиотек. В их числе две библиотеки районов Лимбьяха и Коротчаево. Но это не предел. Система постоянно расширяется и ищет новые пути развития.

Социальная жизнь подчиняется тем же законам, что и биологическая. Выживает тот, кто лучше приспособился к новым условиям. В 1979 году в ответ на стремительное развитие поселка открыли библиотеку. Тогда ей не было альтернатив, люди шли туда сами. Но за 45 лет реальность сильно поменялась.

Предложение источников информации сильно превышает спрос на них. Самые оперативные новости и развлечения есть под рукой. Поменялось и восприятие информации. Люди привыкли получать быстрые, короткие и яркие сообщения. К такому

формату подачи привыкли не только современные дети, как принято считать, но и взрослые. К счастью, снова приучить себя к сложной качественной информации под силу каждому человеку. Нужно лишь знать, к каким источникам обращаться.

Библиотека находится в постоянной конкуренции с быстрыми источниками информации. Придерживаться старых традиций в таких условиях, значит, окончательно потерять актуальность в глазах аудитории. Поэтому новоуренгойская библиотека сегодня — это больше, чем место, где можно взять книгу.

Современное руководство Централизованной библиотечной системы мужественно принимает вызовы времени. Директор ЦБС Нарине Мардян так же, как ее предшественницы, постоянно ищет новые пути развития библиотечной системы.

«Библиотечная система — основной источник интеллектуального взаимодействия с людьми. Мы пони-

маем, что бумажные книги не так востребованы, как раньше. Нас окружает море информации в самых разных проявлениях. Что сделать, чтобы люди шли именно к нам? — рассуждает Мардян. — Чтобы определить вектор развития, мы следим за интересами аудитории. Наша главная задача, особенно в работе с детьми — через развлечение и сильные положительные эмоции привлекать их к книгам».

Она уверена, что работники учреждения должны быть готовы трудиться в условиях новой информации. Сейчас среди сотрудников новоуренгойских библиотек 75% — молодые специалисты, но директор считает, что без 25% старших, опытных сотрудников невозможно системное развитие, как невозможен рост ветвистого дерева без мощных корней.

«У нас постоянно появляются не только новые пространства, оборудование, направления деятельности, но и обновляется кадровый состав, — говорит Нарине Мардян. — Наши сотрудники получают профессиональную подготовку и учатся новым форматам коммуникации. Для этого мы непрерывно ведем методическую работу. Грамотные наставники — важная часть нашего коллектива. Внутри учреждения старшие сотрудники курируют работу молодежи и сами развиваются непрерывно».

Из пяти библиотек две стали модельными: Центральная городская библиотека имени журнала «Смена» и Библиотечно-информационный

центр «Новая смена». Третья модельная библиотека — на подходе. Будущая АРТ-резиденция «Сова» станет новой точкой развития. Пока продолжается реконструкция пространства, библиотека работает в сложных условиях, изобретая форматы на ходу — например, сотрудники «пошли в люди», организовали внестационарную работу. В северной части города библиотека начала работать в школах, детских садах, колледже, летом регулярно проводятся мероприятия и мастер-классы на улице. На день города библиотека выдавала книги прямо на городской площади.

Выдачей бумажных книг работа библиотеки не ограничивается, она сотрудничает с сервисом «Литрес». Благодаря этому новоуренгойцы могут бесплатно читать электронные книги и аудиокниги по читательскому билету. Кроме этого сотрудники постоянно проводят развлекательные и просветительские мероприятия. Сейчас в библиотечной системе работает 40 проектов. Они направлены не только на популяризацию чтения среди горожан, но и на решение социальных проблем. Среди них: «Центр диалога национальных культур», проект для будущих молодых мам «Мамы могут все», психологический проект «Все проблемы у нас в голове», «Школа цифровой грамотности для пенсионеров», «Территория безграничных возможностей», «Библиопро» и другие.

Каждый из перечисленных проектов затрагивает серьезную общественно-значимую тему. Проект

«Библиопро» сотрудничает с общественной организацией «Ямал без наркотиков». Его цель — помочь адаптироваться людям, которые прошли реабилитацию от зависимостей и начали новую жизнь.

«СМЕНА» БУДУЩЕГО

Библиотека сегодня — это бренд. У нее есть узнаваемый фирменный стиль, проекты, план продвижения и развития.

В мае 2024 года библиотека имени журнала «Смена» отпразднует 45-летие. С момента ее основания было много трудностей, переездов и адаптаций к новым реалиям. Но будет еще больше, и, как показала

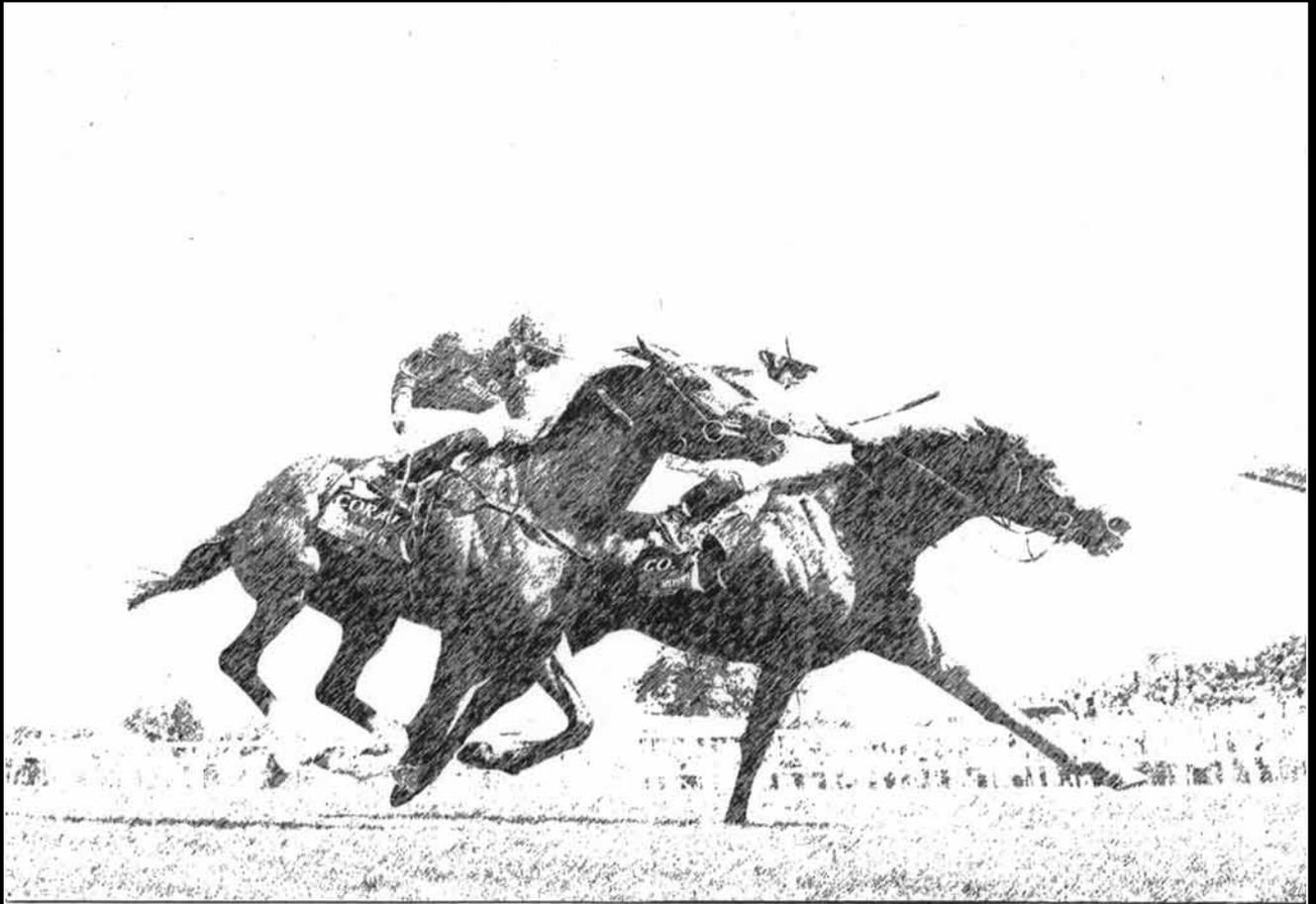
история, «Смена» к этому готова всегда. Мощные корни крепко держат это стремительно растущее дерево, а на молодых ветках созревают плоды.

«Люди делают место. Если человек любит свою работу, если ему интересно приходить туда, он любит людей, и развивается, то каждый посетитель захочет вернуться к нему еще раз, — уверена Нарине Мардян. — Мы преодолели очень много трудностей, поэтому к будущим трудностям готовы всей командой так же, как открыты к новым возможностям». □

Александра Кеберлейн

Фото МБУК ЦБС, г. Новый Уренгой

Сумерки богинь

ГЛАВА 11

Мало кто знал, что пристав Шахмурзиев после смерти госпожи Притокиной отдал приказ своим подчиненным ранним утром обходить дозором парк, особенно нижнюю его часть. Зачем он это сделал, Джабраил Муртазиевич и сам не смог бы внятно объяснить, но решил перестраховаться.

Полицейские в суть приказа начальника не вникали, урядники разбили парк на участки и прикрепили к ним городовых. Выходили они в половину шестого утра, еще до восхода солнца, чтобы опередить отдыхающих, особенно ретиво следующих предписаниям докторов.

Городовые все же позволили себе небольшое отступление от новых правил: между собой потихоньку кидали жребий. Участок, на территории которого были найдены две покойницы, популярностью не пользовался.

В предрассветных сумерках сонные городовые разбрелись по парку. Тот, которому достался «нехороший» кусок, настороженно помахивал фонарем и решил грот проверить в последнюю очередь, старательно сворачивая на все боковые дорожки, чтобы оттянуть время.

Полицейский шел вдоль Ольховки, которая петляла по нижнему парку витиеватыми изгибами. На одном из таких резких поворотов берег круто поднимался вверх, образуя небольшую террасу. На этой террасе несколько лет назад поставили беседку, названную «Стеклянная струя». С дальней стороны к беседе примыкал пруд, с ближней к выходу из парка — речка, на которую можно было любоваться с высоты террасы. Эта часть

Продолжение. Начало в №12, 2023.

беседки отделялась от небольшого, но крутого обрыва металлической оградой — для дам, у которых могла закружиться голова и на высоте двух метров.

Городовой повернул по берегу речки, удаляясь от мостика с гротом. От речки поднимался туман, веяло сыростью, полицейский чихнул и взмахнул фонарем «летучая мышь». В тусклом свете что-то мелькнуло, и он, выругавшись, присмотрелся. Ему показалось, будто кто-то или что-то летит ему навстречу. Никогда еще честный служака не испытывал такого ужаса, как в этот момент...

Через двадцать минут около беседки собрались все, кого смогли найти. На бедного Шахмурзиева страшно было смотреть — он как-то даже постарел. Третья жертва за небольшой промежуток времени! И тоже задушена. Доктор, надежный человек, из тех, что языком болтать не станет, осмотрел тело и подозвал пристава:

— А знаете, господин Шахмурзиев, похоже, что это самоубийство.

— Да? — удивился и одновременно невольно обрадовался полицейский. — А как она умерла?

— Через удушение, это сомнению не подлежит. Но ее душили не руками, как других. Не знаю еще, как именно, но создается впечатление, будто она повесилась. Смотрите, на шее у нее шарф с длинными концами. Она обмотала их вокруг ограды, перелезла через нее и прыгнула вниз.

— Охо-хо, — вздохнул пристав, — такая молодая, чем же ей белый свет не угодил?

Тело девушки сняли с ограды и осторожно опустили на землю.

— Надо узнать, кто она, — с грустью сказал доктор, — но наверняка не из наших, отдыхающая.

— Места другого не нашла, — нахмурился пристав и вдруг наклонился над покойницей: — Пстой-ка, братец! Что это такое? — Дрожа, как гончая, он показал на голову девушки: в темных волосах что-то белело.

— А-а-а, это просто цветок, — ответил доктор и, наклонившись, вынул из прически погибшей белую розу.

— Нет-с, это не просто цветок, любезный, — протянул Шахмурзиев, этикие цветочки я уже имел счастье видеть. Вот что, увозите ее, а то с минуты на минуту господа отдыхающие объявятся. Да посмотрите-ка все как следует. Надо вскрытие провести.

— Вы думаете, что все-таки?.. — поежился врач.

— Тут волей-неволей задумаешься. Но обсуждать меж собой пока нечего. Я распорядился, так что выполняйте. Эх, и задам я жару столичным умникам!

С этой многообещающей угрозой пристав направился к себе, а его подчиненные быстро увезли погибшую в городской морг.

В участке Шахмурзиев хотел сразу послать за господином Бобровым, но полицейский, сдавший смену после ночного дежурства, доложил ему о выходке арестованного, его маловразумительных выкриках и обещании новой трагедии. Отложив на время допрос Борея, пристав пошел в арестантскую.

Спал ли Адам ночью, было неизвестно, но сейчас он лежал на спине, заложив руки за голову и вперившись в потолок.

— Так, господин Желевский, о чем вы желали со мной поговорить? — строго спросил поэта Джабраил Муртазиевич.

Тот не ответил, даже головы не повернул, непонятно, слышал ли Адам вообще что-либо. Пристав начал сердиться. Тут такие дела, а мальчишка кочевряжится, капризничает.

— Послушайте, господин Желевский, некогда мне вокруг вас церемонии разводить. Стар я для таких выкрутасов, да и дел много — вот ночью еще одна дама умерла.

Адам сел на койке и, наконец, перевел взгляд на Шахмурзиева. Но этот взгляд был настолько странный, что приставу — человеку далеко не из пугливых — стало не по себе.

— Как она умерла? — тихо спросил поэт и тут же сорвался на крик: — Как она умерла?!

— Тише, господин поэт, тише, — попытался приструнить его Джабраил Муртазиевич. — Дама эта... вроде бы повесилась.

Адам заметался по камере и заговорил сам с собой:

— Она плыла по воздуху, а глаза закрыты! И шарф развевается! Она прекрасна!

— Откуда вы это знаете? — Пристав схватил молодого человека за руку и повернул к себе: — Кто вам сказал?

— Кто сказал? Никто. Я видел...

— Тьфу ты, просто беда! — топнул ногой Шахмурзиев, — да где видели-то?

Адам долго не отвечал. Наконец, с большим трудом выяснив, что прекрасную мертвую деву Адам видел во сне, Джабраил Муртазиевич, с которого сошло семь потов, покинул арестанта, не зная, что и думать.

Кое-как позавтракав у себя в кабинете и напившись горячего чая, пристав велел доставить в участок господина Боброва, именовавшего себя Бореем, любым способом, да под стражей, ежели тот не захочет по-хорошему.

Посланному городовому пришлось побегать, так как Борей, Алкамен и Петя ушли на пленэр. Когда полицейский нашел друзей на одной из верхних аллей, скульптор и ученик не пожелали оставаться и тоже отправились в участок. Силу применять не пришлось — Борей и не думал сопротивляться городовому. Между собой друзья решили, что дело, конечно, касается Адама, с этой мыслью художник и явился пред очи пристава.

— Господин Бобров, разговор у нас вами выйдет неприятный, а потому вынужден просить вас не разглашать его суть, — сухо произнес Шахмурзиев, — в том числе, господам Кондратьеву и Десятникову. Впрочем, это всего лишь вопрос времени.

От официального тона полицейского Борей несколько растерялся, хотя и постарался скрыть волнение.

— Слушаю вас. Но сначала я хотел бы узнать, какового состояние моего друга.

— Его состояние... — начал пристав, запнулся на мгновение и продолжил: — Полагаю, оно не самое лучшее. Мне доложили, что вчера он ничего не ел.

— Он страдает, потому что ни в чем не виноват!

— Послушайте, Илья Михайлович, — устало сказал Шахмурзиев, напоминая, что это я вас вызвал, дабы задать вопросы. Извольте не уходить от разговора.

— Спрашивайте, мне скрывать нечего.

— Насколько я помню, вы говорили мне, что дарите белые розы тем особам прекрасного пола, которые поражают своей красотой. Такие цветы были у убитых Дарьи Сенцовой и госпожи Притокиной.

— Да, это так. Но эти цветы не являются доказательством того, что я мог задушить их.

— Оставим пока бедняжек в покое. Скажите мне, а вчера, случайно, не одарили ли вы такой розой какую-нибудь даму?

— Нет, — покачал головой художник. — Вы, Джабраил Муртазиевич, конечно, считаете меня легкомысленным и ничтожным человечешкой, но даже я не способен забыть о трагедии и начать ухаживания за следующей красавицей.

— Правда? — По тону пристава невозможно было понять, поверил он Борей или нет. — Но ведь с вами я видел одну молодую особу, которая, как мне показалось, испытывала к вам некие чувства, и вы, по всей вероятности, платили ей тем же.

— О ком вы? — не понял Борей.

— О той барышне, которая называет себя ученицей господина Мерцалова, — поморщился Шахмурзиев при упоминании «величайшего поэта современности».

— А-а-а, так вы о Коре. Да, она была моей возлюбленной, но между нами все кончено.

— Ах, ах, неужели? И давно?

— Не очень, — процедил сквозь зубы Борей. — Вы что, хотите знать все подробности моей жизни, господин Шахмурзиев?

— Ну уж нет, милостивый государь! Мне вполне достаточно того, чему я был, так сказать, свидетелем...

— Джабраил Муртазиевич, вы рассуждаете как закоснелый обыватель. Ведь вас что шокирует — картина моей безнравственности? Отнюдь нет. Шокирует то, что я не скрываюсь, не прячусь в ночи, а открываю свои чувства миру. Восхищает меня женщина — я ее добиваюсь, перестает восхищать — я с ней расстаюсь. И все на глазах, как сказал бы наш общий друг Мерцалов, прогрессивной общественности.

— Господин Бобров, избавьте меня от ваших... — Шахмурзиев попытался подняться с кресла.

Но Борей перебил его, забыв, что он здесь совсем с другими целями.

— А вы все же послушайте! Вы знаете свой город, знаете жителей. Что, никто из ваших добрых знакомых не посещает «веселых» заведений? Никто не содержит любовниц на тайных квартирах? Все безгрешны? Разумеется, нет! Но пока все тайно, вы и ухом не ведете. Вот она — мораль бургеров! Но вы гоните и позволяете себе презирать человека, который действует честно, открыто! Я же признался вам, что восхищался Леночкой, по-настоящему влюбился в нее. Да, я не знаю, сколько это продлилось бы — наверное, недолго. Но не надо делать из меня монстра!

Пристав дослушал гневную тираду до конца и слегка улыбнулся:

— Вы изложили мне свои мысли, я вам благодарен. Надеюсь, этим я избежал упреков в том, что никому слова не даю молвить. Вам очень не к лицу маска обличителя общественных язв, мсье Борей, скорее, уж я сойду за гонителя всего новаторского. — Он вдруг сразу посерьезнел и продолжил: — Полагаю, мы выяснили, кем друг друга считаем. А теперь прошу отвечать на мои вопросы, не отступая в сторону философических изысканий. Итак, где ваша... эээ, вот незадача, имени-то я не знаю! Барышня, которая к вам приехала, но с которой, по вашим словам, у вас уже все кончено?

— Понятия не имею, — пожал плечами Борей, — наверное, в пансионе. Во всяком случае, вечером она была там.

— Вы не дарили ей белую розу?

— С какой стати! Она меня уже не восхищает, я вообще с ней стараюсь не вступать в беседы. Но вы можете о ней спросить Алкамена... Господина Кондратьева, он ее опекает.

— Спрошу, не сомневайтесь. А что вы делали вчера вечером и ночью, вплоть до рассвета?

— Да ничего. Поужинали мы в нашей студии, часов в одиннадцать разошлись по комнатам и легли спать. Проснулись в половине седьмого, чтобы пойти на зарисовки. Кору я утром не видел... И вообще я с одиннадцати вечера ее не видел.

— То есть мадемуазель Кора могла выйти ночью так, что об этом никто не знал?

— Могла. Но она не пошла бы одна. Вы ведь нашу Кору не знаете. Ей компания нужна, восхищение, шум.

— Еще раз спрашиваю вас, господин Бобров, дарили ли вы вчера какойнибудь даме белую розу? — безликим голосом спросил Шахмурзиев.

Борей вскочил, отбросив тяжелый стул, и возмущенно выкрикнул:

— Да что же это такое? Сколько раз повторять!..

Вдруг он замолчал, тихо вернул стул на место и опустился на него, глядя прямо перед собой.

— Так-так, сударь! — оживился пристав. — Вспоминайте, голубчик, вспоминайте!

— Джабраил Муртазиевич, что случилось? — прошептал Борей. — Еще одна?

Шахмурзиев вздохнул. Жизненный опыт и интуиция подсказывали ему, что, если сейчас он начнет давить, художник замкнется, откажется с ним разговаривать, и тогда все придется начинать сначала. Достаточно ему упрямого поляка! Может, попробовать зайти с другой стороны?

— Сегодня на рассвете, тоже в нижнем парке, недалеко и от фонтана, и от моста с гротом, — кратко поведал пристав.

— Задушили?!

— М-м-м, не совсем понятно. В данном случае не исключаю самоубийства. Может статья, она повесилась. Но это еще не все. Ваш друг вчера поздно вечером буянил, кричал что-то о мертвой деве, которая летит по воздуху... Он отказался со мной говорить. Хотите — попробуйте вы.

— Хорошо, но, скажите... У нее была белая роза?

— Да, сударь. Точно такая же, как и в двух других случаях. Конечно, я не утверждаю, что роза именно ваша, возможно, совпадение.

— Как она выглядит? Девушка, не роза.

— Белая блузка, белый шарф, юбка — черная. Скромно одета, но не наша, даже не знаю, как я это понял, просто не наша.

— Почему вы подумали на... ту, которая с нами?

— Как вам сказать? — пожал плечами Шахмурзиев. — Я мадемуазель Кору и не рассмотрел хорошенько. У той, что утром нашли, волосы темные, сама тоненькая, небольшого роста.

Борей помолчал немного, прокручивая что-то в своей голове, а потом снова заговорил. Видно было, что признание дается ему нелегко:

— Да, Джабраил Муртазиевич, дарил я вчера розу одной даме. Но это вовсе не дар любви, скорее, глупая шутка. Дело в том, что особа, мною упомянутая, не вызывает не только восхищения, но и скольконибудь дру-

жественных чувств, Во всяком случае, у меня. Эта дама только что прибыла в Кисловодск, и приехала она к господину Мерцалову.

Час от часу не легче! — застонал Шахмурзиев и схватился за голову. Теперь еще с ним общаться! Этот господин изрядно мне надоел за последние несколько дней. Кто она?

— Актриса, госпожа Беркутова. Что-то у нее в Петербурге не заладилось, какие-то разногласия с режиссером. Но я не прислушивался.

— Ах, у нее трудности? — немного взбодрился пристав. — Тогда, возможно, у нее был повод свести счеты с жизнью.

— Не могу сказать, мне она показалось весьма жизнестойкой особой. И потом, мы ведь еще не знаем, она ли это...

— Что ж, придется пройти процедуру опознания. Отправитесь со мной, милостивый государь?

— Увольте, Джабраил Муртазиевич! — отпрянул от стола Борей. — Приглашайте Мерцалова, пусть он ее опознает. Я лучше поговорю с другом...

Увы, Адам не желал говорить с художником, как и вообще с кем-либо. Борей понял, что с ним произошла какая-то перемена, душа его как будто отказывалась принимать все, что исходило из внешнего мира, и он погружался в мир грез. Художник с мрачным видом покинул участок и, выйдя к ожидающим его друзьям, сказал:

— А наш Адам очень плох. И еще плохая новость: снова какую-то девушку убили. — Оповещающая об очередной смерти, Борей умолчал, что, возможно, это Вера Беркутова.

По дороге к пансиону он отказывался отвечать на вопросы, с которыми к нему приставали взволнованные Алкамен и Петя. Дома их встретила только что проснувшаяся Кора. «Живая и здоровая», — скрипнув зубами, вздохнул Борей. А она щебетала, как птичка, и была так любезна, что даже накрыла на стол.

За завтраком Борей был по-прежнему мрачен и демонстративно разговаривал только с Петей и только о работе. Алкамену пришлось брать на себя общение с Корой, что у него вовсе не вызвало неприятия.

— Знаешь, пристав сообщил Борейю, что ночью еще кого-то убили, — тихо шепнул скульптор девушке.

— Ах! — захлопала она в ладоши, — теперь все поймут, что Адам не виноват!

— Вероятно, ты права, дорогая, но разве тебя это не пугает?

— Совсем нет! — рассмеялась Кора. — Я же не хожу одна по ночам. Интересно, почему их убивают?

— А тебя не интересуется вопрос, кто их убивает? — прорычал Борей, не выдержав ее чириканья.

— Его личность скрыта во тьме ночи! И в этом его прелесть. Ах, я боюсь, если его поймут, он окажется каким-нибудь... — Кора подняла глаза к потолку, — писарем или приказчиком. Это так обыденно и скучно, что пусть лучше остается таинственным незнакомцем!

Петя и Алкамен никак не отреагировали на эти слова, а Борей расхохотался так, что задрожали стены мансарды.

— Господин Шахмурзиев не считает, что это может быть писарь или приказчик! Он уверен, что это кто-то из нас! — успокоившись, сообщил он.

Вот теперь повисла такая тишина, что слышно было, как на соседней улице сапожник открывает дверь своей будки.

Кора пришла в себя быстрее остальных.

— Да, мы знаем, он же арестовал Адама.

— Ерунда! — отмахнулся от нее Борей. — Пристав уже понял, что это не он. Вот что сделал любезнейший Джабраил Муртазиевич: он обратил внимание на руки Адама. Ну, сами подумайте, мог ли наш Адам задушить кого-нибудь? Не считайте господина Шахмурзиева держимордой каким-то, он неглуп и весьма начитан. Адам говорил, что в морге пристав заставил его приложить руки к... горлу Елены. Полагаю, он увидел несовпадение синяков и следов с пальцами арестованного. Вот так-то, господа хорошие!

Петя внимал ему с ужасом, держа на весу кружку и совершенно забыв о ней. Алкамен подпер рукой голову и слушал с интересом. Даже Кору проняло — на обычно бледных щеках заиграл румянец.

— Но почему же тогда он не отпустил Адама? — серьезно спросил Алкамен.

— Я сам на него разозлился, решил, что пристав издевается, власть свою демонстрирует. А потом понял — у него на уме иное. Он не знал, что будет дальше: пойдет ли убийца на новое преступление, если есть возможность избежать преследования? Наверное, еще о чем-то думал господин Шахмурзиев, но меня в думы свои не посвятил, а только подбросил несколько мыслей, чтобы стравить нас между собой и с Мерцаловым. Говорю вам, он думает на кого-то из нас. Но если быть честным до конца, то подозревает он, конечно, меня. Что до Адама... — Борей обхватил растрепанную шевелюру руками, — боюсь, он нас покинет.

— Как? Почему? — хором воскликнули Кора и Петя.

Алкамен же посмотрел на художника понимающим взглядом.

Пока компания Борейя пребывала дома, пристав сам приехал на своей пролетке в «Гранд-отель». Он мог, конечно, вызвать Мерцалова в участок, но не захотел ссориться с госпожой Кукушкиной. Приехал он в том момент, когда Валериан завтракал в своих апартаментах, Диотима занима-

лась туалетом у себя, а где находился Серж, никого особенно не интересовало.

Джабраил Муртазиевич прошел к Мерцалову, извинившись за причиненное беспокойство, не объяснил цели прямо, а начал задавать Валериану вопросы. Тот, лежа на огромной кровати, чувствовал себя весьма неуютно под несколько ироничным взглядом пристава.

— Что вам угодно, господин Шахмурзиев?

— Это обычная процедура, не извольте волноваться... Вы же на отдыхе. Где ваша знакомая из столицы, госпожа Беркутова?

Она... живет не здесь, — немного успокоился Мерцалов, — снимает комнату в пансионе неподалеку — у вдовы Прилеповой.

— Стало быть, вы ее сегодня еще не видели? — прищурился Шахмурзиев.

Тут в дверь постучали, и вошла Диотима, уже при полном параде, в шляпке и с зонтиком.

— Друг мой, ты еще не готов? Пора на прогулку. — Увидев пристава, она удивленно воскликнула: — Господин Шахмурзиев, вы здесь каким образом?

Триста раз извинившись, поцеловав кончики кружевных перчаток дамы, пристав попросил Валериана и Дею вместо прогулки проехать с ним в «ужасное, ужасное место, но это вынужденная мера», — так он обозначил важность цели своего визита.

Как обычно, манеры Джабраила Муртазиевича произвели неизгладимое впечатление, в первую очередь, на госпожу Кукушкину.

— Что же делать? Коли вы нуждаетесь в нашей помощи, мы, разумеется, готовы выполнить ваш... вашу просьбу, — вздохнула Дея с видом мученицы.

Мерцалов не стал спорить, оделся, и они поехали в морг. Там, в полутемной комнате, при свете керосиновой лампы, в присутствии сторожа и одного урядника, пристав откинул простыню. Страшный крик разнесся по влажным стенам, покрытым слизью, когда перед Мерцаловым предстало посиневшее лицо Верочки Беркутовой...

Это был сон — не явь. Богиня смерти призывала меня? Наверное, но я этого не помню. Странно, раньше все помнил до мельчайших подробностей. Но Госпожа — она на то и Госпожа. Она капризна, изменчива, и на этот раз я в немилости.

И выбор у нее странный. Раньше Она позволяла мне самому выбирать, и была довольна моими дарами. Конечно, ведь я знаю, что ей надо. Когда я вышел из доверия? Что я сделал не так? Подаст ли она мне знак? Опять эти сомнения — я жалок, вымаливая крупницу любви к себе! Да и за что Ей меня

любить? Любить должен я. Любить и поклоняться. Она же просто холодна и прекрасна. Хорошо, если ей нужен такой дар, мое ли дело осуждать Ее?

Нет. Я вспоминаю, вспоминаю все по минутам, по секундам. Моя душа обожжена, а сверху как будто кто-то залил ее льдом. Богине смерти служу не только я — у Нее новый любимец. Ах, как больно! Я не хочу терять ее, я хочу служить и дальше. Почему Она отвергает меня? Меня все отвергают, во всех мирах, я никому не нужен. Никто не понимает, что творится со мной...

Нет, я верю в Нее, она все понимает. Сегодня я много думал. Это не отвержение, это забота. Ведь я творец, пусть все и думают иначе, пусть смеются надо мной. И Богиня смерти видела мои творения, она их оценила. Но всегда ли ей нужны шедевры? Разве мы каждый день поглощаем кулинарные шедевры? Нет, мы едим простую пищу, которая нас насыщает. И только иногда позволяем себе роскошь вкушать деликатесы. О, не все так делают, я знаю. Есть глупцы, еще ничтожнее всех остальных глупцов, которые жаждут прекрасного каждый день. И что же?

Все приедается, утрачивается прелесть восприятия. У нас, у смертных, так. А если так и у Богини смерти? Она познала мои шедевры, но решила, что они приходят слишком часто. И позвала не мастера, а скромного ремесленника, чей дар — всего лишь ежедневная работа без вдохновенья, без искры!

Я верю — Она еще нуждается во мне, и когда будет надо, я приду...

ГЛАВА 12

После завтрака Борей пытался работать. Вместе с ним в студии трудились Петя и Алкамен. Беседа растревожила всех, дело не шло: Петя по большей части глазел в окно, Алкамен, наклонив голову, рассеянно что-то набрасывал на листах, сидя за столом. Почему-то именно сегодня отсутствие Адама ощущалось особенно сильно. Кора, заглянув пару раз в мастерскую, заскучала, надула губы и куда-то ушла. Даже Алкамен не занимал ее беседой и не пытался развеселить, как обычно.

Борей старательно переносил на холст зарисовки Эльбруса, но, в конце концов, сдался.

— Если так пойдет дальше, надо будет возвращаться в Петербург, — буркнул он, отойдя в другой конец студии и недовольно рассматривая результат своих усилий, — все это начинает сказываться на работе.

— Но мы же не уедем без Адама? — жалобно воскликнул Петя.

Борей шумно вздохнул, вытер руки и раздраженно бросил:

— Прогуляемся, други, а то ничего не складывается...

Они не повернули в парк, который обычно предпочитали городским аллеям, а так и бродили втроем по курортному бульвару вокруг нарзанной галереи. И благодаря этому необычному маршруту стали свидетелями весьма интересных сцен.

Со стороны вокзала к «Гранд-отелю» подъехала коляска, в которой сидели Мерцалов и Дея. «Мушкетеры» удивленно разглядывали почти распластавшегося на сиденье экипажа Валериана. Всегда болезненно относившийся к своему внешнему виду поэт выглядел жалко и непрезентабельно, даже позволил себе развязанный галстук. Диотима держала его за руку и платочком вытирала высокий лоб своего протеже.

Выйти самостоятельно Мерцалов не смог: его поддержали швейцар «Гранд-отеля» и кучер. Обеспокоенная покровительница суетилась вокруг, указывая, в какие апартаменты и насколько нежно необходимо доставить несчастного страдальца.

— Что это с ним? — кивнул головой в сторону столичного поэта Алкамен.

— А ты не понимаешь? — грустно спросил Борей. — Весь этот спектакль может означать только одно: утренняя покойница — госпожа Беркутова, как я и ожидал.

— Ты знал?! Откуда? — вскинул брови скульптор.

Петя тоже вопрошающе поднял глаза на своего наставника.

— Предполагал, — неопределенно пожал плечами Борей. — Пристав думал... Неважно, одним словом, внешность описал.

Петруша догадался, что учитель по какой-то причине не хочет пускаться в объяснения. Однако Алкамен не отступал:

— Сдается мне, что-то ты не договариваешь, — и оглянулся на Петю.

В ответ тот развел руками и покачал головой.

— Бесполезно, не знает он, — хмыкнул Борей.

В этот момент из дверей «Гранд-отеля» выскочил Серж Павленко. Сначала он кинулся к Валериану, но того как раз под руки заводили в гостиницу. Тогда Серж подошел к сестре и о чем-то горячо принялся ей рассказывать. Дея отмахнулась от него, как от мухи и, вытирая глаза платочком, хотела пройти следом за своим кумиром, но брат схватил ее за руку, умоляя и экспрессивно жестикулируя. Дея рассердилась, и, судя по всему, собиралась ударить его зонтиком, но вовремя спохватилась. Она отвела Сержа от дверей и, встав спиной к друзьям, видимо, что-то твердо и жестко высказала ему, после чего скрылась в холле отеля.

— Так, она ему поведала о госпоже Беркутовой, — пришел к выводу Борей.

Но только художник утратил интерес к происходящему, как к Павленко, замершему у стены «Гранд-отеля» рядом с проходом к заднему двору, подошли два здоровых молодца, одетых, как скромные приказчики. Заметив

парней, Серж сделал робкую попытку вернуться в отель, но она ловко была пресечена одним из подошедших.

Разговор между ними и Павленко носил нервный характер, причем, Серж явно оборонялся. Напоследок один из молодцов аккуратно взял его за галстук, а другую лапищу положил на плечо...

— Знает ли госпожа Кукушкина о проблемах своего братца? — задумчиво протянул Алкамен.

— Может, подойдем, поможем ему? — предложил добросердечный Петя.

— И думать не смей! — отрезал Борей, — не маленький, сам разберется!

Парни ушли, испарились с курортного бульвара, как существа из другого мира. Изрядно помятый Серж немного постоял на углу, потом достал платок, протер лоб. Вдруг его, похоже, озарила светлая мысль, и он почти бегом помчался в отель.

— Так о чем же не знает наш Петр? — неожиданно вернулся к разговору Алкамен.

Борей помолчал, постукивая штиблетой по каменному бордюру, опоясывавшему лужайку перед нарзанной галереей.

— Ведь мы не сможем тебе помочь... если вдруг возникнет такая нужда, — обиженно проговорил Алкамен и сделал вид, будто собирается уйти.

— Ладно, — махнул рукой художник, — все равно это, скорее всего, станет известно. У покойной, которую нашли на рассвете в парке, была в волосах белая роза.

Алкамен присвистнул, Петя ахнул и всплеснул руками.

— Ты ведешь себя, как гимназистка в офицерском клубе! — рассердился Борей.. — Еще слезами залейся!

— Не срывай зло на Петруше, он-то в чем виноват? — осадил друга скульптор и продолжил: — Да-а-а, малоприятная ситуация. А я еще пошутил тогда насчет «проклятия»! Ничего, мы с Петром сможем подтвердить, что много людей при сем присутствовали. Кстати, а как она умерла?

— Да я что-то не понял. Пристав туману напустил, но склоняется, судя по всему, к самоубийству.

— Ну, это вряд ли! — покачал головой Алкамен, — не того пошиба госпожа Беркутова.

— А я вот не согласен! — осмелел Петя. — Она же актриса! Создание, можно сказать, воздушное, трепетное...

Борей рассмеялся так громко, что на него неодобрительно оглянулись прохожие.

— Насколько я понял, из нервов госпожи Беркутовой можно было плести корабельные канаты, а трепетала она, вероятно, только при размышлениях о будущей славе — ничто иное в этом мире ее не интересовало, — заметил он.

Беседу прервало неожиданное появление Сержа. Он пулей вылетел из отеля, чуть не сбив важную пожилую даму, которая в сопровождении многочисленной прислуги, багажа и звонко лающих собачек заселялась в гостиницу, и, поспешно извинившись, побежал по бульвару.

— Куда это направился наш общий друг? — вытянул шею Борей.

А господин Павленко направился недалеко. Через два дома от «Гранд-отеля» располагался ломбард. Это заведение пользовалось большой популярностью в городе. Кто-то играл в карты, кто-то предавался легкости бытия иными способами, а счетом в банке мог похвастаться не каждый. В общем, какие-то суммы время от времени требовались отдыхающим безотлагательно, и ломбард процветал.

Серж пребывал в почтенном заведении недолго. Выскочил он уже более бодрый, замахал руками и закричал:

— Извозчик! Сюда!

— Смотрите, он собирается сбежать! — возмутился Борей.

— Почему ты так думаешь? — не согласился с ним Алкамен.

— Потому что здесь стоят пролетки, на которых можно съездить в Пятигорск, — ответил за учителя Петя. — Я знаю, сам же здесь нанимал, когда мы...

— А на вокзале дежурят подчиненные его благородия Шахмурзиева. Мимо и мышь не проскочит! — добавил Борей. — Так что эта загадочная персона явно задумала ускользнуть из города. А поймаем-ка его, други! — К нему вернулось шумное жизнелюбие: глаза его засияли, он настроился на охоту, как охотничья собака, которая понимает, что предстоит гонка за зверем.

— Может быть, стоит за ним проследить, мало ли что, а потом уж... — предложил осторожный Алкамен.

Эх, ты, рационалист! — хлопнул его по плечу Борей. — Будь по-твоему!

Друзья наняли другую коляску и последовали за ничего не подозревающим Сержем. Тот подгонял извозчика, но вовсе не потому, что опасался погони. Он ни разу не оглянулся назад, и все мысли, казалось, неудержимо влекли его вперед.

— Да успокойся ты, Пинкертон, — рассмеялся Борей, глядя на Петю, — никуда господин Серж не денется. Тут только одна дорога.

Преследование захватило всех троих. Петруша поднял воротник сюртука и надвинул шляпу на глаза. При этом он постоянно приподнимался в пролетке, ища глазами экипаж Павленко. Обычно спокойный Алкамен тоже поддался чарам детективной романтики, хотя и старался это скрыть. Борей же просто радовался, что может что-то предпринять, а не болтаться по несколько надоевшему курорту.

— Неужели он надеется выехать из Пятигорска? — потер руки Петруша. — Это так глупо... Ведь если он сбежит, пристав обратит свое внимание на него.

— А может, это давно пора было сделать? — задумчиво проговорил Борей. — Этот Павленко — фигура подозрительная. Что мы о нем знаем?

— Что он брат госпожи Кукушкиной, — наивно ответил ученик.

— Конечно, но что он собой представляет? Какой он человек? Почему никто из нас не интересовался им?

— Вероятно, потому, что этот господин не вызывает никакого интереса, — усмехнулся Алкамен, — любитель выпить, бездельник, промотавший свое состояние и теперь живущий на хлебах у богатой сестрицы.

— Вот именно! — согласился Борей. — А не замечал ли ты его особого интереса к прекрасному полу?

— Замечал, ну и что? — удивился скульптор. — А кто из представителей мужского пола не отдал дань Эросу? Он пристаёт ко всем дамам без разбора, особенно, когда находится в подпитии.

— То есть, почитай, каждый божий день, — подвел итог Борей. — Петро, да успокойся же ты! — в очередной раз одернул он ученика, вскочившего на ноги и пытающего, приложив руку козырьком ко лбу, разглядеть в дорожной пыли преследуемую пролетку.

Рассуждая о свойствах характера и привычках Сержа, они, наконец, достигли цели своей поездки — Пятигорска. При въезде в город извозчики умили бег лошадей, и друзья могли спокойно следить за сбежавшим. К их невероятному удивлению он отправился вовсе не на вокзал, а к подножью горы Бештау и с шиком подкатил к знаменитому на всю страну ипподрому.

— Скачки! — хлопнул себя по лбу Борей. — Как же мы забыли?!

— Он приехал, чтобы посмотреть скачки? — Разочарованию Пети, казалось, не было предела.

— Конечно, нет, Петро! — рассмеялся Алкамен. — Если мы соединим все кусочки мозаики, то поймем, что господин Павленко приехал делать ставки. Ко всем прочим его достоинствам — он еще и игрок!

— Да, похоже на то, — вынужден был согласиться с ним Борей. — Но намто что теперь делать? Хороши мы, нечего сказать!

— Ну, чтобы наша поездка не выглядела совсем уж эксцентричной выходкой, предлагаю насладиться зрелищем.

На том и порешили.

Ипподром представлял собой внушительное строение. Один из лучших в России, он собирал не только любителей лошадей и азартных игроков. Все знаменитые коннозаводчики съезжались сюда, чтобы заключить

сделки, обсудить проблемы, определить критерии пород и видов лошадей. Почетными членами Пятигорского клуба являлись члены императорской семьи. Этот ипподром отличался от других российских собратьев тем, что в заездах нередко принимали участие сами владельцы скакунов, здесь это почиталось уважаемым делом, особенно среди казаков и кавказских джигитов. Устраивались и показательные выступления с выездкой, джигитовкой и конными трюками.

Но Серж Павленко примчался на ипподром с совершенно иными целями. «Мушкетеры» видели, как он протолкался к букмекеру и сделал ставки. Его не привлекали красота и стать благородных животных, умение наездников — он ждал только результатов забегов.

Некоторое время друзья еще следили за ним, но поведение подозреваемого не вызывало особого интереса: сделав ставки, Серж прочно засел в буфете и явно не собирался покидать удобную террасу до самого конца скачек.

Борей бы заскучал, но его спасли верные блокнот и карандаш, которые он всегда носил с собой: он стал делать наброски лиц зрителей, пытался схватить движения лошадей. Алкамен немного поставил, как он сам сказал, «чтобы оправдать глупое пребывание на ипподроме», да затем увлекся и поддался азарту, какового друзья за ним прежде не замечали. Петруша, который никогда не посещал скачки, просто смотрел вокруг широкими глазами. Но он же и попытался вернуть старших товарищей к печальной теме.

— Борей, ты думаешь, это действительно была твоя роза? Ведь госпожа Беркутова, кажется, хотела приколоть ее к прическе на ужин...

— Откуда я знаю? — пожал тот плечами. — И вообще, Петро, надоела мне эта «тайна белой розы», сил нет. Простое совпадение...

— А если нет? — загорелся Петя. — А если убийца душил именно тех женщин, которым ты розы дарил?

— Нет, мой юный друг, что-то тут не сходится. Во-первых, с чего мы взяли, что актрису убили? Мы толком ничего и не знаем, а питаемся крохами со стола его благородия Шахмурзиева. Он почему-то предполагает самоубийство. Видимо, есть отличия от смертей Даши и Леночки. Во-вторых, как ты понимаешь, роза госпожи Беркутовой — не дар любви. А в-третьих, розы от меня достались не только ныне покойным дамам.

— Может быть, стоит поговорить с приставом? — настаивал Петя, — расспросить его...

— Представляю себе картину, — засмеялся Алкамен, до сего момента не отводивший глаз от поля, — пристав дает показания нашему Петро!

— И что же здесь смешного? — обиделся молодой человек.

— А то, что у меня нет времени да и охоты возиться с тобой, залечивая твои раны после того, как пристав отстегает тебя нагайкой. — нахмурился Борей. — Петро, это совсем не шуточки: убили двух, а может, трех женщин, и ты не можешь играть в своего Пинкертона, потому что все очень серьезно.

Петя отступил и какое-то время молчал. Но все же не смог заставить себя отказаться от волнующей темы.

— Хорошо, согласен, я ничего не понимаю в расследованиях и вообще в полицейских делах. Но мы же можем хотя бы попытаться ответить на вопрос: почему убили Дашу и Елену Андреевну... И почему умерла госпожа Беркутова?

В этот момент как раз закончился очередной забег, и Алкамен радостно потер руки:

— Друзья мои, я кое-что выиграл! За мной подарки всем и отличный обед! Так что ты сказал, Петро? Почему убили именно их? Мой ответ таков: они попались убийце на пути, вот и все.

Петя немедленно принялся искать аргументы за и против этой версии, а Борей, нахмурившись и отложив на скамейку блокнот, поставил локти на колени и подпер голову. Удар колокола отметил начало нового заезда. Зрители зашумели, многие вскакивали со своих мест. Но его ничто не могло отвлечь от размышлений. Петя и Алкамен терпеливо ждали, когда он выскажется. Человек вспыльчивый и резкий, Илья Бобров обычно не утруждал себя долгими и тяжкими раздумьями. Он не слишком любил тихие, неспешные беседы, в ходе которых каждый участник мог спокойно высказать свое мнение. Творческая работа и буйное, разудалое времяпровождение вне оной — таковы были его стремления. Что же произошло, что изменило привычный ход его безмятежной доселе жизни? Неужели загадочные смерти так на него повлияли?

Наконец он заговорил:

— Вот что я скажу тебе, Петро, ты задал хороший вопрос. Суть его в том, что, если бы мы могли на него ответить, то, пожалуй, и поняли бы тогда, кто их убил. И знаешь, Алкамен... То, что ты сказал... А ведь если так, то это меньшее из всех зол, которые могли бы с нами случиться.

— Ты не в себе из-за утраты милой Елены Андреевны, — мягко ответил скульптор, — но скоро мы вернемся в столицу, все постепенно забудется, и заживем мы привычной жизнью.

— Нет, друг мой, — покачал головой Борей, — как прежде, уже не будет. Вы Адама в кутузке не видели...

Петя только сейчас осознал, что наставник не просто серьезен, он говорит такие вещи, о которых и сам раньше не думал, и ученика своего к ним

не приохотил. Жизнь Пети, лучезарная, бесхитростная, не знавшая никаких печалей, впервые наполнилась чем-то непонятным, еще более страшным оттого, что ничего вокруг не напоминало о недавних трагедиях.

В Кисловодске, в «Гранд-отеле», Валериан Мерцалов переживал величайшую трагедию своей жизни. Уронив брненное тело на кушетку в гостиной, он машинально принимал из рук Деи какие-то снадобья, послушно запивал их водой, но демонстрировал, что душа его пребывает не здесь, а в некой юдоли вечной скорби.

Глаза Диотимы покраснели от слез, нос немного распух, и она металась между страхом оставить своего кумира в одиночестве хоть на минуту и желанием все-таки привести себя в порядок. Конечно, Валериан не обращает внимания на ее внешний вид, но придет же он в себя когда-нибудь...

Ей было жаль Веру, такую молодую, жаждущую узреть у своих ног весь мир. А теперь она в этом жутком сыром подвале, накрытая простыней, на металлическом столе... Успокоительные капли госпожа Кукушкина тоже выпила, но их действие пока не ощущалось.

— Свет... — прошептал Мерцалов, прикрывший глаза ладонью.

— Что, друг мой? — встрепенулась Дея. — Тебе мешает свет?

— Нет... Свет... померк в моих глазах. Ах, Дея, как я теперь буду жить?

— Я понимаю твою горе. Влияние Веры на твоё творчество... Тебе будет очень трудно, но надо жить дальше.

— Никто и никогда не поймет моих чувств, — всхлипнул Валериан и откинулся на подушку, — я никогда больше не стану писать стихов!

— Конечно, станешь, — в голосе Деи послышалось легкое раздражение, — просто должно пройти время.

— Я утратил совершенство! Я потерял свой поэтический дар! Теперь и ты покинешь меня, я больше никому не нужен! — причитал поэт, прижимая ладони к лицу.

— Я никогда не покину тебя, и твой дар тоже останется с тобой. Послушай, друг мой, мне кажется, я знаю, что нам надо сделать. Завтра мы с тобой сходим в храм, помолимся за душу Верочки. Потом, когда... отдадут тело, я все устрою с похоронами. Это будут великолепные похороны, по самому высшему разряду. Мы увековечим память о ней, я тебе обещаю. А тридцатого сентября, в день ее именин, закажем службу.

При упоминании именин своей Музы Мерцалов вновь погрузился, как он сам выразился, «в пучину страданий», а Дея старалась его успокоить.

О Серже она и думать забыла, его отсутствие совсем ее не волновало, быть может, к лучшему. Кто же знал, что недолг тот час, когда она вспомнит о брате, и воспоминание это откроет ей дорогу к таким мукам, о которых лелеемый ею кумир не имел ни малейшего представления.

На Пятигорском ипподроме завершились скачки. Возбужденные зрители обсуждали заезды, ставки, выигрыши и проигрыши. Многие потянулись в буфет. Проголодавшийся Петруша тоже жадно поглядывал на заветные двери.

Алкамен тут же напомнил о своем выигрыше и предложил отметить его перед возвращением в Кисловодск. Борей вяло согласился, и они оказались в сутолоке и суете. Сержа рассмотреть было трудно, даже если они и захотели бы его найти.

Все столики были заняты более предусмотрительными любителями скачек, официанты не успевали бегать от клиента к клиенту, возле стойки бара царило столпотворение. Борей быстро утомился от зрелища оголодавшей на свежем воздухе публики и раздраженно махнул рукой: — Поехали-ка отсюда подобру-поздорову, вечером отметим твой выигрыш.

Он резко повернулся к выходу, случайно задев плечом другого посетителя буфета. Так как все толкали друг друга, то вскоре джентльмены стали извиняться только перед дамами. А потому художник спокойно двинулся дальше, но был остановлен неожиданно и весьма агрессивно.

— Нет, позвольте, сударь! Вы меня толкнули!

Борея схватили за рукав сюртука и довольно сильно дернули назад. Он развернулся и оказался лицом к лицу с тем самым штабс-капитаном, которым пренебрегла несчастная Елена Андреевна в пользу любвеобильного художника. Похоже, что офицер выпил — не то, чтобы сильно, но находился подшофе. В этом состоянии люди ведут себя по-разному: одни любят весь мир и видят вокруг только приятные лица, другие вспоминают все старые обиды и жаждут мести. Штабс-капитан явно относился ко второй категории.

— Вы что же, думаете, вам все позволено?! — взревел офицер, не отпуская рукав Борея.

Алкамен и Петя немедленно забыли о попытках сделать скромный заказ и бросились к своему другу. Зная его характер, они справедливо полагали, что подобного обращения он не стерпит.

— Что вам угодно, сударь? — Художник отодрал руку военного от костюма и небрежно одернул сюртук. — Кажется, никакого урона я вам не нанес!

— Вы не извинились! — зычный голос штабс-капитана разносился по всей веранде. — И я не сомневаюсь, что вы толкнули меня намеренно!

— Ну, уж нет, милостивый государь! — взвился художник. — Если бы я толкнул вас намеренно, вы бы тут не стояли, а лежали бы без чувств в самом дальнем углу!

— Ах, вот как! — рука офицера машинально потянулась к кобуре. — Тогда вынужден вам сообщить, что вы, сударь, ничтожество!

Большинство посетителей буфета собрались вокруг, обсуждая происшествие. Алкамен и Петя заметили сияющую физиономию Павленко где-то в первых рядах праздных наблюдателей.

— Вы просто не в себе, пьяны, а потому мелете всякий вздор! — презрительно бросил Борей. — С таким запалом надо было воевать с японцами, а не скандалы устраивать на курортах!

Штабс-капитан побледнел так, что некоторые дамы заахали. Он хотел броситься на художника, но взял себя в руки. Прищурившись, он сделал один шаг навстречу противнику, хлестнул ребром ладони Борей по щеке и прошипел:

— Вы, сударь, мерзавец и подлец! Я вызываю вас на дуэль!

ГЛАВА 13

Борей опешил, но быстро пришел в себя и громко рассмеялся:

— Да, господин офицер, вы, судя по всему, застоялись в конюшне! Пребывание на курорте плохо сказалось на вашем интеллекте... Если он вообще когда-либо давал о себе знать!

— Я жду ваших секундантов в пансионе вдовы Прилеповой. Пусть спросят штабс-капитана Пичугина. Если они не явятся до ужина, я просто пристрелю вас, как зайца, мсье художник!

Штабс-капитан совершенно протрезвел, а потому сообразил, что бурная сцена непременно привлечет внимание стражей порядка. Резко кивнув головой, что, видимо, означало, прощание, офицер повернулся и покинул ипподром: через толпу уже пробирались городовые. Алкамен смекнул, что им тоже не следует попадать в поле зрения полиции, и быстро увлек друзей к противоположному выходу. На площади перед ипподромом, к их общему неудовольствию, компанию догнал Серж:

— Господа, господа! Я явился, так сказать, свидетелем сцены... Истинно, как в театре побывал, такие страсти!

Ему никто не ответил, но Павленко не смутил столь холодный прием, и он как ни в чем не бывало присоединился к «мушкетерам».

— У меня радость, господа, я выиграл, да-с, да-с, приличную сумму. Так что прошу со мной в ресторацию, отпраздновать, хе-хе-хе.

— Благодарим вас, мсье Павленко, но у нас много других дел, — еле сдерживаясь от резкости, выдавил из себя Борей.

— Оставьте, сударь! Вы что же, серьезно восприняли угрозы этого солдафона? Плюньте, господин Борей!

Серж спокойно забрался в пролетку. Художник хотел вытолкать его взащей, но Павленко сунул извозчику ассигнацию и широким жестом пригласил друзей. Борей вдруг подумал, что навязчивого спутника можно будет расспросить о некоторых интересующих его вещах, и согласился.

Пролетка бодро покатила в Кисловодск. Правда, туда же направились многие любители скачек. Публика веселилась, многие еще переживали острые моменты заездов: кто-то пел песни под гитару, кто-то надумал соревноваться в скорости между экипажами. По дороге столбом закружилась пыль. Борей стиснул зубы, проклиная свое легкомыслие, вовлекшее «мушкетеров» в пятигорскую авантюру.

— А знаете, господин Серж, я ведь тоже выиграл сегодня, — с гордостью проинформировал Алкамен Павленко и даже озорно подмигнул ему.

— Ах, голубчик, рад за вас! И сколько же, если не секрет, вы сорвали?

— Не секрет, — хлопнул в ладоши скульптор, — десять рублей, как с куста!

— Эх, сударь мой! Я-то в былые времена червонец гарсону на чай швырял! — самодовольно усмехнулся Серж, — да и сейчас куш поболее отхватил, да-с! Сотенную! Вот, извольте! — Он достал портмоне и, раскрыв, продемонстрировал купюры разного достоинства, небрежно запихнутые в отделения.

Хвастовство братца госпожи Кукушкиной было столь нестерпимо, что Алкамен не сдержался:

— И сколько же из этой суммы останется вам... после выплаты долгов и выкупа в ломбарде... А что, кстати, вы заложили? Уж не драгоценность ли вашей уважаемой сестрицы?

С лица Павленко моментально слетела вся удаля, он как-то скукожился, сжался и залепетал:

— Молю вас, как порядочных людей, ни слова, господа, а я уж отплачу, вы же понимаете... Удары жестокой судьбы, так сказать... Молю и уповаю...

«Мушкетеры» затруднились бы сказать, в какие моменты Серж выглядел отвратительнее: когда был полон самомнения или жалок в самоуничужении.

Борей отвернулся от него и спросил скульптора:

— И что же прикажешь делать с тем Аникой-воином?

— А что тут делать? Сейчас напрямик к Шахмурзиеву, пусть арестует этого вояку. Тот посидит в «холодной» с денек, так и думать о тебе забудет.

Борей закусил нижнюю губу и мрачно озирал хорошо знакомые окрестности.

— Нет, это как-то... трусливо. Штабс-капитан вызвал меня на дуэль, а я... Кроме того, если помнишь, он меня ударил.

— Как ты себе представляешь вашу дуэль? Ты стрелять-то умеешь?

Борей пожал плечами:

— В юности немного баловался, но не знаю, как сейчас... Уж сколько лет в руках не держал оружия. Ну а сабли, шпаги — это и вовсе не мое.

— Меня в гимназии обучали фехтованию, — вставил Петя, — и я могу выступить от твоего имени. То есть драться за тебя...

Художник невесело рассмеялся.

— Спасибо, Петро, ты слишком любезен. Для полного счастья мне еще не хватает везти гроб с телом моего ученика его родителям и рассказывать им чудную историю, как он дрался и погиб за меня!

В углу экипажа вдруг завозился Павленко:

— Так ведь, сударь, я мог бы...

«Мушкетеры» воззрились на него с удивлением.

— А что? — распрямил плечи Серж, — я могу и секундантом, и распорядителем. Сам в молодости неоднократно... да-с, да-с. Весь кодекс, так сказать, прошел во всех ипостасях!

Художник хмыкнул и поинтересовался:

— И чем вы мне можете?

— Вот смотрите, мсье Борей, вы сторона вызванная. Стало быть, выбор оружия за вами. Выбирайте пистолеты — могу вам сказать, что раньше, конечно, было смертоубийственно, а нынче — господа военные и сами боятся под трибунал, так что, проспится наш голубчик, поймет, что дел натворил, так и разойдетесь миром. А я, уж поверьте, все устрою в лучшем виде. Только вы моей сестрице, это, насчет ожерелья-то... Всего лишь безделушка...

— Ладно, — махнул рукой Борей, — отдаюсь на ваше попечение. Так и быть, назначаю вас главным распорядителем дуэли.

Серж был так счастлив, что ему доверились, что он теперь важная персона, и «мушкетеры» легко выудили у него сведения о Верочке. Поскольку Павленко не был в морге, он смог передать лишь слова своей сестры, но и этого было достаточно: Верочку нашли мертвой, похоже, что она повислась ночью на ограде беседки в нижнем парке. Обсуждать степень правдоподобности такого исхода жизни молодой, здоровой и полной надежд женщины с Сержем смысла никакого не имело. А потому Борей и Алкамен, переглянувшись, отложили покамест этот вопрос на будущее. Но художник, памятуя о неприятном разговоре с приставом, задал Сержу несколько вопросов. Тот отвечал легко, не замечая прямоты и некоторой резкости Борей.

— Да-с, поужинали вчера с Верунчиком, а после мы с Валерианом пошли ее провожать.

— И какой вам показалась госпожа Беркутова? Не была ли она печальной?

— Да как сказать, голубчик? Вроде бы нет. Что-то говорила Валериану по поводу объявления в газете, мол, надо, надо... А тот отвечал ей, что непременно, а до того момента стоит блюсти что-то... Ох, не помню, простите, господа! Я после с Валерианом обратно прогулялся до отеля, убедился, что он к себе направился, хе-хе. Чтобы, значит, утром сестрице доложить. Ну а дальше, сами понимаете, веселился, так что... — Серж покаянно развел руками.

Друзья переглянулись, понимая, что спрос с господина Павленко не велик — что знал, поведал.

По приезде Борей некоторое время потратил на то, чтобы убедить Павленко в необходимости сохранения тайны дуэли. Тот, впрочем, и сам как будто понимал, что болтать лишнего не стоит. Словно через десятки лет, через слой бездумно потраченной жизни, проглянул вдруг человек, не лишенный благородства, впитавший от поколений предков те устои и правила, без которых невозможно представить российского дворянина.

Павленко помчался выкупать «безделушку» да оплачивать долг чести, а друзей в пансионе встретила Кора. Она, конечно, посетила Мерцалова в его «юдоли скорби», пообщалась с Деей, и готова была теперь поведать историю гибели актрисы всем, кто пожелал бы ее слушать. Кора страшно расстроилась, что друзья уже все знают, топнула ногой и фыркнула, как кошка:

— В этом крохотном городишке сведения разлетаются с такой скоростью, что всяческие технические новинки меркнут.

— Как Мерцалов переживает утрату? — спросил Борей, чтобы остановить поток ее жалоб.

— Он разбит, совершенно разбит. Представляете, эта пустышка забрала над ним такую власть, что я подозреваю мистическое вмешательство. Она его просто околдовала!

— Полагаю, со временем ему станет лучше... Когда надоест ломать комедию, — безжалостно процедил Борей.

Петя легонько дернул девушку за складку платья:

— Кора, ты веришь, что госпожа Беркутова покончила жизнь самоубийством? Алкамен и Борей думают, что на нее это как-то не похоже.

— Ах, на свете столько тайн! — поэтесса схватила юношу за руки. — Я полагаю, что ее призвали темные силы. Демон Смерти нашептал ей, отдал приказ, и она просто выполнила его волю.

Борей внимательно изучал кисть, размышляя, отмоется ли она в растворителе. При последних словах Кору он швырнул кисть через всю студию, отвернулся к холсту и попытался сосредоточиться на работе.

— Кора, я выиграл на скачках немного денег и хочу сделать тебе подарок. Завтра же пойдем по магазинам — куплю тебе все, что захочешь, — Алкамен улыбнулся девушке.

Та радостно вскрикнула:

— Да-да, пойдем, как только откроются лавки!

Петя хотел что-то сказать, но вовремя был предупрежден взглядом скульптора. О ссоре со штабс-капитаном Коре нельзя было говорить, иначе она внесла бы в грядущие события свои коррективы. А ее желание пойти по лавкам чуть свет можно игнорировать, потому что вставать рано поэтесса не любила, и все ее рассуждения о «златокудрой Авроре» и первых лучах солнца были, скорее, данью литературным образам, чем реальностью.

В вечерних сумерках в окно студии кинул камешек Павленко, таинственными знаками вызвал во двор Борей, и они о чем-то пошептались. Вернувшись, художник бросил Алкамену: «В шесть утра». Кора ничего не услышала, так как что-то лихорадочно писала, заняв место, на котором обычно сидел Адам.

Ужин из трактира принес Алкамен, он же заботливо и аккуратно накрыл стол. Спать разошлись непривычно рано.

На рассвете художник и скульптор встретились в коридоре пансиона и, забрав свои вычищенные штиблеты, на цыпочках вышли на улицу.

— Об одном прошу тебя, Алкамен, — никому не рассказывай в столице об этом случае. Я же стану всеобщим посмешищем.

Место для дуэли Серж выбрал по меньшей мере странное. С верхней стороны парк завершался великолепной лестницей вниз, которую венчала каменная беседка. Лестница была крутой, широкой, по обеим сторонам ее тянулась каменная ограда. За беседкой располагалась утоптанная площадка, на которой обычно собиралась веселая молодежь, студенты, представители разных сообществ. Они устраивали здесь импровизированные лекции и дискуссии. Там сформировался некий клуб, который обходили почтенные и солидные отдыхающие, дабы не портить себе настроение и здоровье на курорте.

На эту площадку и привел Серж Борей и Алкамена. Скульптор заявил себя в качестве второго секунданта, но было понятно, что это всего лишь предлог: он просто не хотел пропустить увлекательнейшего зрелища.

Штабс-капитан был бодр, свеж и полон сил. Может быть, он и сожалел о вчерашнем дне, как предполагал Серж, но по его виду этого сказать было нельзя. Однако в секунданты он выбрал юного подпоручика, на ко-

того, судя по всему, имел большое влияние, а, следовательно, все же не желал огласки.

Серж был на себя не похож. Он помолодел лет на десять, с вечера не пил ничего, крепче воды, и выглядел серьезным, осознавая важность своей миссии.

Борей злился, считая, что тратит время зря, лучше бы спать сейчас сладким сном, и подтянутый вид противника тоже настроения не улучшил.

— Так, господа, — откашлявшись, заговорил Павленко, — как распорядитель дуэли обязан напомнить вам о последней возможности помириться. Что скажете, мсье Бобров?

— Согласен, — буркнул Борей, обхватив себя руками, — чувствовалась утренняя прохлада, — времени жалко.

— А вы, господин офицер? — Серж любезно повернулся к штабс-капитану, который вызвал его уважение за хотя бы внешнее почитание дуэльного кодекса.

— Ни за что! — отчеканил тот.

Серж развел руками: мол, сделал, что мог, отошел в сторону с молодым офицером, тоже исполненным чувства ответственности. Они тихо переговаривали, ходили по площадке, мерили шагами расстояние. За ними с интересом наблюдал Алкамен. Борей, сдвинув шляпу на затылок, рассматривал верхушки деревьев. Штабс-капитан стоял, сложив руки на груди, отвернувшись в противоположную сторону.

— Господа дуэлянты, вот ваше оружие. — Павленко проверил пистолеты, которые принесли с собой военные, — можете становиться на позиции.

Художник отдал шляпу Алкамену и медленно побрел к отмеченному месту.

— Побыстрее нельзя? — процедил его противник.

Не удостоив его ответом, Борей встал у черты и принял из рук Павленко пистолет. Проверять ничего не стал, а просто держал, как будто размышлял, куда бы его забросить.

Штабс-капитан тоже занял свою позицию. Выглядел он довольно угрожающе.

— Господин Бобров, поскольку вы являетесь вызванной стороной, первый выстрел за вами, — официальным тоном провозгласил Серж, наслаждаясь от всей души.

Не глядя на противника, Борей выстрелил в воздух и отшвырнул пистолет в сторону.

— Шутить извольте, сударь, — усмехнулся штабс-капитан, — не хотите, как положено, стреляться!

— А как положено? — пожал плечами Борей. — Да и неинтересно мне это все. Вы хотели стреляться, вот и стреляйте.

Вспыхнув, как огонь, офицер выстрелил. Пуля пролетела мимо виска художника, едва не задев его.

— Так, второй выстрел, — радостно потер руки Серж, поднимая пистолет Борей и буквально всовывая ему в руки.

Точно так же художник пальнул в небо, но пистолет на сей раз аккуратно положил на землю.

— Вы издеваетесь! — взревел штабс-капитан. — Можно было предположить, что такой, как вы, сумеет испортить все, даже дуэль.

— А зачем вы меня вызывали? — удивился Борей, — Я художник, а не бравый вояка, и не обязан подчиняться каким-то дурацким условностям.

— Дуэль — дурацкая условность? — зло прищурился офицер, — Не вам, сударь, судить, потому как лучшие люди России...

— Избавьте меня от повести о «лучших людях России»! — поморщился Борей. — У каждого свое представление о том, какими должны быть «лучшие люди России». Но со всей ответственностью могу заявить, что господа военные к ним не относятся.

— Вот как?!

Штабс-капитан забыл о своем выстреле и сделал несколько шагов вперед.

А художник сразу же после своего хода двинулся по площадке. Павленко заволновался: ни один из участников более не стремился к строгому соблюдению положенных правил.

Да-с, именно так! — Борей слегка передразнил голос противника. — Вы очень хорошо умеете развлекаться, пить и заставлять трепетать сердца вчерашних гимназисток. Ах, да, вас ведь еще учат танцевать. Танцы — обязательная дисциплина в кадетских корпусах и юнкерских училищах! Поистине — орлы!

— Вы, ничтожный мазила! Что вы можете знать о воинской службе, о ее тяготах? Это вы бесполезные существа — богема, ночи напролет читающие жалкие стишки и малюющие мерзкие холсты! Кокаинисты, развратники, пропойцы! Кто будет драться с врагом, когда царь и отечество призовут? Вы? Нет! Вы трусливо уползете в свои крысиные норы!

— Да, вы очень хорошо послужили царю и Отечеству... В Цусиме и Порт-Артуре, — выкрикнул Борей торжествующе, — драпали, шпорами звякая!

— Мерзавец!

Забыв обо всем на свете, штабс-капитан отшвырнул пистолет и бросился на врага с кулаками. Художник ввязался в драку не без удовольствия, отводя душу, молотил противника просто и без всяких изысков.

Вокруг них бегал Серж, всплескивая руками и приговаривая:

— Господа, господа, так нельзя! А как же правила?!

— Что вы волнуетесь? — спокойно спросил Алкамен. — В определенном смысле дуэль состоялась, противники сошлись... В ближнем бою, можете быть довольны.

Молодой подпоручик беспокоило оглядывался, вероятно, боялся, что кто-нибудь увидит их странную компанию. Его пригласили участвовать в традиционной дуэли, которые до сих пор случались в армии, и к ним относились с почтением. Но на деле все обернулось безобразной дракой, фарсом, издевательством над святыми вещами.

Алкамен заметил мучения юноши и, подмигнув, отвел его в сторону:

— Вот что я вам скажу, друг мой, идите-ка себе, так никто не узнает о вашем участии в этом... спектакле.

— Но как я могу покинуть своего товарища? — нервно спросил офицер.

— О, ему не до вас сейчас. Но когда он придет в себя, я ему скажу, что вам пришла срочная телеграмма.

В глазах скульптора замелькали искорки смеха, но молодой человек их не заметил, кивнул головой и был таков.

Драка шла с переменным успехом: Борей был могуч и силен, как бык, но и штабс-капитан не зря землю топтал. Даже в поднятой пыли было видно, что оба в крови.

— Мсье Алкамен, но это же насмешка над дуэльным кодексом, — жалобно проблеял Серж, пытаюсь привлечь скульптора к трудно выполнимой задаче прекращения битвы.

— Что делать, мсье Серж, все в нашей жизни — насмешка над какими-нибудь кодексами!

К неудовольствию распорядителя секунданта художника и не думал вмешиваться.

Лестница, которой заканчивался парк, пользовалась популярностью только у любителей здорового образа жизни. Обычные отдыхающие не слишком ее жаловали, несмотря на эффектный вид, из-за высоты и приличной крутизны.

И вот некоторые любители утренней свежести уже добрались до этого уголка. Вид двух катающихся на земле окровавленных господ, один из которых был в военной форме, не мог понравиться никому. Алкамен понял, что появление полиции — вопрос времени, и, позаимствовав у Сержа трость с серебряным набалдашником, ткнул ею в спину друга.

— Достаточно, милостивые государи, вы вполне развлекли нас зрелищем, достойным древнего Колизея. Я, конечно, не римский император, но наделяю себя полномочиями прекратить битву. Плебеи прибывают.

Его спокойный, всегда ироничный голос дошел не только до ушей, но и до сознания соперников. Одновременно оттолкнув друг друга, они поднялись с земли, задыхаясь и оттирая кровь с лиц.

— Вы так просто не отделаетесь, сударь, — немного отдышавшись, бросил штабс-капитан.

Борей упал на каменную скамью и принялся платком вытирать лицо.

— Да что вы ко мне пристали, что я вам сделал?

— Вы сами знаете. — Офицер подобрал с земли фуражку и отряхнул ее от пыли. — Вы соблазнили даму, которой я восхищался! А потом эта дама погибла. И вы, именно вы в этом виноваты!

— Тьфу, черт! — осмотрев свои руки, воскликнул Борей. Они были сбиты, все в ссадинах, а правая рука, которой он особенно усердствовал в драке, ныла, и двигать ею было трудно. — Проклятье! Теперь я не смогу работать дня два! Из-за ваших фанаберий, между прочим, Печорин доморощенный!

Возмущенный художник показал тыльную сторону ладони Алкамену.

— Друг мой, ты сам рвался в драку, разве нет? — поднял брови скульптор. — Кто мог бы тебя остановить?

— Ты прав, я сам виноват, чего набросился на него? — Борей мотнул головой в сторону штабс-капитана: — Что вы там сказали? Я у вас даму отбил?

Офицер подошел и сел на скамью рядом, демонстративно не отвечая.

— Понятно, не хотите говорить. А кто виноват, что вы интерес дамы удержать не смогли? Если бы вы были на моем месте, поступили бы также. В вопросах с женщинами я не признаю никаких рыцарских условностей.

— Хорошо, — разжал зубы военный, — согласен. Вы произвели лучшее впечатление, и она пленилась вами. Победителей не судят. Но она умерла! Кто виноват в ее смерти?

Борей молчал, хмуро промокая разбитые пальцы платком, который протянул ему Алкамен.

— Да, вам нечего сказать! Вы несете ответственность за смерть прекрасной молодой женщины!

— Думаю, что ответственность несет все же убийца, — упрямо нагнул голову художник и тихо добавил: — хотя доля моей вины тоже есть.

Он сам не заметил, как проникся к недавнему врагу если не симпатией, то пониманием и еще чем-то, что он пока не решался назвать «доверием».

— Ах, господа! — воскликнул Серж, вдруг вспомнив, что он распорядитель дуэли, — полагаю, что на этой дружественной ноте мы можем завершить нашу... наше... предприятие. Пожмите же друг другу руки, голубчики вы мои!

— Да я-то не против, — протянул израненную руку противнику Борей. — И как все же вас величать по имени-отчеству, штабс-капитан Пичугин?

— Николай Сергеевич, к вашим услугам, — сухо ответил офицер, но руку осторожно пожал.

— Ах, как славно! — Мысли Сержа мгновенно обратились к иным предметам: — А ведь окончание, столь радостное и благополучное, следует отпраздновать. Нет, так полагается, голубчик, — завел он, увидев, что Борей нахмурился и собирается отвергнуть заманчивое предложение.

— Да, отметить надо, — глядя в сторону, но косясь на недавнего врага, поддержал распорядителя Николай Сергеевич, — да и ... помянуть, а то как-то не по-христиански все это. До сих пор не похоронили...

Борей понял, что офицер говорит о Елене Сергеевне, подумал немного и согласился.

— Ты с нами, Алкамен? — повернулся он к скульптору.

— Нет уж, увольте. Пить поутру не в моих привычках. Кроме того, я обещался Коре пойти с нею по лавкам.

С этими словами Алкамен приподнял котелок и направился через парк к пансиону, где крепким сном еще спали Кора и, как он думал, Петруша.

Кора действительно нежилась в постели, щебет птиц за окном и первые лучи солнца не разбудили ее. А вот Петя давно не спал. Еще вечером наставник твердо дал ему понять, что на дуэль не возьмет, а красться за товарищами тайком молодой человек побоялся — его бы заметили, и тогда суровый нрав художника проявил бы себя в полной мере.

«Что же делать?» — ломал вечером голову Петруша.

И решил, что может он принести пользу только одним образом.

ГЛАВА 14

После ухода Борей и Алкамена молодой человек подождал еще минут пять, а потом вылез из постели, быстро оделся и на цыпочках вышел на улицу. У него и в мыслях не было преследовать друзей, потому что никаких навыков слежки не имелось, да и страх за наставника пробудил у него иные стремления.

Петя получил не только очень хорошее образование в одной из лучших классических гимназий Москвы. От своей доброй матушки он перенял и усвоил глубокую веру в Господа — к нему всегда обращался в трудные моменты жизни. Когда в последний год окончания гимназии сын богатого московского купца Десятникова отправился в Санкт-Петербург с высокими целями приобщения к искусству, он познакомился с молодым, но уже получившим некоторую известность художником Ильей Бобровым. Это знакомство, перешедшее после нескольких посещений ресторанов в дружбу, так повлияло на Петрушу, что он решился посвятить свою жизнь живописи.

Махнув рукой на университет, он готов был просто сбежать из дома, так что отец, боясь худшего, отпустил единственного сына в частное обучение. Господин Десятников, по зрелому размышлению, увидел в живописи больше пользы, чем вреда, благо сам еще был далеко не стар, крепок здоровьем и от дел отходить не собирался. Пусть дитя потешится, а там видно будет.

В Петербурге ученик Борея быстро понял, что религиозные принципы у столичной богемы не в чести, а потому скрывал возвращенные дома привычки к ежедневной молитве, посту и посещению храма, боясь насмешек и даже откровенных издевательств. Но в душе Петя оставался по-прежнему православным христианином, втайне от наставника и его друзей молился каждый день и, по возможности, ходил на службу.

Сейчас, с его точки зрения, настала необходимость обратиться к Высшей силе — это и был тайный способ молодого художника помочь учителю. Заодно Петя чувствовал, что запутался: некоторые поступки Борея беспокоили его, юноша не понимал и не принимал грубости художника с Корой. А после гибели Даши Сенцовой Петруша вдруг ощутил, как в душе его зреет протест — восприятие гибели другого человека Бореем виделось ему бесчувственным. И помощи просить он мог сейчас лишь за пределами суровой реальности.

В Кисловодске самым большим храмом был собор святого Николая Чудотворца с внушительным подворьем, воскресной школой и животворным источником. Отдыхающие, следующие заветам веры, обязательно посещали этот красивейший храм.

Петя хотел успеть на заутреню, но немного опоздал. Под строгим взглядом служки он занял свободное место и устремился мыслями своими к Отцу Небесному. Просьбы юноши были просты: он молился, чтобы Борей остался жив и здоров, чтобы больше никто не умирал загадочной смертью, чтобы все в их жизни стало, как прежде, и вернулся из заключения Адам. Поразмыслив немного, Петя робко попросил, чтобы Кора все-таки обратила на него внимание, потому что он «ее ужас как любит».

Служба шла, как положено, в окна храма прорвались первые лучи солнца, освещая алтарь, иконы и боковые пределы. Глубокий голос настоятеля проникал в самое сердце прихожан, душа очищалась от всего темного и тянулась к светлым и чистым мыслям. В глазах Пети защипало: он вспомнил теплый московский дом, дорогих своих родителей, друзей детства, оставшихся в другой уже жизни. Он сморгнул с глаз слезы, и вдруг земные заботы невольно дали о себе знать.

Неподалеку от него стояли Мерцалов и Диотима. Мэтр выглядел удрученным и казался слишком погруженным в себя, чтобы полностью отдать-

ся молитве. Он иногда забывал креститься, и непонятно было, слышит ли он вообще священника.

Диотима же, в скромном платье и черной круженной шали, наброшенной на голову, тоже выглядела расстроенной, но Петя заметил, что она горячо молится. Губы ее шевелились, крестилась она рьяно, чуть не падая ниц. По щекам катились слезы, но она их не замечала.

«Что это с ними?» — удивился Петя, не ожидавший от Мерцалова и его покровительницы тяги к исполнению церковных обрядов. Неужели они скорбят об умершей актрисе? Молодой человек знал только то, что подозревают самоубийство, а известно, как церковь относится к ушедшим из жизни подобным образом.

«Плохо мы о них думали, — расстроился Петруша, — а они оказались не такими черствыми. Искренне оплакивают госпожу Беркутову».

По окончании службы Диотима поставила несколько свечек, молилась перед иконами Богоматери, святого Николая и, к удивлению молодого человека, перед образом святого Сергия Радонежского. Мерцалов в это время тихо сидел на лавке, опустив глаза в пол, и не проявлял нетерпения.

Покидая собор, Диотима раздала щедрую милостыню, и вслед ей неслись благословения и пожелания счастья.

Петруша совсем пригорюнился, вспомнив, как они с друзьями потешались над ней, высмеивая и неподходящее имя, и не слишком привлекательную внешность, и безумное увлечение Мерцаловым. Как нехорошо они себя вели! Молодой художник дал себе слово относиться к людям более внимательно и постараться заглядывать вину перед госпожой Кукушкиной.

В студии он нашел Алкамена, накрывающего на стол. Скульптор не стал спрашивать, где был Петруша, видимо, подумал, что тот только что встал. История дуэли в его интерпретации выглядела так уморительно, что ученик Борея не смог удержаться от смеха. Алкамен был беспощаден: досталось и самим дуэлянтам, и распорядителю Сержу, высмеял он и секундантов — себя и юного подпоручика. Радуюсь, что все закончилось благополучно, Петя принял приглашение Алкамена пройтись по лавкам в поиске подарка для Кору. Вообще-то, у него была работа — наброски, которые он должен был показать Борею. Но раз художник отправился с другими участниками дуэли завтракать, то можно и не спешить.

Конечно, куда приятнее бродить по городу в компании Кору и Алкамена, мечтая, что скоро и Адам будет с ними. Поэтессу разбудили, послав к ней горничную, и пригласили на завтрак.

В то время как «господа художники» — почувствовали себя лучше настолько, что готовы были пуститься в развлечения, пристав Шахмурзиев, напротив, дошел до крайней точки отчаяния.

Едва он успел позавтракать, как его вызвал градоначальник. Главу города интересовало, как идет следствие по делу об убийстве Притокиной Елены Андреевны. Разговор велся не то, чтобы на повышенных тонах, но все же оказался достаточно неприятным для пристава. Полицейскому пришлось признаться, что твердых доказательств против главного подозреваемого, господина Желевского, нет. При этом Шахмурзиев подавил в себе искушение взвалить все на молодого поэта. Исправный служака и человек глубоко справедливый, пристав не смог пойти против совести даже под угрозой для собственной карьеры. Доложил он и о беседе со штабс-капитаном Пичугиным, участие которого в убийстве также представлялось маловероятным.

По счастью, винить за последнюю смерть полицию градоначальник не стал, поморщившись, отметил, что «эти актерки и не на такое способны», но потребовал усилить бдительность и не допускать более нарушений порядка, как он пафосно выразился «в самом сердце нового европейского курорта».

Основные претензии к работе пристава, конечно, касались трагической гибели госпожи Притокиной. Пришлось сначала отмалчиваться, потом кивать головой и давать обещания, в выполнении которых у бедного Шахмурзиева полной уверенности не было.

В участке его настроение ничуть не улучшилось, когда он узнал, что арестованный Желевский уже больше суток ничего не ест и не пьет, отказывается общаться и выглядит хуже некуда.

Но самая неприятная новость настигла пристава перед обедом, когда Шахмурзиев раздумывал, не обратиться ли к помощи докторов по поводу здоровья арестованного.

Как будто по желанию, доктор явился к приставу сам, но по его лицу Джабраил Муртазиевич понял, что события принимают нехороший оборот.

— Я к вам, господин Шахмурзиев, по поводу нашей вчерашней покойницы, — вздохнул медик, усаживаясь на неудобном стуле, — проведенное вскрытие выявило... Ну-с, я вам расскажу, а вы уж сами решайте, что да как.

Пристав понял — врач пытается умыть руки.

— Что ж, делитесь сведениями, — хмуро буркнул Джабраил Муртазиевич и чуть не добавил вслух, куда эти сведения лучше всего отправить.

— А дело вот в чем. Дама эта, оказывается, была просто напичкана морфином, можно сказать, что доза была убийственная.

— Ах, так! — пристав оживился и про себя удивился, что доктор мрачен, когда картина, кажется, совершенно очевидна. — Стало быть, она была морфинисткой. Слышал я, что это в артистических кругах явление весьма распространенное.

— Возможно, что и так, да только именно эта актриса морфинисткой отнюдь не была... Во всяком случае, непохоже.

— Бросьте, любезный доктор! — махнул рукой Шахмурзиев. — Госпожа Беркутова приняла морфин, отправилась на ночную прогулку и под действием его удавилась, вот и все!

Почтенный медик обиделся.

— Позвольте, Джабраил Муртазиевич! Вы что же, не доверяете моему профессиональному опыту?

— Помилуйте! Доверяю, разумеется, иначе не призвал бы вас для участия в столь щекотливом деле.

— Тогда слушайте! Дело в том, что свойства морфина проявляют себя в разных случаях по-своему. Все эти господа из «артистических кругов», используют его как возбуждающее средство. А ведь первоначальное его свойство — наркоз при операциях. Что они, эти господа, делают? Пьют алкоголь, а потом принимают морфин, чаще всего, впрыскивают шприцем. Смешанный с алкоголем, он вводит их в состояние экстаза — они не чувствуют усталости, могут долго не спать, ощущают себя... Как будто у них крылья за спиной!

— А я о чем говорю? Дамочке и показалось, что у нее за спиной крылья...

— Постойте, Джабраил Муртазиевич, я еще не все сказал. Во-первых, нет никаких признаков того, что она впрыскивала морфин постоянно, вообще, она была очень здоровой молодой женщиной. Но самое главное, она ни капли, слышите, сударь, ни капли не пила, так сказать, из чаши Бахуса.

— Ну и что сие означает? — упрямо наклонил голову пристав, все еще надеясь, что самоубийство легкомысленной актрисы можно будет доказать.

— А то и означает, что морфин в таком количестве должен был ее усыпить, то есть подействовать в прямом своем назначении. Именно так и произошло — она заснула. И никак не могла повеситься, ко времени своей смерти она спала крепким сном минут пятнадцать, я бы сказал.

— И вы так вот точно можете определить, когда она заснула? — недоверчиво спросил Шахмурзиев.

Доктор помялся:

— Конечно, не так уж и точно, но мы знаем дозу, которую она получила плюс примерное время приема морфина, плюс физические данные, вот отсюда я могу рассчитать примерное время, когда она заснула и, опять же примерное, время ее смерти.

— Простите, милейший, но я понял так, что точно вы ничего определить не можете, — фыркнул пристав, — одни предположения, а факты?

— Ох, и трудный вы человек, господин Шахмурзиев, — устало вздохнул медик, — говорю же вам... Одним словом, некоторые врачи изучали свойства морфина... на себе.

— И вы тоже? — усмехнулся Джабраил Муртазиевич.

— Нет-с, сударь, — вспыхнул доктор, — но статьи читал, наблюдал за больными во время операций, да что говорить! Докладываю вам, что госпожа Беркутова не могла самостоятельно привязать крепко-накрепко таким узлом шарф к ограде, перелезть через нее и прыгнуть вниз, вот вам мой сказ!

Пристав недовольно засопел и некоторое время, успокаиваясь, перебирал на столе бумаги.

— Думаете, ей помогли? — наконец спросил он.

— Если исходить из результатов вскрытия — да. Доза была такова, что она, скорее всего, просто не проснулась бы.

— Смерть и так, и так... — задумчиво пробормотал Шахмурзиев, — странно это. Неужели опять наш душитель объявился?

— Насколько помню первые два случая, он душил руками за горло. Причем, обе жертвы были в полном сознании. Госпожа Беркутова заснула, и ее можно было спокойно задушить. Почему же он этого не сделал?

— Так, — пристав подобрался, как гончая, — так-так. Есть у меня несколько предположений.

Но тут же замолчал и дальше мысль развивать не стал. Доктор подождал немного и понял, что ему не стать наперсником начальника местной полиции, по крайней мере, сегодня.

— К вечеру передам вам докладную записку о вскрытии, — сухо завершил беседу немного обиженный медик.

— Буду ждать с нетерпением, голубчик, — пробормотал Шахмурзиев, думая о чем-то своем. Ах, простите, не скажите ли, как, собственно говоря, покойная госпожа Беркутова приняла морфин? — вдруг неожиданно спросил он.

— Тут и думать нечего, — пожал плечами доктор, — содержимое желудка... м-м-м, если простым языком, ела она мало, ничего, как я уже сказал, спиртного не пила, но вот от кофейку не отказалась. Так в кофе морфин и был.

— Благодарю вас, сударь мой, и за доклад, и за вашу работу. Да, вот еще, не будете ли вы так любезны посетить нашего арестанта. Я за него беспокоюсь, от пищи отказывается, ведет себя как-то...

— Отчего же не посмотреть, Джабраил Муртазиевич.

Врач покинул кабинет пристава, и дежурный городской повел его в арестантскую. А Шахмурзиев углубился в работу, забыв о времени и что-то быстро набрасывая на листах бумаги.

Более славное времяпровождение ожидало Алкамена, Петю и Кору. Впервые с начала трагических событий у всех троих было хорошее настроение. Кроме того, с ними не было Борея, и его отсутствие сказалось весьма благотворно. Весело болтая и пересмеиваясь, бродили они по многочисленным лавкам, в основном, небольшим, но очень уютным. Рассматривали товары, свозившиеся в маленький городок с разных краев Российской империи — товары эти должны были потакать самым взыскательным вкусам состоятельных отдыхающих.

Галантерейные лавки старательно следовали сезонной моде, и дамы могли приобрести здесь все необходимое по последнему парижскому шик: от нижнего белья до пальто: в модных лавках обязательно лежали свежие журналы «прямо из Парижа».

Особое место на курортном бульваре и в ближайших кварталах занимали ювелирные магазинчики, при которых часто находились мастерские, так что украшения можно было сделать на заказ.

В этих торговых рядах витала аура спокойной уверенности в завтрашнем дне, а посетителей охватывала какая-то лихая и веселая круговерть, способствующая легкому расставанию с приличными суммами денег.

Кора носилась по лавкам, придирчиво рассматривая витрины — ее утонченная душа алкала чего-то совершенно необыкновенного. И Алкамен, и Петя готовы были купить ей, что угодно, но поэтесса не спешила с выбором.

Петя вспомнил, что Кора хотела подобрать себе какие-то особенные перчатки под холодную столичную осень, и они зашли в магазин.

Выбор перчаток был огромен — наступал сезон, и хозяева предлагали товар от лучших мастеров. Поэтесса капризничала долго, и с приказчика сошло семь потов, так старался он угодить странной покупательнице. В конце концов, надув губы, Кора объявила, что все убого и совершенно ей не подходит. Добросердечный Петруша, дабы не огорчать работника, предложил выбрать перчатки себе, а Алкамен его поддержал. В результате они приобрели по паре английских лайковых перчаток самого, как заверил их довольный приказчик, модного оттенка — «ноябрьский дождь».

Весело рассуждая, какой «ноябрьский дождь» имелся в виду: лондонский или местный, набрели друзья на крохотную ювелирную лавку.

— О, здесь мы еще не были! — воскликнула Кора и забежала внутрь, вспугнув умывающуюся на крыльце кошку.

Разумеется, Петя и Алкамен последовали за ней.

Внутри было довольно темно и тесно, но дух захватывало от удивительных вещей, сделанных, без сомнения, с любовью и большим мастерством.

— Это же сокровищница Гарун аль-Рашида! — счастливо выдохнула Кора.

— Скорее, сокровищница Али-Бабы! — покачал головой Алкамен.

— Просто сказки «Тысячи и одной ночи»! — восхитился Петруша.

Хозяин, пожилой армянин, улыбаясь, охотно показывал им разные вещи, подчеркивая, что каждая из них существует в единственном экземпляре. Из этого следовало, что цена будет соответственной. Алкамен лихорадочно прикидывал, хватит ли его выигрыша хотя бы на одну безделушку — брать деньги у Пети он не хотел.

— Вот, барышня, полюбуйтеся.

Хозяин протягивал Коре украшения одно за одним, и она примеряла, смотрясь в старое зеркало, любуясь и собой, и «сокровищами».

— Что это за камень? — поинтересовалась она, перебирая в руках серебряное ожерелье.

— Это, барышня, малахит, к вам очень идет, — хозяин говорил с мягким акцентом, голос его как будто обволакивал покупателей.

— Ах, зеленое я не очень люблю, — покачала головой девушка.

— Странно, ведь это цвет молодости, жизни, — уговаривал ее владелец сокровищ.

— Нет, нет, мне мило все, что связано со смертью, она таинственна и великолепна! В ее мрачности столько поэзии! — вздохнула Кора.

Почтенный хозяин если и удивился, то вида не подал, а отошел в дальний конец прилавка и что-то достал из небольшой коробочки.

— Может, милой барышне понравится это, — он протянул на ладони кулон в виде плода граната. Металл был обработан эмалью так тонко, что имитировал неровности на кожице фрукта. Но это было еще не все: владелец украшения нажал невидимую кнопку, верхушка плода откинулась, и внутри показались зернышки граната, сделанные из самоцвета того же названия.

— Ах, — вскрикнула Кора, протягивая руки к украшению, — какая очаровательная! В стиле «пустячков» Фаберже!

— В Персии плод граната символизирует любовь и благополучие, и к смерти отношения не имеет, — сказал хозяин.

— А у греков он говорит о надежде на воскрешение и возвращение весны, — добавил Петруша. — О, Кора! Это же твой символ! Как мы раньше не догадались!

— Правда? — Кора надела кулон на одну из своих цепочек и рассматривала себя в зеркале. — Никогда об этом не думала.

— Конечно, — согласился Алкамен, — ведь другое имя Кору — Прозерпина.

Кора резко повернулась, глаза ее загорелись.

— Да! Гранат может меня доставить к Аиду в подземное царство! Это именно то, что я хотела, — улыбаясь, сообщила девушка скульптору, и тот понял, что она не откажется от кулона ни за что на свете.

— Он твой, Кора, — склонил голову Алкамен, решив отдать за украшение все, что у него есть.

— Смотрите, со смертью лучше не играть. Хотя гранат, безусловно, подходит творческим натурам, — склонил голову набок армянини, разглядывая украшение на девушке.

— Но сама Смерть — это игра, — засмеялась Кора. — Я буду ждать своего Аида, похищающего меня. И стану его Вечной Подругой.

— И вы не боитесь, что эта вещица может вас погубить? — шутливо погрозил пальцем хозяин магазина.

— Я приму свою судьбу и пойду по пути смерти, — гордо ответила поэтесса.

Цена была немалой, но все же далека от подлинных «пустячков» Фаберже. Довольный, что сдержал свое обещание и купил подарок, скульптор вывел спутников на улицу, они зажмурились от яркого солнца, плеснувшего в глаза после сумерек полуподвального помещения.

— Ты веришь в эти предсказания, насчет магии украшений, их связи с владельцами и прочее? — спросил Петруша Кору.

— Конечно! Я обожаю эти истории! Камни и металлы обладают огромной магической силой, я в этом уверена.

— Басни полуграмотных людей! — бросил Алкамен. — Камни — это минералы, произошедшие естественным путем. Они являются частью материального мира, и не могут оказывать «благое» или «злое» влияние на человека. А металл так и вовсе должен быть направлен на земные потребности человека.

— Фу, какой же скучный, — поморщилась Кора, — как ты можешь творить с такими взглядами? Ты и во вдохновение не веришь?

— Верю, милая, конечно, во вдохновение я верю... как в причинноследственную связь, предлагающую человеку возможность выбора метода и путей реализации своих взглядов.

— Не хочу, не хочу слушать тебя! — поэтесса прижала ладони к ушам. — Ты не считаешь искусство чем-то возвышенно-потусторонним, а воспринимаешь как самую обыденную вещь!

— Ты права, — кивнул скульптор, — искусство лежит по эту сторону мира, а не по ту. Доказательством служит то, что ты выражаешь свои мысли словами здесь, находясь в этом самом скучном мире, дорогая.

— Это так, — согласилась Кора, — но слова приходят ко мне откуда-то из другого мира, я в этом уверена. Как будто кто-то мне их нашептывает. — Она помолчала, обдумывая что-то, а потом негромко добавила: — Иногда мне кажется, что все эти смерти — прелюдия моей собственной. Напоминание, что и мне тоже надо готовиться уйти туда.

— Что за мысли, милая моя! — воскликнул Алкамен.

И Петруша немедленно присоединился к нему, убеждая Кору, что все это пустое, что она не должна так пугать своих друзей...

— Будет вам, будет! — рассмеялась поэтесса. — Все пустяки. Да и смерти я не боюсь, как другие глупцы — я ее даже жажду! И почему она посетила всех этих ничтожных куриц, а не меня? Мне обидно! Что нашла Она в этих простых и незатейливых душах?

— Кора, тебе надо больше есть, чаще бывать на свежем воздухе и меньше общаться с поэтической братией, — серьезно сказал скульптор, осторожно беря девушку за руку, — и все эти глупости забудутся. Не пойди ли нам выпить кофе, господа хорошие?

Петя согласился бы, да вспомнил, что гуляют они давно, а Борей понятия не имеет, куда они подевались. Он напомнил друзьям об учителе, и они немедленно направились в пансион.

Борей сидел в мастерской и пил крепкий чай. Когда Петя, Кора и Алкамен вошли в студию, он поднял на них усталые глаза и сурово спросил:

— Где вы ходите? Адама забирают в сумасшедший дом.

ГЛАВА 15

— Нет! Не может быть! — закричал Петруша в отчаянии: его из доброй сказки неожиданно вернули в жестокую реальность.

Кора и Алкамен молчали.

— Чего не может быть? — буркнул художник. — Мне его благородие сказал, и непохоже было, чтобы шутил. Адам ничего не ест, ни с кем не желает общаться. Доктор увозит его в Пятигорск.

— Надо бежать! — Петя переводил взгляд с одного на другого. — Мы должны что-то делать.

Никто не отозвался, Борей пожал плечами и вздохнул. Кора зарыдала и убежала к себе. Алкамен отвел глаза от настойчивого Петруши, сел напротив друга и заговорил — просто чтобы что-то сказать.

— Когда ты виделся с приставом?

— Мы позавтракали с Пичугиным, а мсье Серж быстро набрался. Знаешь, как он невыносим, мы постарались от него избавиться и покинули трактир. Попрощались, штабскапитан ушел, а я столкнулся с Шахмурзиевым возле участка.

Борей немного помолчал и тихо продолжил:

— Он разговаривал со мной даже вроде бы с сочувствием... Толку от этого никакого, но... — художник невесело усмехнулся и осторожно дотронулся до кровоподтека на лице. — Господин пристав даже не высказался по поводу моего непрезентабельного внешнего вида.

Казалось, его больше всего удивила человечность, проявленная полицейским чином к тем, кого он почитал источником беспокойства и всех возможных неприятностей. Алкамен эту тему не поддержал, а почему-то заинтересовался Сержем.

— А что же наш дуэльный распорядитель? Может статья, его надо было доставить под крыло сестрицы? А то дел натворит сей побитый молью сатир...

— Еще недоставало! — возмутился Борей. — Мы за него ответственности не несем. Да и был он в таком состоянии, что вскорости просто свалится с ног. Ничего с ним не случится!

— С ним — да, а вот с другими...

Алкамен покачал головой, осуждая то ли легкомыслие друга, то ли степень падения господина Павленко.

— Прости, общение с мсье Сержем приносит мало радости, но мне и в голову не приходило, что он может что-то натворить, — искренне удивился Борей.

— Боже мой! О чем вы толкуете! — не выдержал Петя. — Как можно сидеть тут и мирно беседовать, когда с Адамом такое случилось!

Борей и Алкамен будто не слышали молодого друга. Догадавшись, что поддержки ему не дожидаться, Петруша выскочил из студии, забыв шляпу, и понесся по переулкам к участку.

Перед входом в полицейский участок стояла карета «скорой помощи», запряженная парой лошадок. Карета представляла собой усовершенствованные дрожки с пристроенной сзади закрытой частью.

Петя, задыхаясь, подскочил к извозчику, лениво лузгающему семечки.

— Где он? Где Адам?

Извозчик равнодушно оглядел встрепанного барчука и неопределенно махнул рукой. Как раз в этот момент на крыльце показались два здоровых урядника, ведущих Адама. Его руки были прочно связаны за спиной, голова опущена, двигался он как-то механически. Следом вышли пристав Шахмурзиев и доктор. Пока Адама запихивали в дрожки, Петя метался вокруг, безуспешно пытаясь привлечь внимание поэта.

Вдруг откуда ни возьмись появился шустрый молодой человек в канотье и простом сюртуке.

— Господин Шахмурзиев, могу ли я задать несколько вопросов? — громко спросил ретивый журналист (род его деятельности сомнений ни у кого не вызывал).

Не дав полицейскому и рта раскрыть, он бросился в атаку:

— Куда увозят подозреваемого в убийстве госпожи Притокиной? На какой стадии находится расследование? Правда ли, что есть еще пострадавшие, но полиция скрывает эти сведения от обывателей? Ожидаете ли вы продолжения цепи ужасных событий?

Джабраил Муртазиевич нахмурился и собирался позвать своих подчиненных, дабы они пресекли поток вопросов любопытного писака, но тут неожиданно на слово «убийство» отреагировал Адам. Он рванулся из дрожек, глаза его пылали, впалые щеки чуть порозовели.

— Убийства! Я знаю, я видел! Мертвые девы! Они прекрасны! Они ждут новую подружку!

Ни доктор, ни пристав не успели ничего предпринять, а несчастный поэт уже поник и снова ушел в себя.

— Ну, что вы там строчите? — рассердился доктор, заметив, что репортер что-то записывает в потрепанный блокнот. — Вы же видите, человек не в себе! Как можно к его словам серьезно относиться?

— Так куда же увозят господина Желевского? — невозмутимо поинтересовался журналист.

— В Пятигорск, его необходимо серьезно обследовать и лечить... Если, конечно, это возможно. — недовольно ответил доктор.

Внимание репортера молниеносно переключилось на Петю:

— Господин Желевский ваш друг? — быстро спросил он художника. — Не замечали ли вы за ним ранее каких-либо печальных отклонений?

Петя попятился от назойливого молодца, все еще не веря глазам своим, как в дурном сне тряс он головой, надеясь проснуться.

— Не хотите говорить? — усмехнулся его мучитель. — Ничего! Мы еще встретимся!

Так как Шахмурзиев явно не собирался более терпеть его присутствия, репортер исчез в ближайшем проулке, показав недюжинную профессиональную хватку и отличный нюх на то, в какой момент лучше всего покидать почтенное общество.

Карета «скорой помощи» тронулась с места, как только доктор и один из урядников разместились в ней. Пристав подошел к грустно смотрящему ей вслед Пете и по-отечески тронул его за плечо.

— Вот что я вам скажу, юноша. Ступайте-ка домой да приведите себя в порядок. Печально, что с вашим другом приключилось такое. Да, может, еще и вылечат его... Медицина сейчас — не то, что в былые годы...

Совсем как маленький мальчик, Петруша рукавом сюртука вытер набежавшие на глаза слезы и побрел в пансион.

Шахмурзиев, глядя вслед молодому художнику, покачал головой и вернулся в свой кабинет. Там он еще раз перечитал свои заметки, доклад доктора, и заметил, что актриса Беркутова снимала комнату в том же пансионе, адрес которого оставил штабс-капитан Пичугин. Эх, невелика зацепка — в небольшом городе легко могли оказаться соседями приезжие из разных мест. И все же допросить офицера следовало, хотя бы за тем, чтобы показать городским властям — пристав не упускает даже самой малой детали. К тому же фамилия штабс-капитана упоминалась в связи с делом госпожи Притокиной.

Городовой нашел Пичугина в пансионе, куда тот вернулся после дуэльной эскапады и последующего примирения в трактире. Нельзя сказать, что просьба Шахмурзиева пройти до участка вызвала у офицера восторг, но привычка к армейской дисциплине не позволила высказывать неудовольствие. На самом деле штабс-капитан Пичугин был уверен, что пристав вызывает его по поводу дуэли с Бореем, и был немало удивлен, когда ему стали задавать вопросы о том, был ли он знаком с госпожой Беркутовой.

Искренность военного, отрицавшего любое общение с актрисой, убедила Шахмурзиева, да он и не ожидал чего-либо иного. Пансион вдовы Прилеповой пользовался популярностью у представителей среднего сословия из-за чистоты и достаточного комфорта в сочетании с умеренными ценами.

Вид Пичугина, тем не менее, привлек внимание пристава, и он, поблагодарив офицера за понимание, не преминул задать вопрос о ранах и ссадинах на лице и руках посетителя. Нечто подобное Шахмурзиев уже видел сегодня.

— Что это с вами приключилось, сударь мой? — Шахмурзиев всем своим видом давал понять, что официальная часть беседы завершилась. — Право слово, я беспокоюсь.

— Не стоит, я всего лишь проявил неосторожность, штурмуя ранним утром одну из скал.

— Что вы говорите! — покачал головой пристав. — Позвольте полюбопытствовать, не в компании ли господина Боброва, именуемого себя Бореем, вы ... эээ, штурмовали ранним утром одну из скал?

Штабс-капитану потребовалось время, чтобы оценить ситуацию, и он хмуро молчал, рассматривая письменный прибор на столе пристава, делая вид, что не замечает иронии во внешне добродушных словах полицейского.

— Полагаю, что есть некоторые стороны жизни, которые не касаются вашего ведомства, — наконец выдавил из себя Пичугин, втайне надеясь, что ему удалось выйти из сложного положения с достоинством.

— Кто знает, уважаемый, кто знает. — Глаза Шахмурзиева лукаво блеснули, впервые за несколько дней перед ним выстроилась близкая к правде картина, в которой роли каждого из участников истолковать труда не стоило.

Пристав поддался искушению выступить в роли «серого кардинала», держащего в руках нити сразу нескольких интриг. Он и понятия не имел, к каким последствиям приведет его, казалось бы, безобидное желание слегка поиграть на нервах Пичугинеа.

— Ну-с, вы правы, Николай Сергеевич, простите, что вмешался в частную жизнь — привычка-с, ничего не поделаешь! А в том, что с погибшей госпожой Беркутовой вы не были знакомы, я и не сомневался. Так что простая формальность...

Штабс-капитан заметно расслабился.

— Да, я слышал, что погибла одна из постоялиц пансиона — прислуга везде одинаково болтлива. Но это, кажется, самоубийство, не так ли?

Шахмурзиев развел руками.

— Идет следствие, пока не могу ничего вам сказать. Вы попали в поле моего зрения лишь потому, что с трагически скончавшейся дамой был знаком господин Бобров... Так же, как и с госпожой Притокиной... Ну, и вас вот пришлось побеспокоить...

Пичугин впал в задумчивость, и пристав, понимая, что штабс-капитан не из породы «быстрых разумов Невтонов», решил подбросить в костер дровишек.

— Вероятно, вы слышали, что у несчастной Елены Сергеевны была найдена роза, подаренная ей господином Бореєм? Открою вам, Николай Сергеевич, тайну: такую же розу нашли у первой убитой девушки — Дарьи Сенцовой. И теперь вот у госпожи Беркутовой — то же самое.

В сущности, никакой тайны следствия Шахмурзиев не раскрыл перед Пичугиным — о розе было известно многим хотя бы потому, что у фонтана с телом Даши присутствовали случайные свидетели, и разговор о цветке велся прилюдно. Так или иначе, но эта деталь всплывала во всех досужих сплетнях. Господин Павленко, отведав даров Бахуса, в общественных местах то и дело кричал о прекрасных девах с розами в волосах, а что-то из разговоров художников и компании Мерцалова могли подслушать слуги. Зато о многих других особенностях знали лишь единицы. Потому пристав легко пожертвовал сведениями, надеясь, что заронил зерно, из которого что-нибудь да вырастет.

Конечно, Шахмурзиев, догадавшись о том, что штабс-капитан и Борей сошлись лицом к лицу в битве, не мог знать о том, как она завершилась. То, что между врагами возникло взаимопонимание, широкой огласки не получило. Пристав предполагал, что Пичугин станет провоцировать художника, быть может, пойдет на открытый скандал, тогда можно понаблюдать за реакцией Борея, и тут уж Шахмурзиев дал себе слово глаз с него не спускать!

После ухода штабс-капитана Шахмурзиев вызвал самого толкового урядника и велел тому тайно вести наблюдение за офицером, особо докладывать о его встречах и разговорах с художником Бобровым.

Николай Сергеевич Пичугин постоял на крыльце участка пару минут, потом одернул мундир и решительно направился к мастерской художников.

Примерно в это же время Серж Павленко, не так давно покинутый штабс-капитаном Пичугиным и Бореем, будучи в отличном расположении духа, намеревался отвлечь Мерцалова и сестрицу от грустных мыслей и прорысил к «Гранд-отелю». После очень позднего завтрака Валериан прилег на кушетку и попросил Дею оставить его одного. Немного поколебавшись, она выполнила просьбу сердечного друга.

— Ты не возражаешь, если я пройдусь немного? — спросила она.

— Ни в коей мере, душа моя, — слабым голосом ответил Валериан, — а если тебя не затруднит, то я хотел бы повидаться с Сержем.

— Зачем? — удивлению Деи не было границ. — Он и в обычных обстоятельствах действует на нервы, а теперь...

— О! Я прошу о такой малости!

— Ну, хорошо, как тебе будет угодно, друг мой.

Пока Дея вызывала горничную, Серж как раз вернулся в отель, полный новых впечатлений. Не без сомнений Дея оставила брата наедине со страдающим кумиром, она бы с радостью подслушала их беседу, но в большом и шумном отеле это казалось невозможным. Пришлось ей бродить по аллеям, кусая губы и одергивая без всякой нужды изящные тонкие перчатки. Ее беспокоил Мерцалов, беспокоил Серж, хотя по иным причинам, а счастье, казавшееся совсем близким, словно ускользало из рук. Но не такова была Диотима, чтобы сдаваться — она будет бороться! Ничто и никто не отнимет у нее Валериана.

На самом деле разговор Мерцалова и Сержа не занял много времени, а в конце его некая сумма перекочевала из рук поэта в карманы Павленко, что еще больше повысило его настроение. Историю о дуэли Валериан выслушивать не пожелал и отослал наперсника прочь, однако, не столь бесцеремонно, как обычно, а ссылаясь на недомогание и даже пожимая руку тому, кого привык едва замечать.

— Я, голубчик мой, все понимаю, — лопотал довольный Серж, — все сделаю, как ты сказал. Дело-то тонкое, тут надо с подходцем, да-с...

— Дея... — простонал Мерцалов. — Она ничего не должна знать...

— А как же, Валериан! Зачем ее тревожить понапрасну? Но ты, голубчик, однако же и затеял, хе-хе, авантюрищу! Просто Александр Дюма, хе-хе, романс...

— Ты, Серж, ступай себе с Богом. А я вздремну немного. — Мерцалов эффектно откинулся на подушки.

— Да-да, дорогой ты наш, отдыхай, а я вскорости принесу тебе оливковую ветвь, символизирующую...

— Ступай, Серж, ступай...

В мастерской царило мрачное настроение. Петруша, вернувшись, ничего не сказал, друзья его не расспрашивали. Борей попросил ученика заняться красками, но не настаивал, разговаривал с ним по-дружески. Петя равнодушно пожал плечами и ушел в привычную работу. Алкамен развлекал Кору беседой, Борей рисовал. Кора пыталась привлечь внимание художника, рассказывая об утренней прогулке по городу, о покупках, передразнивала приказчиков, Петрушу, но Борей ее не слушал. На новое украшение даже не взглянул — отмахнулся. Неожиданное появление штабс-капитана Пичугина хоть и удивило всех несказанно, но внесло свежую струю в начинавшую сгущаться атмосферу.

— Прошу прощения, господа, но возникли некоторые обстоятельства, и мне хотелось бы обсудить с Ильей Михайловичем... — штабс-капитан замолчал, оглядывая мастерскую.

Алкамен предложил офицеру стул, Кора присела рядом, впившись горящими глазами в гостя, явно смущая его. Даже Петруша немного оживился.

— Говорите смело, Николай Сергеевич, у меня нет секретов от друзей, — Борей вытер испачканные грифелем руки, — но тебя просил бы удалиться, — он небрежно кивнул в сторону Кору.

Поэтесса вспыхнула было, но так как даже Алкамен не выступил в ее защиту, гордо покинула мастерскую.

После ее ухода штабс-капитан со свойственной ему прямоотой общил:

— Я только что от пристава. Считаю своим долгом сообщить, что господин Шахмурзиев подозревает вас в убийстве актрисы Беркутовой, как и в двух других убийствах.

Офицера несказанно поразила реакция слушателей: Борей расхохотался, Петруша тут же потерял всяческий интерес к гостю и вернулся к своим зарисовкам. Алкамен покачивал головой, казалось, разделяя беспокойство Пичугина, но никакого удивления не выказал.

— Как вы могли заметить, любезный Николай Сергеевич, для меня подозрения господина Шахмурзиева откровением не являются, — успокоил офицера Борей, — но хотелось бы знать, зачем он вас посвятил в это?

Пичугин поведал о своей встрече с приставом, пересказал ее содержание дословно, без лишних эмоций и авторских ремарок.

— Да-а-а, — потер подбородок Алкамен, — полагаю, господин Шахмурзиев настолько запутался, что вынужден был прибегнуть к этакому макиавеллиевскому приему.

— Ничего не могу сказать о его приемах, но я слышал, что актриса закончила жизнь самоубийством. Выходит, это не так? — Пичугин нахмурился.

— Выходит, не так, — вздохнул Борей, — и вероятно, Мерцалов и госпожа Кукушкина никакой ясности не внесли в это странное дело.

— Одно мы можем сказать совершенно точно: смерть госпожи Беркутовой почему-то сильно беспокоит пристава, и он сомневается, несмотря на ни на что... Даже несмотря на пресловутую розу.

— Ну-с, ничем не могу ему помочь, — процедил Борей, — хотя был бы рад. Мне не доставляет удовольствия находиться в центре внимания полицейских. Хотелось бы найти хоть что-то, чтобы меня оставили в покое.

— Что же делать? — вскинул брови Алкамен. — Ты не можешь вести самостоятельное расследование... Не имеешь права...

— Это почему? Я не имею права обелить свое имя?!

— О, я не об этом. Речь о твоих возможностях. Например, госпожа Беркутова куда больше отношения имеет к Мерцалову, чем к тебе. Но приходится мириться с тем, что Валериана пристав всерьез не воспринимает. И кто его осудит?

— Ты прав! — глаза художника сверкнули. — Наверняка можно было бы предъявить что-то Мерцалову!

— Конечно, Николай Сергеевич проживает там же, где снимала комнату госпожа Беркутова... — начал Алкамен, но тут же осекся: — Бог знает, что я говорю...

— Нет-нет! Какая мысль! — Борей вскочил и заметался по мастерской, — Я тут с ума сойду, ничего не предпринимая. Николай Сергеевич знает расположение пансиона, где находится комната актрисы.

— Простите, господа, но комната закрыта полицией, туда нельзя входить, — вмешался Пичугин, — я бы рад посодействовать, но...

— Вот именно, — согласился с ним Алкамен, — пристав за это по головке не погладит.

— На каком этаже ее номер? — Борей встал перед Пичугиным, не обращая внимания на слова друга.

— На первом, через один от моего.

— Окна выходят на улицу?

— Нет, в небольшой сад позади пансиона. Что вы задумали?

— Николай Сергеевич, я дал вам слово чести, что не виновен в гибели Елены Сергеевны. Даю вам также слово, что никакого отношения не имею к смерти госпожи Беркутовой. Согласны ли вы помочь мне сегодня ночью забраться в ее комнату? Пристав подозревает меня, а я, в свою очередь, отнюдь не уверен в том, что полиция выполнила свой долг до конца. Вдруг я что-нибудь найду в номере госпожи Беркутовой, что пристав пропустил?

— Обыскивать комнату дамы, рыться в ее вещах! — возмутился офицер, но тут же продолжил уже спокойнее:

— Хотя... Учитывая обстоятельства...

— Вы согласны? — Борей не в первый раз за сегодняшний день протянул Пичугину руку.

Тот колебался недолго.

— Сделаю все, что в моих силах! — и крепко пожал руку недавнему врагу.

— Друзья мои, позвольте вас предостеречь... — Алкамен выглядел расстроенным и обеспокоенным, — это уже не шутка с вашей... исторической битвой, а серьезное нарушение закона. А если окно будет закрыто изнутри?

— Тогда я намажу стекло патокой, наклею вощеную бумагу и осторожно выдавлю его. Помню, в детстве мы так забирались в соседские сараи... Утром подумают, что это обычные воришки.

— Кажется, у тебя явные уголовные наклонности.

— Возможно, но безделье никак не меняет ситуацию в мою пользу. Грех не использовать хотя бы малый шанс...

Скульптор отступил, по опыту зная, что отвратить Борей от задуманного практически невозможно, и предложил штабс-капитану разделить с ними скромную трапезу.

Время до ночи тянулось медленно, все светские условности на себя взвалил Алкамен, обсуждая с Пичугиным последние политические события, впрочем, Борей, в предвкушении ночной вылазки оживился. И только Петруша был молчалив, почти ничего не ел, но пошел на вечернюю прогулку с Корой и Алкаменом.

После десяти вчера Пичугин и Борей покинули мастерскую и довольно быстро добрались до пансиона вдовы Прилеповой. Они не заметили, что за ними следует на почтительном расстоянии приставленный к штабс-капитану городской.

В номере офицера они подождали, пока все стихнет, жильцы и прислуга уснут. Николай Сергеевич и художник почти не разговаривали, и если у обоих возникли какие-то сомнения, то ни один, ни другой их не высказа-

ли. Около полуночи за окном раздался какой-то шорох. Борей вопросительно посмотрел на штабс-капитана. Тот прислушался и пожал плечами.

— Коты, наверное.

— Ладно, кажется, все спокойно. Давайте я залезу в комнату, а вы подадите мне лампу. И посветите мне — я должен проверить, открыто окно или нет.

Легко и бесшумно оба перебрались в сад через подоконник. Прокравшись вдоль стены, Борей осторожно дотронулся до оконной рамы и потянул ее на себя. Рама сразу поддалась, и он понял, что вторая створка уже открыта. За спиной раздался шепот Пичугина:

— Окно открыто — странно. Не нравится мне это.

— Может, нас опередили здешние воры, проведав, что дама скончалась, а в ее номере можно пожить чем-нибудь?

— И они могут быть в сговоре с прислугой, которая специально не заперла окно. Слышите?

Внутри раздались звуки.

— Ящики открывает, — Пичугин вытянул голову, — и лампой запасся! — Борей тоже заметил неверный, прыгающий свет.

— Давайте схватим его. Нельзя же отпускать вора!

Офицер кивнул и показал художнику на закрытую створку, тут же прикрыл свою лампу и проскочил к открытой части окна. Борей отвел раму до упора, махнул напарнику и легко запрыгнул в комнату, повернулся, подхватил лампу у Пичугина и поднял ее над головой.

— Кто тут есть? — выкрикнул он грозно, а рядом с ним уже стоял штабс-капитан, лишив злоумышленника даже попытки побега.

Человек в глубине комнаты выронил «летучую мышь» и привалился к стене. Борей и Пичугин подскочили к нему и посветили лампой в лицо.

Прижимая одной рукой к груди кружевную ночную сорочку, а другой прикрывая лицо, жалобно скуля от страха, на пол сполз Серж Павленко.

ГЛАВА 16

— Это же наш распорядитель! — воскликнул штабс-капитан, разглядев пойманного преступника.

Борей сопел, и грозный вид его мог напугать самого отважного грабителя.

— Господа, господа... Молю вас, как великодушных людей... — пролепетал Серж, всхлипывая: — Не выдавайте меня.

— Что вам здесь угодно, мсье Павленко? — процедил художник.

— Клянусь вам, господа, я здесь из целей исключительно благородных!

Пичугин осторожно приподнял край ночной сорочки, которую комкал в дрожащих ладонях Серж.

— Это и есть ваша «благородная» цель?

— Нет! Это, так сказать, порыв души... У меня задание, но тссс! — Павленко прижал дрожащие пальцы к губам.

Вдруг Борей бросился на него, схватив за ворот мятого сюртука.

— Мерзавец, ты нам все расскажешь! — взревел художник.

Серж зажмурился и уткнул лицо в кружевные волны сорочки. Пичугин только хотел напомнить, что шуметь не надо, но тут вокруг дома затопали, пронзительный звук полицейского свистка разорвал в клочки остатки ночного покоя, дверь в номер Верочки распахнулась, несколько городских в долю секунды скрутили всех участников сцены.

От неожиданности никто из них не сопротивлялся, потому вошедший последним пристав смог насладиться работой своих подчиненных: Серж сжался в углу, а Борей и Пичугин лежали на полу, вытянув руки перед собой.

— Так, так, господа хорошие, — Шахмурзиев оглядел задержанных, — признаться, я ожидал несколько иного поворота, но и такому улову рад несказанно.

— Ваше благородие, — проблеял Серж, — молю вас, как великодушного человека...

Даже не взглянув в его сторону, пристав приказал городовым поднять Борю и Пичугина.

— И как прикажите сие понимать? — тихо спросил он.

— Вы ведь все одно не поверите, — угрюмо ответил Борей.

— Почему же? Мою совершенно необъяснимую веру в вас доказывает то, что вы, мсье Бобров, до сих пор на свободе пребывали. До сих пор, поскольку нынче вам уж не выкрутиться. А вы, господин штабс-капитан? Славно вы проводите свой отпуск, ничего не скажешь. То-то ваше начальство обрадуется!

Пичугин поднял голову.

— Бывают случаи, когда все не так, как кажется, — офицер уже пришел в себя и испуганным не выглядел, — ваши башибузуки ворвались за минуту до того, как мы с Ильей Михайловичем сами бы их вызвали. Мы засиделись в моем номере, беседовали, услышали шум, пробрались сюда и нашли здесь этого господина! — Пичугин кивнул в сторону Павленко. — Он обыскивал комнату.

Шахмурзиев, нахмурился: штабс-капитан, по его мнению, на выдумку хитер не был, да и Серж не снискал за время знакомства уважения полицейского.

— Это так? — резко повернулся он к Павленко.

Стежлянными глазами смотрел брат Диотимы в противоположную стену и молчал.

— Оне-с со страху дар речи потерявши, — осмелился выступить городской, — а господа верно сказывают: у их благородия долго сидели, я следил все время.

— Выходит, этого ты, братец, пропустил? — спросил Шахмурзиев спокойно.

— Мимо меня не проходил — на чем хотите поклянусь! Не иначе другой ход имеется.

— Вы, господин пристав, прислугу допросите с пристрастием, — вмешался Пичугин, — вероятно, мсье Павленко позолотил кому-то из них ручку, вот ему и приоткрыли потайную калиточку.

— Благодарю за совет, сам бы ни за что не догадался. — сухо ответил Шахмурзиев. — Так что, господин Павленко, будем трубить общий сбор и устраивать вам очную ставку со всеми горничными да лакеями?

Серж был похож на крысу, попавшую в ловушку, на снисхождение рассчитывать ему не приходилось. Облизнув губы, он принял, казалось, какое-то решение. Неловко поднялся и выпрямился перед приставом.

— Да-с, все верно. Господа застигли меня здесь вот... А что-с?

— Ну-ну, а зачем вы, позвольте спросить, сюда забрались?

— Из соображений, кои вам, сударь, будут непонятны, поскольку относятся к материям исключительно высоким! — ноги Сержа тряслись, но он попытался гордо вскинуть голову.

— А вы поделитесь с нами, может статься, что и мы, грешные, не чужды высоким материям.

— Что ж... Могу вам сказать... Признаюсь, что мадемуазель Беркутова была мною необычайно почитаема. Я восхищался ее талантом и... другими достоинствами. Горячо восхищался, да-с. Она погибла так неожиданно, трагически... Прервалась тонкая нить молодой жизни...

Пристав нахмурился.

— Прошу вас, к делу, сударь! Право слово, не всю же ночь тут сидеть!

— О, понимаю, — Серж судорожно сглотнул и осторожно прикоснулся к внешнему карману сюртука, — да-с, так вот. Я страдал, мучился несказанно и подумал, что на память о Верунчике у меня ничего не осталось. Я забрался сюда, чтобы сохранить воспоминания о богине... Моей богине, да-с...

И он протянул руки, на которых повисла сорочка. На лицах зрителей отразилась смесь жалости, презрения и насмешки.

— Извольте видеть, господа, все это чистейшее недоразумение, — осмелел Серж.

— Мда-а-а, — промычал Шахмурзиев, потирая подбородок, — все же, господин Павленко, арестую я вас за нарушение общественного порядка, да за то, что проникли сюда вопреки правилам. Могли бы прийти да сказать: так, мол, и так...

— Я не хотел, чтобы кто-нибудь знал, — прошелестел Серж, понутив голову, — но теперь, конечно, голубчик... Простите, ваше благородие, я готов к тому, что меня постигнет, так сказать, справедливая кара... Сестрица только огорчится...

Шахмурзиев задумался. Посадить Сержа на пару недель под замок казалось делом простым, но госпожа Кукушкина! Позор брата косвенным образом и на нее бросает некоторую тень...

Но внимание пристава неожиданно привлек Борей.

— Ах, какое тонкое дело — соблюсти все приличия и не рассердить важную даму! То ли дело простые художники...

— Не вам, сударь, судить о моих действиях, о себе побеспокойтесь.

— Обязательно!

Борей шагнул к Сержу и, обхватив его левой рукой, начал обыскивать каждый его карман. Павленко заскулил и стал вырываться.

— Довольно, господин Бобров! У вас нет полномочий вести следствие! — возмутился Шахмурзиев.

— Я, как вы изволили выразиться, беспокоюсь о себе. Что же делать, коли вы свои обязанности не выполняете! Самого простого не сделали — не обыскали задержанного!

Пристав поморщился — каждый норовит его учить.

— Будьте спокойны, уж не забыли бы... Да отпустите же мсье Павленко! — прикрикнул он на Борей, потому что Серж, извиваясь, издал пронзительный вопль и даже отпихнул художника.

— А чего это вы так боитесь? — усмехнулся Пичугин. — Э, да тут, похоже, не все так просто!

И он бросился на помощь Борей. Пристав раздраженно махнул рукой подчиненным, но полицейские не успели вмешаться — из внутреннего кармана пиджака Сержа Борей выхватил небольшую пачку каких-то бумаг и торжественно помахал ими. Серж уже не кричал, а подвывал, штабс-капитан отошел в сторону, и он вновь бессильно сполз на пол.

— Сейчас посмотрим, из-за чего столько волнений, — усмехнулся Борей. Его ноздри раздувались, он почуял, что добыча стоила сил.

— Ну, нет, господа, это произвол, — не допуская никаких возражений, Шахмурзиев отобрал пачку у художника, — а теперь прошу всех проследовать с нами.

— Куда? — насторожился Пичугин. Борей угрюмо молчал, догадываясь, каков будет ответ полицейского.

— Вы задержаны, любезный Николай Сергеевич, вместе со своим... компаньоном. Равно как и господин Павленко. Согласитесь, что ситуация сложилась непростая, трактовать ее можно и так, и этак. Завтра на свежую голову и разберемся. И прошу вас, господа, без пререканий!

Понимая, что спорить с приставом бессмысленно, все вышли в темный проулок. Городовые старались держать себя с господами вежливо, испуская недавний «набег». Но, как оказалось, они поторопились отнести задержанных в разряд смиренных.

Проулок, ведущий к более широкой улице, пересекался со множеством других таких же запутанных и плохо освещенных улочек. Процессия вытянулась в ряд: впереди пристав, за ним — один из городских, потом — штабс-капитан с Бореем и Сержем. В арьергарде шествовали остальные городовые. Когда рядом оказался поворот на соседнюю кривую улочку, Серж Павленко неожиданно рванулся туда и в мгновение ока скрылся из глаз. Городовые засвистели и побежали за ним, пристав что-то кричал им вслед, последний городской отнюдь не любезно оттолкнул к забору Пичугина и Борея. Художник вдруг разразился гомерическим хохотом.

— Ай, да месье Серж! Вот это прыть! А я-то думал, что он совсем плох. Как хотите, ваше благородие, но у меня бы этот господинчик не сбежал!

Шахмурзиев понимал, что художник его провоцирует. Он злился на вздумавшего бежать Павленко, на откровенно насмехающегося Борея, но пуще всего — на самого себя.

— Никуда он не денется, — буркнул пристав, приказав городовому доставить в участок штабс-капитана и художника, а сам отправился на шум, даже себе не признаваясь: ему очень хочется показать столичному скептику, что он контролирует все действия подчиненных.

Погоня по ночному городу со стороны, может, и выглядела сумбурно, но на деле полицейские действовали по разработанной приставом схеме — попытки затеряться среди множества переулков время от времени предпринимали и местные нарушители. Пристав быстро рассудил, что Серж — человек приезжий — вряд ли хорошо знаком с топографией Кисловодска, да еще не видно ни зги. Шахмурзиев приказал оцепить подходы к «Гранд-отелю» — рано или поздно, но Павленко должен явиться под крыло сестрицы.

Мерцалов в столь поздний час уже вкушал сон, вполне безмятежно, хотя вечером предрекал себе «адовы муки». Выпил успокоительных капель, некоторое время стонал о покинувшей его Музе, а потом заснул, и во сне видел себя в столичном театре, в окружении восторженных поклонников. А потому не сразу пришел в себя, когда его весьма бесцеремонно растолкали.

Двери в его апартаменты теперь оставались открытыми по настоянию Деи — она боялась, что кумиру ночью может стать плохо, и он, оказавшись один в темноте, впадет в панику. Сама она несколько раз за ночь заглядывала к нему, прислушиваясь, спит ли несчастный страдалец.

— А? Что? — выкрикнул Мерцалов, натягивая на себя покрывало и ожидая худшего — нападения, например.

В ответ он услышал невнятное бормотание, перемежаемое явственным лязганьем зубов. Мерцалов отполз в самый дальний угол своей роскошной кровати, мечтая, чтобы ночное происшествие обернулось всего лишь дурным сном. Он хотел было позвать на помощь, вспомнив, что в таком заведении, как «Гранд-отель», обязательно кто-то должен оставаться для услуг в любое время суток. Но не успел Валериан открыть рот, как услышал в коридоре топот и голоса.

— Сюды побег, чисто заяц в нору нырнул!

— Боже мой, что за светопреставление?

В гостиной апартаментов появились люди, кто-то зажег электричество. Дрожащий от страха Мерцалов увидел, что рядом с ним сжался Серж, тоже трясущийся, с белыми губами.

— Что происходит? — пискнул Валериан, растерявший все свое величие и значительность.

В спальню вбежали городовые и урядник.

— Вон он, голубчик!

Сержа схватили и поволокли, а он, захлебываясь и брызгая слюной, вопил:

— Я не виноват! Валериан, я не виноват! Они нашли! Нашли! Прости меня!

Перед апартаментами собирались разбуженные постояльцы, прислуга, шум нарастал, словно пчелиный улей расшевелили палкой. Шахмурзиев прошествовал мимо возмущенных и испуганных людей, громко объясняя, что бояться нечего, полицейская операция благополучно завершена. Навстречу ему пробивала себе путь Диотима — в белом чепце, с папильотками в волосах и наброшенной поверх немного легкомысленного пеньюара шалью, она не казалась важной особой. И выглядела не раздраженной, а по-настоящему испуганной.

— Ради Бога, ваше благородие? Что с Валерианом? — ломая руки, воскликнула Диотима.

— Не могу вам сказать, сударыня, полагаю, что ничего страшного с ним не произошло.

— Но я слышала ужасные крики! Умоляю вас, пропустите меня!

Пристав вежливо пригласил госпожу Кукушкину — скрывать от нее ночные приключения брата не было никакого смысла, особенно после его жалкой попытки побега.

В гостиной они застали уже накинувшего халат Мерцалова и Сержа Павленко, поникшего в руках мощного урядника. Он лишь всхлипывал и тихо стонал:

— Я не виноват, Валериан, я не виноват, прости меня.

Кратко и сухо поведал Шахмурзиев, почему величайший поэт современности был жестоко вырван из объятий Морфея. Лицо Диотимы багровело все больше, казалось, с каждым словом пристава. Когда полицейский замолчал, она закрыла лицо руками и простонала:

— Боже, какой стыд! Валериан, что же теперь делать?

Странно, но обычно всегда знающий что сказать, Мерцалов на этот раз как воды в рот набрал. Он бросил пару испепеляющих взглядов в сторону Сержа, но сделал вид, что не услышал призыва своей покровительницы.

Объяснения господина Павленко по поводу того, что он мечтал похитить на память о Прекрасной Даме ее ночную сорочку, вызвали у Диотимы новый приступ переживаний.

— Но кроме сорочки у вашего брата, сударыня, были обнаружены еще и... — продолжил Шахмурзиев, но тут Валериан дернулся и вклинился между полицейским и Диотимой.

— Моя дорогая, вы совершенно разбиты! Вам надо прилечь. Я потребую вызвать доктора.

Удивленный Шахмурзиев отступил на пару шагов и нахмурился. Мерцалов метался, воркуя вокруг покровительницы, подал ей свой носовой платок, такой большой, что лицо дамы потонуло в нем. В этот момент поэт повернулся к приставу и покачал головой, одновременно умоляюще сложив ладони.

— Э-э-э, — протянул Шахмурзиев, — знаете ли, мадам, я согласен с господином Мерцаловым. Все это слишком тяжело для вас. Давайте отложим на время выяснение печальных обстоятельств сегодняшней ночи. Мне крайне неприятно, но я вынужден снова забрать вашего брата в участок... Как уже было недавно. Нарушение общественного порядка...

— О, я понимаю! — Дея вздохнула и промокнула глаза платком. — Заберите его, предъявляйте обвинение... Делайте все, что считаете нужным!

— Сестра! Сестра! — тихо всхлипнул Серж.

— Надеюсь, что до официальных обвинений не дойдет, сударыня, — совершенно искренне заявил пристав.

После этих слов Мерцалов развернул бурную деятельность — вызвал горничную, лакеев, шумел и требовал сразу всего для госпожи Кукушки-

ной, но цель преследовал, судя по всему, лишь одну — спровадить ее из апартаментов, что ему удалось.

Шахмурзиев отправил Сержа в участок, под надежной охраной своих подчиненных. И думать было нечего, что еще одна попытка побега может ему сойти с рук. Но Серж словно выдохся, был похож на сомнамбулу и покорно брел, окруженный кольцом полицейских.

Потревоженная публика разошлась, шум постепенно стихал. Мерцалов налил себе воды из хрустального графина, упал в кресло и прижал руку к сердцу, морщась от боли. Но у Шахмурзиева эти артистичные пластические позы не вызвали сочувствия.

— Ну-с, господин Мерцалов, поговорим с глазу на глаз. Чего, как я догадываюсь, вы и желали. Я весь внимание.

— Видите ли, ваше благородие, — облизнул губы Мерцалов, — я желал бы оградить мою... Госпожу Кукушкину от некоторых... Сведений. У нее хрупкое здоровье... Нервы...

Генеральская вдова не произвела на пристава впечатления эфирного существа, падающего в обморок при малейшем дуновении реальной жизни, но он молчал, предоставляя Мерцалову доиграть роль до конца.

Догадавшись, что поддержки не будет, Валериан отчаянно бросился в омут с головой.

— Вынужден признаться, что Серж проник в номер моей... Госпожи Беркутовой ради меня.

— Вы послали его туда, — расставил все по местам Шахмурзиев.

— Да... Нет, что вы! Не совсем... В минуту слабости я пожаловался Сержу на некие обстоятельства, и он выразил желание помочь мне.

Из внутреннего кармана мундира пристав извлек пачку писем, перевязанную алой лентой.

— Это и есть, полагаю, те самые «некие обстоятельства»?

— Да! Это залог нашей... дружбы и духовного единения с Верочкой. И мне бы не хотелось, чтобы госпожа Кукушкина узнала об этой переписке.

— Но разве Диотима Сергеевна не была в курсе... Эээ, вашего духовного единения с мадемуазель Беркутовой?

— Случилось так, что в последнее время наши отношения с Верочкой зашли несколько дальше того, что полагала Дея. Собственно говоря, она думала, что никаких отношений вовсе и нет. Но я не мог отринуть свою Музу, а она не смогла отринуть меня. Некоторое время назад мы решили расстаться ради того, чтобы карьера Верочки в театре, ее служение Мельпомене засверкали в полную силу. Но потом... Чувства взяли верх, она написала мне... Я ответил... Слово за слово... И все воскресло. Мы поняли, что не можем жить друг без друга, и... Мы решили связать себя узами Гименея!

— Позвольте, но разве вы не ратуете за... Простите, кажется это называется «свободная любовь»? — усмехнулся Шахмурзиев, — Откуда вдруг такая тяга к бургерскому образу жизни?

— О! Знаете ли... Конечно, я считаю, что любовь должна быть свободна, но... Общественная мораль пока не готова окончательно рухнуть под натиском новых идей. К тому же Верочка... Она могла быть весьма настойчивой...

Шахмурзиев крикнул в усы, представив себе, какими методами актриса пыталась заполучить «величайшего поэта современности» в законные супруги.

— Но как вы собирались скрывать это от госпожи Кукушкиной? Как долго это оставалось бы тайной?

Мерцалов заерзал в кресле и нервным жестом поправил растрепавшуюся шевелюру. Очевидно, пристав ступил в те кущи, куда и сам Валериан остерегался забредать.

— Ах, какнибудь это утряслось... Прояснилось бы... Дея, она необыкновенно добра...

— Добра, но не глупа! И полагаю, степень ее доброты не бесконечна. Так в письмах, кои неумело пытался похитить мсье Павленко, обсуждаются ваши... matrimониальные устремления?

Валериан сдался на милость судьбы, смекнув, что играть в жмурки с расстроенными последними событиями приставом не стоит. Он покорно повесил голову, вздохнул и растерянно развел руками.

— Теперьто я понимаю, что поступал... легкомысленно. На меня нашло затмение. Вряд ли этот брак был бы удачен. Мое счастье в Дее, я вижу это так ясно, сбросив морок! Да, я скорблю! И буду оплакивать мою Музу всю оставшуюся жизнь. Но надо ли огорчать другую даму моего сердца? Небдуманно было посылать Сержа, но я поэт — личность импульсивная! Конечно, я должен был прийти к вам, все честно рассказать... Вы — мудрый человек, ваше благородие!

Шахмурзиев, которому за прошедшие недели изрядно надоели выходки Мерцалова, не поддавался на елейный тон и заискивания столичного поэта. Ради него пристав и пальцем не пошевелил бы, но дело касалось и другой особы. Он заговорил с Мерцаловым серьезно и сурово.

— Вы вели себя не легкомысленно, как вы изволили выразиться, господин Мерцалов, а безответственно. Но я соглашусь закрыть глаза на ваши делишки, дабы не усугублять страданий Диотимы Сергеевны. Довольно того, что братец не дает ей покоя! Разбивать сердца дам не моя стезя, дас! Я не стану приобщать вашу переписку к делу о смерти госпожи Беркутовой. Вряд ли она погибла из-за нее.

— Ваше благородие! — Валериан привстал с кресла, раскинув руки, собираясь обнять пристава. Но тот уклонился от этой чести, вытянув руку вперед.

— Погодите, сударь, я еще не все сказал. Господина Павленко мне придется задержать, поскольку есть множество свидетелей его проникновения в пансион.

— Да ради Бога! Пусть сидит, ему не привыкать, — умыл руки Мерцалов. — Но позвольте мне забрать эти ненужные бумаги. Я бы хотел пре-
дать их огню, дабы...

— Нет, они останутся у меня, — пристав спрятал письма обратно во внутренний карман, — тому есть причины. Надеюсь, моего слова вам будет достаточно, чтобы не волноваться по поводу их опубликования.

У Шахмурзиева было две причины придержать тайну столичного поэта. Во-первых, Борей и штабс-капитан Пичугин видели пачку писем, и пристав не сомневался, что художник может поднять шум по этому поводу. Конечно, посвящать его в историю Мерцалова никто не собирался, но в случае чего саму пачку можно будет продемонстрировать хотя бы городскому голове, объяснив всю тонкость проблемы. А во-вторых, не без радости подумал Шахмурзиев, «величайший поэт современности» станет вести себя скромнее, зная, какие козыри на руках у полицейского.

Вероятно, Валериан тоже это понял, потому что поутих, хотя и попытался напоследок отвлечь внимание пристава на другое событие.

— Ах, думаю, вам так никто и не сказал о происшествии на верхней площадке! Верочка... Госпожа Беркутова была согласна, что мы должны сделать заявление, но потом все эти ужасные обстоятельства... — Поэт прикрыл глаза рукой.

— Ох, сударь, что у вас там еще, — процедил сквозь зубы Шахмурзиев, — право слово, уж кажется, довольно.

— В день перед роковой ночью... Той ночью, что...

— Да, я понял, понял, дальше!

— Мы ездили на прогулку наверх, гуляли там. Так вот, там есть небольшие скалы, и кто-то стрелял рядом с ними, представляете?

— Угу, — устало кивнул пристав, — в кого стреляли, в вас?

Валериан помолчал, про себя решая, не приукрасить ли странную историю, в которой, однако, никто не хотел разбираться. Но разум подсказал ему, что в излишне красочных деталях Шахмурзиев быстро найдет, кого обвинить.

— Я бы так не сказал... — протянул поэт. — Стреляли, скорее, просто в воздух. Вообще же, мы все разбрелись, а среди камней и деревьев звуки обманчивы... Но это были выстрелы, не сомневайтесь. Серж — он

в этом разбирается, знаете ли. Так вот, он утверждал, что стреляли из пистолета.

— Хорошо, господин Мерцалов, я учту эти сведения, хотя пока не вижу, как они связаны с... Со всем остальным. Но запишу в бумаги — не беспокойтесь.

— Ах, вы правы, это кажется такой мелочью... — Вздохнул Мерцалов. — Столько уже после произошло, что остальное тает в тумане прошлого.

Пристав прервал поток поэтических метафор в зародыше, про себя, тем не менее, подумал, что мелочи иной раз оказываются важным кусочком в общей мозаике.

Громко сожалея о невозвратности содеянного, Валериан нашел в себе силы проводить полицейского вежливо, с некоторой долей подобострастности.

Шахмурзиев направился домой, кляня про себя отдыхающих, столичную богему и выдавшуюся такой беспокойной ночью. Он еще не знал, что впереди его ждут не беспокойные — страшные события, перед которыми сегодняшние покажутся легким водевилем.

ГЛАВА 17

Наутро приставу пришлось принимать соломоново решение. Он еще раз допросил Борея и штабс-капитана Пичугина, которые после нескольких часов не самого комфортного сна в участке угрюмо дали все те же показания, не отступив от них ни на йоту. Допрашивать Сержа Шахмурзиев вовсе не видел смысла: история ночных приключений сложилась весьма убедительная. Хотя пристав и подозревал, что художник и офицер не все ему поведали, поймать их на чем-либо ином, чем складная байка о дружеских посиделках, услышанном шуме и попытке поймать предполагаемого вора, возможности не представлялось.

Кроме того, Шахмурзиев не бросал слов на ветер, особенно, когда речь шла о тонкостях, связанных с дамами. Возможно, пристав и не производил впечатления романтической натуры, но в деликатном подходе толк знал. Он действительно не хотел разоблачать Мерцалова перед Диотимой, сколь бы столичный поэт ни был ему антипатичен. Он считал литератора проходимцем, но госпожа Кукушкина по непонятной причине боготворила паршивца. А потому черту под некрасивой историей Шахмурзиев подвел сразу после завтрака. Он понимал, что одно тянется за другим, и подними он шум вокруг действий Пичугина и Борея, всплывет, так или иначе, правда о «миссии» Павленко в номере погибшей актрисы.

Так что, оформив протокол о ночных событиях, он приказал освободить всех участников, выписав господину Павленко штраф и «последнее

предупреждение» за нарушение порядка. А с Борей и штабс-капитана были сняты все подозрения, им даже принесли извинения.

Иными словами, историю с матримониальными намерениями Мерцалова и актрисы Беркутовой пристав решил сохранить втайне. Да и не виделась она ему важной в свете трагических смертей молодых женщин. Привлекать всеобщее внимание к незначительным деталям казалось приставу лишним — и без того беспокойно.

Трое выпущенных на волю покинули участок вместе. Но Серж Павленко старался держаться от Борей и штабс-капитана в стороне, памятуя об их медвежьих объятиях. Впрочем, новых попыток обыскать Павленко с их стороны не наблюдалось. Борей лишь хмуро взирал, как урядник возвращает Сержу его имущество. Он убедился, что связки писем не было, сделав верный вывод об изъятии Шахмурзиевым важного доказательства. А Пичугин с нескрываемым презрением следил, как Серж дрожащими руками пересчитывает деньги.

— Все, сударь, вам вернули? — прогудел урядник, уязвленный мыслью, что нашаливший барин не доверяет полиции.

— Да-с, голубчик, все в порядке, — Павленко спрятал портмоне и потер ладони. Тут же покосился на художника и офицера, выбрал голову в плечи и поспешил в город. Борей про себя усмехнулся: имея на руках приличную сумму, Серж вряд ли явится к сестрице и Мерцалову, пока все не прогуляет.

Сам Борей вернулся в пансион таким мрачным, что друзья не стали его ни о чем спрашивать. Унылая атмосфера никак не рассеялась после обеда, и скульптор решил, что работа — лучший лекарь. Он сел за карандашные наброски. Глядя на него, и Борей потянулся к кистям. Только Петя демонстративно отказался заниматься делом: так и сидел на подоконнике, глядя на улицу. Борей покосился на ученика, что-то хотел ему сказать, но Алкамен тихо покачал головой, призывая друга к терпению. Художник оставил юношу в покое.

Со стороны парка раздавалась музыка — там играл военный оркестр, мимо ворот пансиона проходили дамы и господа, веселые компании, то и дело слышался смех, шутки. Жизнь продолжалась, как будто не было страшных убийств Дашеньки и Елены Андреевны, как будто не было странной смерти Верочки Беркутовой, и уж конечно, мир не заметил печальной истории молодого и полного надежд поэта. Петя, впервые столкнувшийся с жестокой реальностью, не мог понять, как все эти люди могут радоваться жизни как ни в чем не бывало. Человечество начинало его разочаровывать, а душу терзали мрачные предчувствия.

Наступали сумерки. Алкамен зажег керосиновую лампу и оглядел студию.

— Братцы, а не откушать ли нам чаю?

Его веселый голос никого не обманул, но привлек все же внимание художников.

— Пожалуй, — хмуро бросил Борей, — Петро, попроси горничную поставить самовар.

Но скульптор быстро сбросил пиджак и закатал рукава сорочки.

— Я сам поставлю, а то он выкипит. Горничная нами что-то в последнее время недовольна, забывали мы ей чаевые оставлять, что ли?

Алкамен исчез во дворе, где по теплой погоде еще держали самовар для постояльцев. Петя даже головы не повернул, а так и смотрел, прижав лоб к летней раме, во двор и дальше — за забор пансиона.

Неслышными шагами в студию вошла Кора. Наплакавшись о судьбе своего друга и «духовного собрата», она уже успокоилась, хотя и выглядела бледной. Но в глазах ее загорелся огонек интереса к окружающему миру.

— Ах, смеркается, — пропела она, — хорошо бы куда-нибудь пойти.

— Настроения нет, — не оглядываясь, ответил Борей, — хотелось бы вечером поработать на световом контрасте.

Поэтесса надула губы:

— А в ресторан? Будете же вы ужинать? Сколько можно сидеть, как в тюрьме право!

— Пошлем мальчишку в трактир, а Алкамен уж самовар ставит.

Художник по-прежнему не отрывался от холста. Под кистью появилось женское лицо, с каждым мазком все больше приобретающее сходство с Еленой Андреевной.

Кора покосилась на работу друга и топнула ногой:

— Не хочу ужинать в этом сарае! Хочу к людям, хочу туда, где светло и красиво!

— Так иди, кто тут тебя держит? — фыркнул Борей и, опустив кисть, как зачарованный устался на прелестное личико.

— Не хочу идти одна! — возмутилась девушка. — В конце концов, я — дама, вы должны меня развлекать. Мне скучно!

— Ах, тебе скучно! — неожиданно завопил Борей. — Хочешь, станцюю! И спою! Ты можешь проявить хоть каплю сочувствия? Убили нескольких женщин, Адам с ума сошел, а меня... — он шумно выдохнул, — быть может, подозревают в убийствах!

— А чем мы можем в данный момент помочь им: и Адаму, и убитым? — тоже закричала Кора. — Все равно изменить ничего нельзя! Это их Судьба! У каждого своя Судьба! И что же теперь — скорбеть обо всем человечестве?

— Тьфу! — разозлился Борей, повернувшись, наконец, к Коре всем корпусом, — дура! Ты слышала меня или нет? Я под подозрением!

Кора вспыхнула, как факел:

— Тебя подозревают потому, что ты эту барыню нам навязал! Не устоял! Чуть мордашка смазливая, и ты обо всем на свете забываешь! Если бы не подозрения пристава, ты бы сейчас восхищался ее смертью! Да, она везде! Но мы-то живые. И смерть этой особы — не слишком большая утрата для мира. Она была пустой и ничтожной куклой!

Борей усмехнулся, поднялся и подошел к столу, прищурившись, посмотрел на своего ученика, который отвернулся от окна и с ужасом слушал спор художника с подругой. Девушка закусилла нижнюю губу почти до крови, следя за каждым движением неверного возлюбленного. В ее душе вспыхнула какая-то давняя обида, а взгляд упал на одинокую розу, небрежно поставленную утром в стакан — цветы Борейю доставляли с жестокостью регулярностью, ведь он оплатил их покупку вперед.

— И ты никогда не дарил мне цветов! — вдруг закричала она.

На этот крик со двора прибежал Алкамен. Он замер возле двери, не решаясь вмешаться. Кора оперлась на стол обеими руками, встав напротив Борей. Тот тяжело дышал и явно собирался сказать что-то неприятное. Помолчав, он рассмеялся злым смехом:

— Это ты пустая и ничтожная кукла! Я никогда не дарил тебе цветов, потому что ты — жалкое подобие женщины! И Дашенька, и Елена были лучше тебя, хотя не имели никаких талантов. Но любой мужчина выбрал бы их, а не тебя. И Петро скоро поймет, чего ты стоишь! Еще пожалеешь, что смеялась над мальчишкой! Получай!

Борей схватил розу и швырнул в лицо Коре. Мягко ударив девушку по щеке, цветок бесшумно упал на пол. Кора, обведя безумным взглядом студию, подобрала его и прошипела:

— Ты еще пожалеешь об этом! О, как я хочу умереть!

— Сделай милость!

Она сжала розу в руке, не замечая крови на ладони от шипов, гордо обошла Алкамена и хлопнула дверью. Ее звонкий голос то ли продекламировал, то ли простонал, отдаваясь:

— Прочь, прочь из этого ужасного мира! Прочь от этого жалкого места! Потом в студии воцарилась тишина.

— Зачем ты так с нею, Борей? — нарушил молчание скульптор. — Кора талантлива, и она влюблена в тебя.

— Она любит только себя, — махнул рукой Борей, — у меня нет иллюзий.

— И все же ты неправ, — упрямо наклонил голову Алкамен, который никогда не мог смотреть на Кору трезвым взглядом.

— Может быть, — бросил художник, — но ее увлечение кокаином перешло все возможные границы, она больше не контролирует себя.

— Значит, мы должны о ней позаботиться, — нахмурился скульптор. Петруша согласно затряс светлыми вихрами.

— Мы не можем ее бросить, ты же знаешь, что Кора просто погибнет!

— Ничего подобного! Она, как кошка, устроится. А если нет — и ладно!

Алкамен прошелся по студии, машинально поправляя сдвинутые стулья. Его лоб пересекла небольшая складка, сильно его старившая.

— Прости, Борей, у меня нет права задавать тебе не деликатные вопросы... Но... У тебя не осталось никаких чувств к ней? — спросил он печально.

Художник горько усмехнулся.

— Если бы никаких! Был бы счастлив! Но я ее видеть не могу, настолько она мне противна. Не знаю, как так получилось... Но здесь все проще, чем в столице, другая жизнь, и люди другие. А может, я просто устал, может, что-то во мне изменилось. Вся фальшь ее и пустота вдруг открылись... Эти пошлые разглагольствования о смерти, о мистическом!

— Ты сам не чужд подобным рассуждениям, — прервал его Алкамен.

— Да! Все мы отдали дань салонной моде! Весь Петербург сошел с ума на почве «Прекрасной Смерти» и прочей чепухи! Алкамен, друг мой, признайся, положи руку на сердце, — разве это настоящее творчество? Разве таланту нужны все эти бредни, чтобы создать что-то стоящее?

— Положи руку на сердце — нет. Я согласен с тобой — надо просто творить, созидать. Но ведь вдохновение приходит разными путями — тут я и с Корой соглашусь...

— Неужели ты не видишь, что на самом деле она хочет быть в центре внимания, чтобы ей поклонялись, как... Тьфу, как богине какой-то! Богиня, нюхающая кокаин! Нет в ней таланта ни на грош. А вся эта мода и суматоха дурно влияют на мозги! Вот Адама к чему привело?...

Алкамен сухо перебил друга:

— Относительно Кору ты высказался ясно. Но она еще молода, она просто потерялась в этом огромном мире, и наш долг — помочь ей.

— Извините, но у меня нет ни малейшего желания нянчиться с этим чертовым отродьем, — процедил Борей.

Он попытался вернуться к работе, хотя руки его дрожали.

Молчавший до сих пор Петруша забеспокоился:

— Куда она пошла? В таком состоянии она на все способна! Надо ее найти, привести домой.

— Лучше всего оставить ее в покое, погуляет и вернется, никуда не денется, — сухо ответил его учитель.

Алкамен потоптался, повздыхал и согласился с другом. Петруша еще некоторое время рвался пойти за Корой, но Борей напомнил, что в Петербурге случилось подобное, и поэтесса возвращалась домой через несколько часов, забыв и о самих ссорах, и об их причинах.

Благодаря Алкамену поужинали сносно, но бывалого веселья не наблюдалось и в помине.

— Что будем делать — спать? — старясь говорить спокойно, спросил Алкамен.

Борей пожал плечами:

— Может быть, позже выйду, пройду. Что-то голова разболелась. Эх, пора уезжать, да господин Шахмурзиев не позволит. Сбежать, что ли? — он неискренне засмеялся.

— Что ты, Борей, — испугался Петя, — нельзя! И потом... Как мы уедем без Адама?

— Надо бы его в Пятигорске навестить, — согласился скульптор, — вдруг его... затмение пройдет, или ему лекарства новомодные помогут.

— Делайте, как хотите, — вздохнул Борей, — только боюсь, Адам... уже никогда не будет прежним.

— Неужели с ним... это случилось, потому что пристав заставил его, ну... то, что ты говорил, — почти прошептал молодой человек.

Художник молчал некоторое время, потом покачал головой:

— Если разобраться хорошенько, наш Адам всегда был немного... того. Конечно, все эти убийства на него повлияли, подозрения — это понятно. Но чтобы на полицейского взваливать вину... Нет, по совести — нет.

— Знаешь, не гуляй сегодня долго, — вдруг нахмурился Алкамен, — а то мало ли что его благородию в голову придет.

Борей резко отодвинул тарелку на середину стола.

— Ох, други, от судьбы не уйдешь! А чтобы от вашей ненаглядной Кору избавиться, готов даже в тюрьму сесть!

Он встал из-за стола, хлопнул по плечу ученика и, тяжело ступая, пошел к себе. Алкамен и Петя молча переглянулись — а о чем было говорить?

Расстроенный Петруша побрел в комнату и рано лег спать. Проснулся он глубокой ночью от какого-то смутного страха, вышел в коридор и заглянул по очереди во все комнаты. Никого на месте не было, постели убраны. В комнате Кору — разгром, и Петя испугался бы, если бы не знал, что таково обыкновение молодой поэтессы. На кровати и стульях разбросаны в беспорядке платья, на полу — туфельки и полусапожки со шнуровкой. Вдохнув сладковатый аромат французских духов, юный художник

зажмурился и, отгоняя образ своей прекрасной, но безжалостной возлюбленной, осторожно закрыл дверь.

Что, казалось бы, могло быть естественнее, чем тишина ночью? Но Петя поежился, необъяснимое беспокойство не позволяло ему вернуться в постель. Он тихонько прошел в студию. Там было темно, но Петруша знал, где стоит керосиновая лампа. Ее свет озарил комнату, спугнув двух котиков, доедающих со стола остатки ужина. Молодому человеку стало одиноко и тоскливо. Он вспомнил, что в верхнем парке есть одна поляна: они забирались туда в прежние ночные вылазки. Луна казалась там ближе, а весь мир — какой-то сказкой. Захотелось вернуться в эту сказку, когда все веселились, и не было никаких убийств. Правда, тогда с ними еще не было Кору, но само ожидание приезда поэтессы и мечты о возможном счастье способствовали романтическому восприятию южной ночи.

Петя переставил лампу на подоконник, вылез в сад, перехватил лампу и, отбросив внутренний затвор на калитке, покинул пансион, нимало не заботясь о том, что теперь туда могут проникнуть воры.

Фонари в нижнем парке давно погасли, аллеи освещали только звезды и луна. Тихо журчала речка. Здесь было бы совсем не страшно, даже как-то уютно, если бы не три мертвых женщины, погибшие неподалеку друг от друга. Петя поежился, проходя мимо фонтана, в котором нашли Дашу. Где-то хрустнула ветка, раздался шорох, шаги. Петруша вздрогнул: трудно было понять, действительно здесь кто-то есть, или ему померещилось. На всякий случай он встал за дерево и прикрутил фитиль лампы. Из боковой аллеи доносилось фальшивое пение:

— Я встрееетил вас, и всеооо былое в отжившем сердце ооожило...

А через несколько секунд вывернул, покачиваясь из стороны в сторону, человек. На открытой поляне при свете луны Петя узнал Сержа Павленко. Тот добрал до фонтана и упал на бордюр.

— Какая ночь, какие звезды... Сколько тайн! — выкрикнул Серж и плеснул себе в лицо водой.

Петя поежился — встреча с братом Диотимы совершенно не входила в его планы. Но вопли Сержа внезапно перешли в невнятное бормотание, силы покинули его, и он опустился на землю перед фонтаном, уже ничего не замечая вокруг.

Сжав пальцами лампу, молодой человек с тоской подумал, что где-то бродят Борей и Алкамен. Он вздохнул и осторожно двинулся к террасам через деревья, удаляясь от пьяного Павленко. Вскоре он завернул за поворот аллеи и устремился в верхний парк, держа лампу прямо перед собой.

Наверху деревья росли гуще, и было темнее, террасы заворачивали все круче. Воспоминания о прогулках и поэтическом турнире терзали Пете

душу. Он бы полжизни отдал за то, чтобы повернуть время вспять. Тогда сумрак ночи, тишина и светила выглядели загадочными, но такими теплыми и родными. А сейчас та же картина пугала молодого человека — парк казался враждебным темным царством, скрывающим ужасные тайны.

На последнем повороте террасы Петруша остановился и задумался. Куда идти? Мелькнула мысль: а зачем он вообще пошел сюда? Кого он хочет найти? Петя сглотнул и выдохнул, отгоняя сомнения. Он должен найти Кору. Беззащитную, несчастную Кору, которую разлюбил Борей и которая бродит сейчас по парку неприкаянная, чувствуя себя никому не нужной. Надо отыскать ее, прижать к себе, чтобы она поняла — он, Петр Десятников, никогда ее не покинет!

Молодой художник рванулся вперед, зовя поэтессу. Теперь он не сомневался в своих силах и знал, что найдет Кору, даже если придется до самого утра бродить по самым темным закоулкам парка. Но сначала надо проверить ту поляну, на которой они устроили поэтический турнир, тем более что она располагалась недалеко. Петя узнавал места — здесь росли необычные сосны с раскидистыми ветками вниз.

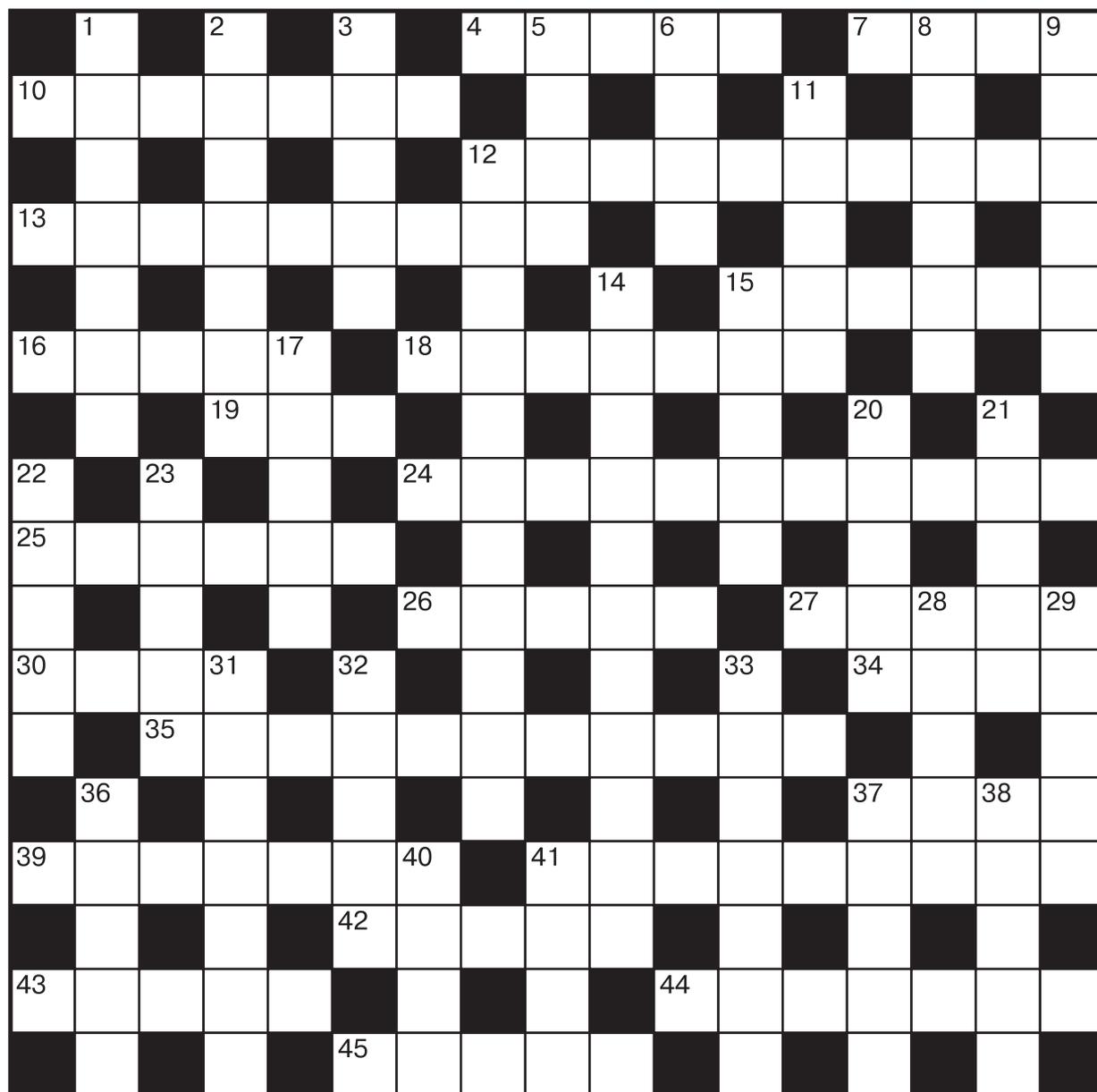
Он быстро дошел до той поляны, выкрикивая имя девушки. Но ему никто не отвечал, а ночные птички испуганно замолкли. Поводя лампой, Петя обошел одну сторону поляны. Никого не увидел. И вдруг что-то его обеспокоило. Запах... Запах знакомых духов, чуть приторных, которые так любила Кора.

Петя огляделся, приподняв лампу. Вокруг поляны суровыми стражами стояли сосны — как сказочные часовые охраняют сокровище. Что-то толкнуло молодого человека, он поставил лампу на землю, шагнул на траву и пошел к центру поляны.

Да, старые деревья охраняли свое сокровище — там лежало тело девушки в сиреновом наряде, освещаемое равнодушной луной. Глаза Кору были закрыты, волосы темной волной окутывали худенькие плечи, а шею стягивал ее любимый шарф. Петя упал на колени и приподнял еще теплое тело возлюбленной. Ее наряд был усыпан полевыми цветами: вокруг их росло видимо-невидимо. Среди этих цветов на груди лежал кулон-гранат, а золотая цепочка была аккуратно расправлена. Сквозь слезы Петруша увидел, что кулон раскрыт, и «зернышки» граната выломаны из основы. А в раскрытой ладони Кору лежала завядшая и помятая роза, которую в студии швырнул ей Борей. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Кого пригласила внучка помочь вытягивать сказочную репку? **7.** Что накладывают на переломанную кость? **10.** Вся ... власти. **12.** Что пионеры в советские времена собирали? **13.** Кто из якобинцев утверждал, что «без террора добродетель слаба»? **15.** «И

снится нам не рокот космодрома, не эта ледяная ...» **16.** Кто командовал Степным фронтом в ходе Курской битвы? **18.** От чего «черт ногу сломит»? **19.** Где ночует на канapé герой комедии «Будьте моим мужем»? **24.** Одежда для подводных прогулок. **25.** Что чистят при помощи

квача? **26.** С каким из диснеевских героев дружил мышонок Тимоти Маус? **27.** Какая птица «поет хвостом»? **30.** Что обычно делают с помощью шприца? **34.** На какой совет в Древнем Новгороде созывали? **35.** Кто борется с весом, не стремясь похудеть? **37.** Какое пространство поражает взгляд? **39.** У кого из народных артистов СССР прямо дома стояли станки, поскольку он увлекался токарной и слесарной работой? **41.** Какая соразмерность видна в зеркале? **42.** Эрудированный пошляк. **43.** Самый ходовой музыкальный стиль в аэробике. **44.** Что врач записывает в медкарту со слов пациента? **45.** Метка на кобыле, чтоб не уводили.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кто из сказочных героев допелся до смерти? **2.** «Бесконечные репетиции конца света снижают ... к премьере». **3.** На чем летает Баба-Яга в русских сказках? **5.** Что может быть как смертельным и решающим, так и штраф-

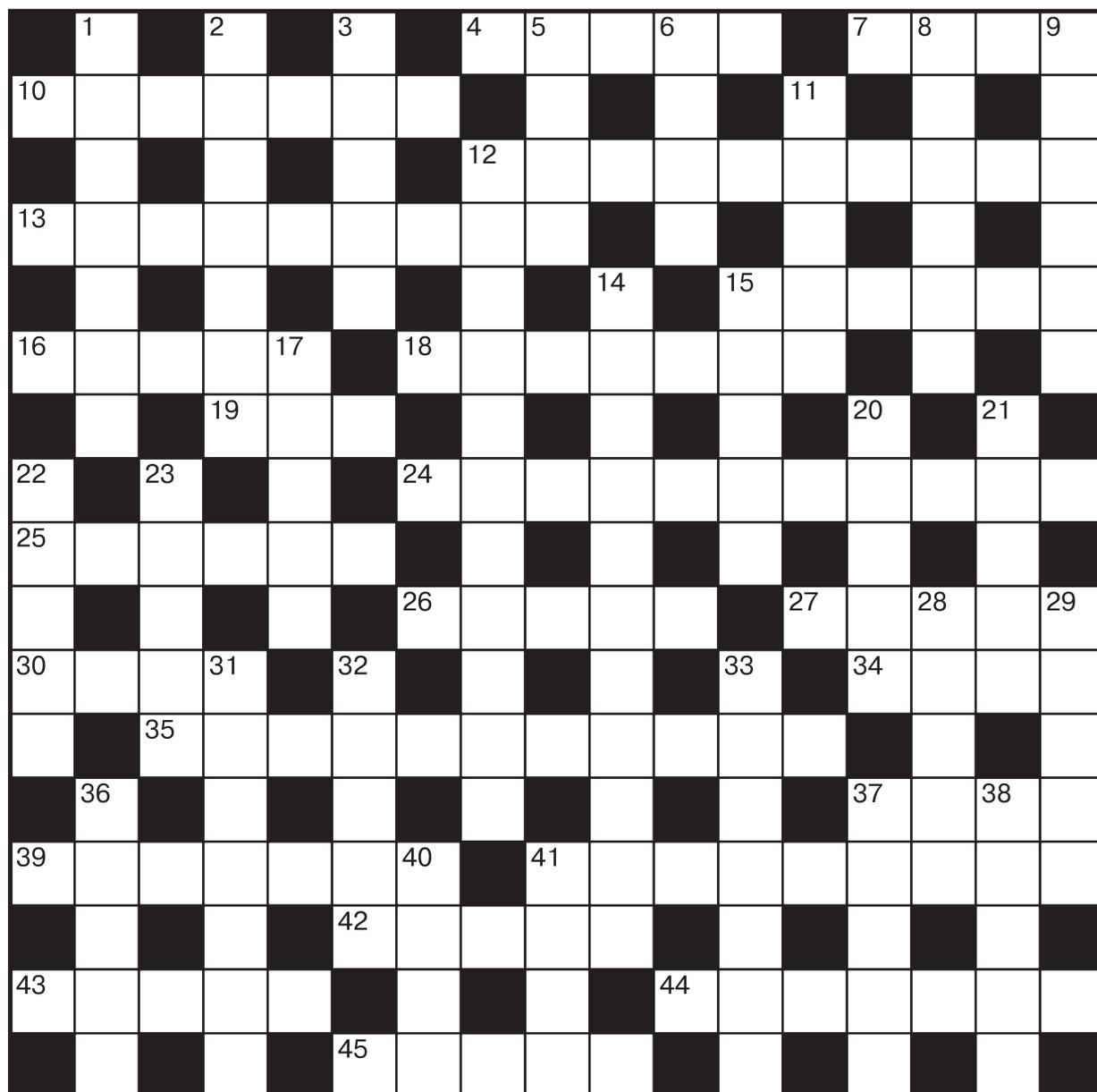
ным? **6.** Штрафной ... биатлонисту назначают за промах. **8.** Руководитель монастыря. **9.** Пара к графину. **11.** Задача, стоящая перед тискарами. **12.** Труженик сельского хозяйства. **14.** Кто живет на всем готовеньком, но за чужой счет? **15.** С каким сказочным фильмом связан дебют в кино Аллы Ларионовой? **17.** Самая длинная ящерица на свете. **20.** Кто написал роман в стихах о своем друге Владимире Маяковском? **21.** Дегустатор с тонким обонянием. **22.** Что в мартеновскую печь заливают? **23.** Кто штурвалит самолетом? **28.** Подходящий напиток «на сон грядущий». **29.** Кого объединяют узы крови, но ссорят денежные вопросы? **31.** Прыгающий имидж Василисы Прекрасной. **32.** Полярный зверь с голубым мехом. **33.** Деконструктор пиццы. **36.** Какой черновик создают мазками? **37.** Трафаретная мышь. **38.** Планшет библиофила. **40.** Какой груз снимает с души исповедь? **41.** «Шампанское» на яблочном соке.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Фауст. **6.** Вампум. **10.** Руссо. **12.** Килиманджаро. **13.** Дартс. **15.** Репетитор. **17.** Додо. **20.** Нос. **21.** Паркур. **22.** Сад. **24.** Фото. **26.** Рэсол. **28.** Ловкость. **29.** «Витязь». **30.** Гид. **31.** Пуд. **33.** Друид. **34.** Лимон. **37.** Ассам. **39.** Токен. **40.** Молотов. **41.** Охват. **42.** Забег. **43.** Пипетка. **44.** Акустик. **45.** Скотч. **46.** Гаянэ.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Шуман. **2.** Осетр. **4.** Ахинея. **5.** Скипидар. **7.** «Аида». **8.** Правопорядок. **9.** Многоборье. **11.** Газон. **14.** Секутор. **16.** Розов. **18.** Шпиль. **19.** Привкус. **23.** Дэвид. **25.** Штурмовик. **27.** Лилит. **30.** Гипотеза. **31.** Психика. **32.** Дамассе. **35.** Мозаика. **36.** Невеста. **38.** Боткин. **43.** Пир.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Золотая монета из Лилипутии. **7.** Конное единоборство у узбеков. **10.** Африканская горлинка. **12.** Наш генерал, подписавший 7 мая 1945 года Акт о капитуляции Германии. **13.** Какая охотничья собака умеет великолепно плавать и нырять? **15.** Индейский празд-

ник с раздачей подарков. **16.** Стрела охотника на пушных зверей. **18.** Куда, как полагал Александр Пушкин, улетает душа увядшей розы? **19.** Лепешка у казахов. **24.** «Главное достоинство» импортного магнитофона из комедии «Берегись автомобиля». **25.** «Военная академия» для

юношей в Древней Греции. **26.** Архангел искусства у христиан. **27.** Двухногий червяк. **30.** Оберег от нечисти в «Вии». **34.** Купюра в коллекции нумизмата. **35.** С каким заливом связан самый длинный пляж в мире? **37.** Волк из свиты Одина. **39.** Кто поселяется внутри героя Тома Харди из фильма «Веном»? **41.** Самый «мощный» среди спартов. **42.** Снежный гриф. **43.** Соевый жмых. **44.** Славянская Эос. **45.** Румба на Ямайке.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Золотая цепь, украшенная драгоценными камнями. **2.** Учитель живописи великого Рембрандта. **3.** Какая индийская каста сотворена «из стоп Будды»? **5.** Хлебная жужелица. **6.** Писательница, вдова Эрнеста Хемингуэя. **8.** Последний месяц в трудовой биографии знаменитого лайнера «Титаник». **9.** Блюдо из «семерки кулинарных чудес» Перу. **11.** Где проводят самые знаменитые скачки в графстве Суррей? **12.** Уровень океанской глубины, с которого жителям

приходится подниматься на верхний этаж, чтобы пообедать. **14.** Кто из лидеров большевиков окончил ту же гимназию, что и Петр Столыпин? **15.** Какой замок стал резиденцией Галы Дьяконовой? **17.** Пальма, из листьев которой жители Мадагаскара делают шляпы. **20.** Кто из царей воспитывал царевича Эдипа? **21.** Кто из великих легкоатлетов совершил «прыжок в XXI век»? **22.** Парчовый карп. **23.** Громовержец хурритов. **28.** Издатель «Альционы». **29.** Какой тропический зверь состоит в родстве с носорогами? **31.** Африканская ромашка. **32.** Какой классический роман оперно озвучил Сергей Прокофьев? **33.** Знаменитый архитектор, застроивший столицу Бразилии. **36.** Языческая религия почитания природы. **37.** Живописец, унаследовавший «Лестерский кодекс». **38.** В каком украинском городе можно посетить Музей Первокниги? **40.** Бинго в борьбе. **41.** Сплав для отливки типографского шрифта.

Ответы на эрудит, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Харза. **6.** Эдисон. **10.** Карач. **12.** Хирографарий. **13.** Шалап. **15.** Воробышек. **17.** Агни. **20.** Чиа. **21.** Аваким. **22.** Кил. **24.** Ламе. **26.** Надим. **28.** Антиохия. **29.** Реформ. **30.** Вит. **31.** Муш. **33.** Аскот. **34.** Кошка. **37.** Люстр. **39.** Злато. **40.** Анталоп. **41.** Асана. **42.** Офуро. **43.** Вертлюг. **44.** Вегенер. **45.** Бенну. **46.** Ассам.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Хабан. **2.** Надав. **4.** Азимов. **5.** Зворыкин. **7.** Дафн. **8.** Сероглазочка. **9.** Нейрилемма. **11.** Урбеч. **14.** Починок. **16.** Кинир. **18.** Зафак. **19.** Балтеус. **23.** Лафит. **25.** Диссентер. **27.** Мейоз. **30.** Волантис. **31.** Мюнстер. **32.** Штандер. **35.** Шлиффен. **36.** Атерина. **38.** Волюта. **43.** Век.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2024 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 237 рублей 60 копеек	За 1 номер — 269 рублей 50 копеек
За полугодие — 1425 рублей 60 копеек	За полугодие — 1617 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2024 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ,
КОНКУРС!

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

24001

Дорогие читатели!

У многих из нас живет дома какой-нибудь домашний питомец: собака, кошка, попугай или канарейка, даже черепаха. . . Они настолько искренне привязаны к своему хозяину, что невозможно не ценить эту бескорыстную и нежную дружбу. Это действительно наши «братья меньшие», и называют их так из-за глубокой к нам привязанности. Если мы относимся к своим питомцам с лаской и любовью, они отвечают нам тем же, потому что это самые верные и преданные существа. И при этом мы нуждаемся в них не меньше, чем они в нас. Не стоит забывать строки из «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Пишите нам о своих любимцах, об их повадках, характере, о вашей взаимной дружбе, которая словно очищает душу и наполняет ее любовью не только к вашему питомцу, но и помогает немного другими глазами воспринимать окружающий нас мир.

Вот поэтому мы и решили в 2024 году объявить среди наших подписчиков конкурс

«БРАТЬЯ НАШИ МЕНЬШИЕ»

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца октября 2024 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2024 года, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена»

- Первая премия** — бесплатная годовая подписка
Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала
Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*